

Литературно-художественный журнал

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Основан в 2001 году
при поддержке
Союза писателей России

Выходит ежеквартально

№1 (35) • 2018

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

3 **Светлана МОСОВА.** Моя дорогая Флёр. Пан Тимоха. Горбуша. *Рассказы*

17 **Владимир ШЕМШУЧЕНКО.** Стихи

21 **Рустам МАВЛИХАНОВ.** Волна. Эхо. *Рассказы*

25 **Лев КОЗОВСКИЙ.** Времена года. Стихи

34 **Сергей ЮДИН.** Демоны Амастриана. *Повесть*

54 **Алена ЛОБЫНЦЕВА.** Стихи

58 **Марина РЯБОЧЕНКО.** Город, в котором хочется жить. *Путевые заметки*

64 **Татьяна ДУДНИКОВА.** Стихи

74 **Юрий ГЕРЦМАН.** Поцелуй Бога. *Рассказ*

ПРОЗА. ДЕБЮТ

77 **Елена ОВЧАРОВА.** «Летайте самолетами Аэрофлота». Ёлка. Чипок. Лавочка на берегу. *Рассказы*

89 **Анастасия ШУМИЛОВА.** Соня. *Рассказ*

ГОСТИНАЯ «ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ»

93 **Ольга ПЕРЕВЕРЗЕВА.** Стихи

99 **Наталья КАРАЕВА.** Личная жизнь. Ну вот скажи, Максимов... *Рассказы*

107 **Максим КОРЕПАНОВ.** Веселое время года. *Стихи*

НЕУВЯДАЕМЫЙ СОНЕТ

113 **Леонид КАРПОВ.** Есть женщина. *Венок сонетов*

Главный редактор –
Светлана Склейнис

Редакционная коллегия:
Александра Дашкевич (ответственный секретарь)
Виталий Дмитриев
Борис Орлов
Елена Первушина
Виталий Пинковский (зам. главного редактора)
Владимир Порудоминский
Татьяна Семёнова (зам. главного редактора)
Александр Скоков

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
При перепечатке ссылка на журнал «Изящная словесность» обязательна.

Светлана
МОСОВА

РАССКАЗЫ

МОЯ ДОРОГАЯ ФЛЁР

Бог народа, к которому принадлежала Флора, женщине в душе отказывал: у мужчины душа есть, говорил Бог, а у женщины её нет.

А у Флоры она была. Живая, горячая – Флора её чувствовала. Была ли у неё селезёнка там или, скажем, печень – это было под вопросом, потому что Флора их не ощущала, но душа точно была – она давила в рёбра, подкатывала к горлу и выпадала осадками в виде слёз. Но Бог отказывал женщине в душе, при этом нечаянно, по недоразумению видимо, Флору всё же душой наделив.

И Флора поняла, что она не подходит Богу и принята Им – с таким браком, с таким изъясном – быть не может.

А трудно жить без Бога. Бога хотелось. И хотелось в доме мужчины: потому что отца у Флоры тоже не было. А Флоре страстно желалось знать: а как это, когда в доме мужчина?.. Но мама Флоры замуж больше не вышла, хотя был археолог, писавший маме стихи, и музыкант, игравший для мамы Шопена, но! Сами стихи и Шопен маме, видимо, нравились больше.

С утра до вечера женщины в их краю резали на веранде салаты – резали, резали, резали, и приезжие дамы спрашивали: у вас гости будут? Хозяйки отрицательно качали головами и резали, резали, резали. А вечером возвращались мужчины, садились за стол и ели, ели, ели. Женщины подавали. А утром опять резали. И соседки их резали. И дочери, подрастая, выходили замуж и тоже резали. И новые отдыхающие, проходя мимо, вежливо спрашивали: гостей ждёте? И женщины отрицательно качали головами и смотрели им вслед осуждающе.

А Флора не хотела резать салаты. Флора мечтала выйти замуж, уехать и жить не обременённой вековыми традициями.

• **Светлана Мосова** – прозаик, журналист, сценарист, автор более пятисот телевизионных программ, среди которых циклы «Это город Ленинград» (телеканал «Россия»), «Малые родины большого Петербурга» (телеканал «Санкт-Петербург»). Автор шести книг: «Дождь из кошек и собак», «Тридцать четвёртый сюжет», «Умора, кукла Баранова и 6 “Б”», «Один мужчина, одна женщина», «В поисках прошлогоднего снега», «Василеостровские мечтатели». Проза Светланы Мосовой изучается в лингвистическом аспекте в Петербургском университете. Рассказы переведены на датский, немецкий и итальянский языки.

Одна из тёток Флоры, тоже в своё время не пожелавшая резать салаты, жила в Питере. Точнее сказать, не в самом Питере, а на каком-то острове – Васильевском. О Питере Флора знала лишь по открыткам тётки: белые ночи, Медный всадник, Невский проспект и маятник Фуко.

Вот этот маятник Фуко особенно волновал Флору: с детства запомнилось, что в Питере есть такой маятник – наглядное доказательство того, что Земля вертится (а в другом месте – например, где жила Флора – она стоит). И Флоре хотелось убедиться собственными раскосыми очами, что Земля вертится, движется, а значит, живёт! Потому что движение – это жизнь, а Флора была подвижна.

И тётя Гузель звала Флору: приезжай, Флора! Город! Белые ночи! Невский проспект!..

Город поразил Флору. Васильевский остров, правда, оказался Питером, а Астральные колонны – Ростральными, что было, конечно, жаль: Астральные больше бы подошли этому городу. А в булочной Флоре не давали хлеба.

– Хлеба нет! – так и говорили Флоре.

– Как нет? – терялась Флора. – А это что?!

– Это? Это – булки! – отвечали продавщицы.

– А какая разница?! – недоумевала Флора.

– Что значит – какая разница?.. Хлеб – это хлеб, а булка – это булка. Вы что, с луны свалились?

В кондитерском отделе Флоре не давали сахара.

– Сахара нет.

– А это что?!

– Это? Это – песок!.. – И люди глядели на Флору с большим удивлением.

И Медный всадник ей не понравился. Точнее, не то чтобы не понравился, а так – трепета не ощутила. А вот собор поблизости ошеломил Флору.

– Что это?! Что это?! – вопрошала всех Флора.

– Что именно? – не понял прохожий.

– Ну, ЭТО!..

Флора с восхищением смотрела на Исаакиевский собор, а прохожий с восхищением смотрел на Флору, чужой, неведомой ему красы...

Так они и стояли, ошеломлённые красотой, и вскоре прохожий стал её мужем, хотя Флоре тогда больше понравился Исаакий...

Муж принадлежал другому Богу, щедрому и милостивому, наделявшему душой и мужчин, и женщин, но по ошибке, по недоразумению видимо, этой душой мужа всё-таки обделив. Хотя там, у Исаакия, ей показалось...

И маятник Фуко глубоко разочаровал Флору: какой-то шар на верёвке, который болтался туда-сюда, что ни в чём, ну совершенно ни в чём не убедило Флору.

Через год она рассталась с мужем. Там же, у Исаакиевского собора.

– Ты куда теперь? – вежливо спросила Флора.

– Да так, – ответил муж.

Всё вернулось к исходной точке, и муж стал для Флоры тем, кем и был год назад, – прохожим, торопящимся по своим делам, отложенным на год. Муж исчез, ничего не оставив в памяти Флоры, кроме очков, сильно потевших у него на носу, когда он ел свинину.

Флора приняла православие, – она познала, каково это, когда в доме мужчина, и теперь хотела познать, каково это, когда Бог в душе, – и наречена была именем Софьи.

– Я нечаянно пирожок съела, батюшка, – покаялась на исповеди Флора, нарушив пост.

– Как зовут тебя, дитя моё? – спросил батюшка.

– София.

– Ну, так не ешь больше пирожок, Сонечка, – ласково сказал батюшка и отпустил грех.

Флора поступила в Горный институт, хотя ей больше хотелось в Медицинский, но тётушка Гузель, сама медик, отговорила племянницу: зачем тебе это надо, Флора?! Посмотри на меня.

Флора смотрела на Гузель: Гузель выглядела хорошо.

– Через мой труп! – отрезала Гузель.

Гузель прожила свою жизнь, которая ей нравилась не очень, и хотела, чтобы Флора прожила её мечты, которые ей нравились очень.

И Флора поступила в Горный, ей предстояло в будущем открывать новые породы в недрах земли, в царстве Плутона, владельца несметных сокровищ, и Флоре каждый раз было не по себе, когда она проходила мимо каменной метафоры, где Плутон публично совершал насилие над Прозерпиной, умыкая её в своё подземное царство, и Прозерпина в смертельной тоске кричала, заломив руки, и никому до этого не было никакого дела.

Значит, Флора училась в Горном. Но пока она постигала науки, тонюсенький плодородный слой земли стал ещё тоньше, а драгоценные породы исчезли.

Много чего исчезло. И Флора с лихвой хлебнула, не отодвинув чашу, радость новых перемен, надежд и чаяний.

Жила она на Чёрной речке, где Пушкина убили, и ей казалось, что люди здесь должны застыть в скорби, опустив глаза долу, а не бегать с авоськами по магазинам, но народ бежал, привыкая ко всему, – привыкла и Флора. А вечерами она глядела в телевизор, где был вечный праздник – фонтаны, яхты на Неве, дирижабли в небе, – где, где этот прекрасный Город?! – волновалась Флора, выбегала на улицу, смотрела в пустое небо, и ей казалось, что до Питера она так и не доехала.

И Флора вспоминала женщин в своём краю, которым Бог не дал души, и были они вполне счастливы, – может, и правда, без души жить легче?

И Флора брела к Исаакию, выходила на набережную, глядела на мрачные стены Петропавловки, облепленные полуголыми телами любителей загара, и шла дальше – такая одинокая и печальная в этом Городе, у которого были свои тайны, свои грехи, но Город, видимо памятуя печальный опыт жены Лота, не оглядывался в прошлое, где пылали Гоморра и Содом. «Но всё же кончилось хорошо, – говорил Флоре Город. – Безнравственно быть несчастным, если человечество заплатило за твоё счастье такую страшную цену!» – «Но нравственно ли быть счастливым, если человечество заплатило такую страшную цену?! – думала Флора, хотя знала, что и после неё эти вопросы будут неразрешимы, – так зачем же их разрешать? Зачем человечество из века в век портит свой цвет лица “проклятыми вопросами”? А может, пока оно занято этой думой, оно обречено

на бездействие и в мире от этого меньше зла – и земля отдыхает, восстанавливая свой плодородный слой и утраченные породы?»

Так или иначе, но ясно одно: природа не терпит пустоты, и тут опять возникла тётушка Гузель с письмами, оттеснив горькие мысли Флоры на второй план.

В поисках счастья тётя Гузель уже добралась до земель Лапландии – там и осела. То есть не совсем осела. Древняя мятежная кровь не давала тёте Гузель жить с миром в душе покорной женой финского рыбака, стеречь очаг и довольствоваться судьбой – нет. Поначалу была эйфория, конечно, – дом с достатком, синий чистый воздух, лес, лоси шныряют туда-сюда, как коты на Васильевском, потом утомлять даже стало: вчера лось, сегодня лось, завтра лось – олосеешь. А соседний дом за версту, не доскачешь. А там живут холодные, равнодушные к тёте Гузель люди. В общем, тётушка с лихвой познала жизнь в золотой клетке – потянуло назад, в Питер: в Питере страсти, в Питере земля горит под ногами, в Питере интересно.

Однако нельзя два раза вступить в одну и ту же реку – и в Питере тоже всё было уже не так: и воздух не тот – Гузель задыхалась от гари, и вода не та – желудок давал сбой, и страстей было многовато – больше, чем нужно для одной человеческой жизни.

И тётушка возвращалась назад, к холодным, безучастным к ней людям, но там, через день-другой олосев, вновь собиралась в дорогу, копила деньги, подарки и мчалась на острова отравиться водой и чёрным дымом Отечества. Так она и жила, тётушка Гузель, полюбив эту свою жизнь на изломе, на надрыве, потому что надо любить свою жизнь – ошибка её не любить.

Но любить слаще в компании, и тётушка Гузель забросала племянницу письмами: приезжай, Флора, – воздух! природа! лоси!.. И сосед Тейво – кстати, неженатый интересный мужчина! – узрев фотографию Флоры, потерял сон, в общем, не мешкай, племянница, приезжай, не проворонь своё счастье!..

Пришло письмо и от соседа тётушки – Гузель расстаралась. Сосед писал: «Дорогая Флора! Меня зовут Тейво. Мне тридцать пять, рост метр восемьдесят шесть, глаза голубые, волосы светлые – в общем, типичный финн. Я холост, у меня свой дом, своё дело, и я в состоянии обеспечить вашу жизнь и гарантировать вам будущее. Я готов принять вас со всем, что вам дорого и с чем вы не желаете расстаться...»

Письмо «типичного финна» было скорее делового содержания, нежели любовного, но Флора, прочитав его, взволновалась: его одиночество, готовность любить неизвестную Флору и это рыцарское – «я готов принять вас со всем, что вам дорого и с чем вы не желаете расстаться»... Флора задумалась. Расстаться было не с чем – разве что с ошибками.

И Флора, восстановив свой плодородный слой, позвонила тётке.

Сговорились: тётушка прикинется хворой, и встречать Флору пойдёт Тейво, а Флора узнает его по розе.

Розу Флора узнала сразу – тёткин протезе держал её, словно флаг. И остолбенела, сражённая её красотой. Роза была совершенна, неправдоподобна, прекрасна! – и Флора, не любившая розы, пошла на её огонь.

– Это я, – благодарная за розу, сказала Флора и протянула к ней руки.

Дальше случилось невообразимое.

Тейво, недолго думая, на глазах изумлённой Флоры, уже успевшей полюбить эту розу, вдруг сломал цветок и обломки засунул в карман.

Флора уставилась на финна, не понимая, что бы всё это значило?! Может, то, что она не понравилась ему?..

Нет, напротив, финну Флора понравилась. Даже очень понравилась! И розу он не ломал – он просто её сложил, как складной метр, потому что роза была искусственной и имела чисто прикладное значение: быть опознавательным знаком для любимой, маяком любви, и, отслужив своё, была убрана в карман, тем самым лишённая удовольствия лицезреть помертвевшее от ужаса лицо Флоры и её окаменевший, как у Прозерпины, крик.

– Ну, как тебе Тейво? – спросила дома Гузель.

– Типичный финн, должно быть, – ответила Флора.

Дом Тейво тоже окружали искусственные ёлочки, хотя непонятно было, зачем украшать свой двор придуманными ёлками, если кругом леса, леса и пропасть живых!.. А может, всё же не искусственные? – засомневалась однажды Флора, остановившись у одной из них и не решаясь потрогать... Нет, слишком ровная – иголка к иголке! – слишком правильная – ни одного изъяна! – слишком совершенна, чтобы быть настоящей, живой!..

А может, всё же...

И Флора потрогала...

Ёлочка оказалась настоящей.

Но – вышколенной, доведённой педантизмом Тейво до такого совершенства, что казалась неживой.

А Тейво говорил (Гузель переводила):

– Флора, Флёр... Вы и похожи на цветок. Китайскую розу.

– Я не люблю розы! – пугалась Флора, представляя себя в доме финна китайской розой в горшке, причём складном.

– Ну как, Флора? – волновалась Гузель.

Да никак.

– Воздух хороший, – вежливо одобряла природу Флора.

– А Тейво?

А Тейво... Ну что Тейво... Тейво – это всего лишь ещё одна ошибка.

– Ну, так не ешь больше пирожок, Сонечка! – сказала себе Флора и стала собираться.

В общем, Флора у финской тётки не задержалась, скоро уехав и не сумев объяснить ей про ту поруганную розу и несчастную ёлку, намертво вставшую между Флорой и любимым сердцу тётки соседом.

– Прощай, ёлочка, ты ни в чём не виновата, – оглянувшись напоследок, сказала Флора.

И вернулась в Питер.

Она уже жила на Васильевском острове и не путала хлеб с булкой, сахар с песком, ела мороженое на улице в двадцатиградусный мороз и не прятала свою голову в шапки. Но станцию метро «Чёрная речка» по-прежнему не любила. И розы тоже.

А любила пионы. Взъерошенные, лохматые пионы – они напоминали Флоре её жизнь, полную асимметрий, неправильностей, недоразумений, ошибок, несущих в себе очарование и приметку живого...

Из цикла «РЫБЫ И ЖЕНЩИНЫ»

ПАН ТИМОХА

Когда б вы знали, из какого сора...

Точнее, ссоры... страшной ссоры, жуткого скандала – вырос этот дивный цветок чешско-сибирского происхождения по имени Агнешка!..

– Это трогать не можно?

– Не можно. Ни в коем случае. Это борщевик. Ядовитый, как гад.

– Борщевик?..

Действительно, почему – борщевик?! Что плохого, спрашивается, в борще? Название не несёт информации об опасности. Налицо языковая ошибка, оплошность – надо было назвать его так: гадина зончатая – или ещё как похуже. А то – борщевик: хватай и в борщ бросай, так что ли?! Дезинформация. Вот, например, польский язык несёт правильную информацию: «правдивка» – белый гриб. Лаколично, ласково, а главное – правда, правда! Так и сказано: правдивка, не лжа.

(А ведь мухомор гораздо красивее, как и всякая лжа, – правда, держит себя скромней, красотой не заманивает. Белый мы любим только за внутренний мир, за сущность, за доброту: кривой, хромой – неважно, любим! Потому что правдивка!)

– А в Бельгии ты собираешь грибы?

– Нет, в Бельгии их рвать не можно.

– И вы не едите грибов?!

– Едим.

– А где же вы их берёте?!

– В магазине.

Ясно, грибы у них в супермаркете растут.

– А этот гриб добрый?

– Добрый, добрый, рви, солнышко... Нравится тебе наш лес?

– Байковатый! – восхищённо отвечает Агнешка.

– Байковатый?.. – повторяем мы, пробуя на вкус это новое слово.

– Сказочный, – переводит Тимофей.

Ну правильно: сказка, байка – байковатый.

И вот вам байка про Тимоху Удальцова – грибника, рыбака, художника, сибарита и бабника – в общем, человека чувствительного к красоте.

Байка о любви, разумеется, а о чём же ещё. О любви, верности и предательстве – это всё так фатально связано, увы...

Они учились в одном институте – сибиряк Тимоха и чешка Ганна, и роман их был гордостью кафедры, легендой кафедры, передавалось из уст в уста как Тимоха увидел Ганну, как его закружило, завертело в вихре любви – в общем, или пан, или пропал.

И Тимоха стал паном. Кафедра благословила.

– Что пан Томаш желает? – привечали Тимоху на родине Ганны.

А пан Томаш ничего не желал, всё было: молодость, любовь, вдохновение, чего ж вам боле?

А потом всё рухнуло. Причём Ганна, по преданию, сама, чуть ли не за руку, привела свою беду в дом.

...Встретились они где-то в Сибири – как, что? – не знаю, интересны, конечно, подробности, но раны мы не тревожим, душу не берем.

Чешка Ганна увидела чешку Ясю на троллейбусной остановке – душа узнала душу! – и Ганна привела Ясю в дом, познакомила с мужем...

Потом Яся приехала в Питер, к подруге Ганне, а Ганна, как на грех (иначе не скажешь!), накануне уехала в Чехию, причём срочно, не успев прибрать даже кофточку в шкаф – такая подробность. Но Тимоха, конечно, принял подругу жены, как не принять.

Вот и всё. А через время Яся оповестила из Бельгии пана, что у него родилась дочка, звать Агнешка.

Кафедра была в ужасе, кафедра не простила.

Тимоха звонил в Брно, обрывал телефон, пытаясь объяснить ситуацию и ссылаясь на сложную штуку жизнь, – а чего объяснять-то?! – всё ясно, и Ганна бросала трубку. Тимоха снова звонил, путаясь в словах – со словами вообще была беда, точнее, со знаками препинания, Тимоха не признавал их – ни запятых, ни точек. (А вот языком живописи, кстати, владел виртуозно: мысль излагал как по маслу, что называется.)

В общем, жизнь неожиданно предложила пану Тимохе жить в новых семейных обстоятельствах.

И Тимофеем пытался.

Он мотанулся в Бельгию, но между ним и Ясей стояла Ганна, как между Ганной и им – Яся. Так они и стояли на пути друг друга, две женщины, две чешки, две подруги, смертельные враги, не давая жить друг другу, а заодно и Тимохе.

Тимоха чесал репу, примерял на себя за границу, – оказалось, жить невозможно: гриб не сорви – иди в супермаркет, рыбу не уди – иди туда же. И что прикажете делать в Бельгии рыбаку, грибку и свободному художнику (в том числе и от денег)?

И как-то так получилось (а мы знаем – как, грехи наши тяжкие!) что, пока пан Тимоха выяснял с переменным успехом международные отношения с Бельгией и городом Брно – и даже как будто намечался со стороны братской республики благоприятный поворот в сторону мирных переговоров (мир, мир на любых условиях!), и Ганна даже как будто собиралась приехать за кофточкой (всегда, всегда, во всех романах находился какой-нибудь носовой платок или веер – в общем, жизненно важный предмет, который необходимо вернуть!) – в этот самый ответственный, можно сказать, судьбоносный момент стало известно, что в Питере у Тимохи родился ещё один ребёнок!..

Юная художница Геля, едва мелькнув в жизни пана, тем не менее всё же оставила на холсте Тимохи свой след – тонкий абрис и острое девичье колено. И вот что интересно: одно колено, а народ узнавал сразу: Геля! (Все барышни «следили» на картинах пана – там глаз, там ухо, там кривая линия бедра.) Значит, колено. Пан Тимоха тоже оставил свой след у Гели – два колена, две руки, головка: плод развивается нормально, сказали на УЗИ, в соответствии со сроком.

Геля не искала встречи с паном, дабы сообщить ему эту архиважную весть, она просто стояла у станции метро «Василеостровская», а Тимоха как раз шёл

мимо, возвращаясь с рыбалки. То есть Тимоха мог запросто пройти, не встретить и не узнать, но встретил и узнал.

– Привет, – бодро сказал рыбак. – Кого ждём?

Геля подумала и ответила:

– Ребёнка.

– Какого ребёнка?! – очумел Тимоха.

...О, горе мне, горе. За что? – спросил Бога пан.

– А за то! – ответил Бог.

А что делать? – любили его женщины и рыбы. Умел, умел Тимоха забрасывать удочку. Что-то в нём было такое, этакое, надо бы приглядеться к нему на досуге (или не стоит – опасно?).

Где, что не так, в чём виноват, где истина, причина его бед? – допрашивал он родного профессора с родной кафедры, встретив его однажды на улице и провозжая домой. И этот профессор Н., причём интеллигентнейший человек, слушая пана и вникая в суть, высказал предположение, при этом ни на чём не настаивая:

– А может, вы просто, Удальцов, шлун?..

Он даже не так сказал... погорячее, но не суть.

– Профессор Н. не мог так сказать! – заступились за профессора ученики.

Конечно не мог. Но сказал. В этом-то вся фишка. Поэтому-то и пан так опешил.

Теперь Тимоха разрывался на три части, не считая мелких приключений (за-мнём для ясности: у настоящего мужчины всегда сложные отношения с половиной города, а Тимоха был настоящим мужчиной! – и всё никак, ну просто никак не умел изжить своей молодости).

В Бельгии, значит, росла дочь Агнешка, в Питере – дочь Александра, в Чехии, городе Брно, росла ненависть по имени Ганна. От любви до ненависти один шаг – и Ганна его давно уже сделала и топталась на месте. Весть о рождении ещё одной дочки, мягко говоря, не облегчила положения Тимохи в глазах Ганны, и ждать её уже не имело никакого смысла, но при чём тут смысл?!

Тимоха ждал. Вопреки и несмотря на. Рожал детей и ждал. И в разводе Ганне категорически отказывал. «Не дам!» – говорил пан, и весь сказ.

– Но у тебя же дети от других женщин! – вразумляла его кафедра.

– Ну и что? – отвечал Тимоха.

Действительно.

И не убранная в шкаф кофточка так и лежала на кресле, ждала Ганну, и никто не смел её скинуть, убрать, запереть в шкаф, выбросить на помойку – этот залог, этот повод вернуться: как это не вернётся? А вот кофточка. Ладно, к нему – нет, но за кофточкой-то?..

Но Ганна не вернулась. Никогда не вернулась к рыбаку эта гордая чешка – лишь однажды...

Ганна приехала в Питер за документами на развод, приехала тайно, скрываясь у друзей, ни за что на свете не допуская пана до своей особы (кафедра прятала, кафедра воевала на стороне города Брно! – такое предательство, да), – и было очень много шума, причём шумел один пан Тимоха.

А потом всё улеглось. Не сразу, конечно, не сразу, но...

И Яся даже приехала в Питер.

И кафедра пошла глядеть на злодейку. На эту опасную, вероломную Ясю – на борщевик, короча.

Пришли и глядят: сидит ангел, рядом другой – два ангела, два ясна солнышка: мать и дитя. А где рога и копыта у мамы?! Где острые зубы зубатки?! Хищная челюсть мурены?! Нету. И глаза гостей долу.

«Эта Яся такая прелесть!» – говорит Геля. «Эта Геля просто чудо!» – говорит Яся, а в центре сидит Тимофей, по бокам, значит, дети и жёны – мир и лад, большая семья, пьют вино и едят стерлядь – хорошо-то как, Господи!.. Не хватает лишь только Ганны. Или это уже слишком? И Ганна не играет в эти игры? Никогда не говори «никогда», а Ганна сказала.

...Но всё уже позади, растут дети, и жизни давно уже определились в судьбы, всё прошло, всё кануло... тем более что из всех особой женского пола Тимохе всё больше нравится стерлядь.

И мучает ли ангела Ясю вина перед Ганной (о том ли печаль её дивных глаз?), простила ли Ясю Ганна, а Яся – Гелю? – какая теперь разница? Если есть этот цветок, это солнышко, краса байковатая есть – и имя её Агнешка?.. А рядом другой цветок – и звать его Алекс?!

Да, нехорошо, нехорошо поступил в юности пан Тимофей...

И правильно сделал!

Потому что всё хорошо, что кончается детьми и картинами, потому что не кончается никогда.

ГОРБУША

Можно ли сказать о людях, которые боятся Бога, как сторожа (увидит – не увидит?), что они – богобоязненные? Или всё же правильнее будет назвать их сторожебоязненными?.. а?..

– Видите ли, – говорил один сторожебоязненный доктор, склонный к тому же пофилософствовать на сытый желудок, – роды – это всегда опасно, роды, если хотите знать, – это маленькая смерть. А благородные рыбы, кстати, – сыто продолжал доктор (пообедал белугой), – благородные рыбы вообще умирают после нереста, да!..

Вот оно как.

А я благородная рыба. Горбуша. Плыву навстречу своей гибели. Горбуша в томате. Нет, горбуша в собственном соку.

– А вот волноваться вам вредно! – вдруг вспоминает доктор (чуть не забыл!). – Вам категорически нельзя волноваться!

А с чего бы мне волноваться?!

Плыву. Плывём, подруги, белые рыбы и красные, лососи мои дорогие, над нами вода (а Питер состоит из воды – всё сходится!), и деревья, как водоросли, плавно раскачивают ветвями...

...Зачем же она плывёт к своей гибели?! Да ещё против течения! Что чувствует?.. Только зов природы? Великий инстинкт сохранения рода? О... как трагичен, печален её путь... А тут ещё какой-нибудь гад, какой-нибудь паразит с удочкой – норовит подцепить на крючок беременную женщину!.. А у порога другой – с трезубцем!.. Как жестоко устроен мир.

– А к чему здесь минор?! – улыбается горбуше другой доктор, Лорида. – Минор здесь неуместен, вы что?! У вас под сердцем ребёнок. («Какие банальности, господи!..») И бояться не надо. Совершенно не надо бояться. Женщины знаете как рожают?! О!.. и в поездах рожают, и в поле, и даже на улице! Вот у меня был случай...

Кошмару не будет конца. Я сплю и мню: белая ночь, мосты развели, схватки – ору и рожаю у разведённого моста Шмидта...

– А вот расстраиваться вам нельзя: очень вредно для ребёнка.

И я расстраиваюсь, что расстраиваюсь.

Плыть или не плыть? Вот в чём вопрос.

Почему рыба плывёт к своей гибели? Потому что она дура. Без мозгов. Одни инстинкты. А у меня мозги есть. И они посылают сигнал: стоп! Стать удобрением для будущих поколений – это прекрасно, конечно, но кто сказал, что моя жизнь менее уникальна?! Кто?!

Никто.

– О!.. она так будет любить тебя!..

Меня?! За что?

Меня!.. Такую глупую, несовершенную!.. приведшую её в этот мир – такой несовершенный, глупый!.. Мир жесток, природа жестока – все друг друга едят!.. о-о, как я виновата, как виновата: я плохо подготовила мир к её приходу...

– А почему – она? Откуда ты знаешь, что это ОНА?! А не ОН?!

– Это она. Я вижу, – говорит подруга (она на короткой ноге с тонкими мирами). – И она так будет любить тебя!..

Меня... любить...

Я буду! я буду плыть, подруги, я с вами!.. я всё смогу, превозмогу, сумею – у меня под сердцем ребёнок!..

Муж долго смотрит на рецепт Лориды:

– А зачем она нарисовала здесь сперматозоид?!

– Где?

– Вот. Она что, сумасшедшая?

– Это её подпись.

– Сперматозоид?! Слушай, почему у тебя одни маньяки?! Ты не можешь найти нормального доктора?! То рыбий маньяк, то этот сперматозоид, то Егоров!..

У участкового гинеколога Егорова была аллергия на беременных женщин.

– Да что вы такое говорите, женщина?! Егоров очень хороший доктор!

– Ваш ребёнок умрёт, – говорил очень хороший доктор. – Не умрёт при родах – умрёт через год, не через год – так через два!.. Да он уже умер! И вы умрёте.

Значит, всё-таки смерть – они сговорились. Заговор гинекологов против беременной женщины.

– Так. Я хочу знать, где сидит эта сволочь. Я убью его!.. – кричит муж горбуши.

– В седьмом кабинете. Только не забудь надеть бахилы, а то он будет орать.

Муж смотрит на горбушу:

– Я буду убивать его в бахилах?!

Горбуша думает.

– А может, он просто ненавидит меня? – спрашивает горбуша.

– А что ты ему сделала?

– Ничего. Но может, мой предок насолил его предку и это у него в подкорке сидит и мучает?..

Нет. Я совершенно зря потревожила высокий дух своего предка – Егоров ненавидит не только меня: особи из семейства лососевых выплывают из его кабинета, вытирая слёзы плавниками и направлениями на аборт.

– Доктор, женщине плохо!..

– Да плевать я на неё хотел!

Лирическое отступление

Может ли доктор быть мерзавцем? («НЕТ! НЕТ!») А почему?.. Доктор ведь тоже человек. И ничто, ничто человеческое...

Нелирическое отступление

Про то, как кончилась история с «очень хорошим доктором Егоровым», которому очень много интеллигентных мужчин, почтенных отцов семейств, хотели дать в лоб, но не дали. И тогда Бог плюнул на этих рефлексирующих и ниспослал Божью кару в образе другого доктора, с хорошей реакцией и повышенным чувством достоинства в крови, и этот доктор, встав однажды на сторону всех лососевых и осетровых, взял и, недолго думая, спустил коллегу с лестницы, врезав ему в лоб своей могучей, тяжёлой дланью!..

То была длань Господня.

«И это хорошо!» – сказал Бог, потому что родилось очень много здоровых, красивых детей, приговорённых участковым гинекологом Егоровым к уничтожению.

И не то чтобы Егоров после полёта с лестницы стал лучше – нет, конечно, но – безопаснее: стал бояться Сторожа.

«СПИД!», «ДАУН!», «ХЛАМИДИОЗ!» – плакаты в поликлинике нацелены в горбуш, как дзот. Безобидный на этом фоне «Токсикоз» обещает горбушам «летальный исход и даже инвалидность» (почему-то в таком порядке). Горбушам нехорошо, дайте присесть...

– Пол ребёнка мы сообщаем за дополнительную плату, – говорит доктор УЗИ. (То есть заплатишь – скажем, а не заплатишь – увидим, узнаем, но нипочём не скажем, хоть убей!)

– У вас девочка.

Девочка!.. Икринка с розовым бантиком!..

– Мамочка!.. Почему вы бегаєте?! Вам нельзя бегать! Вы что?!

А как же не бегать, если хочется летать! Раньше горбуша думала, глядя на животы: как им тяжело, бедолагам, ходят едва!.. А они притворялись, оказываются! Все притворялись.

– Ходи прилично, – сердится муж.

– А как это?

– Как беременная.

– А это как?

– Важно.

И горбуша поняла: беременные еле ходят не от тяжести ноши, а от важности. Мужа подташнивает, он едва волочит ноги.

– Это нормально, – говорит доктор. – Так бывает у особо впечатлительных мужей: они принимают токсикоз жены на себя.

– Милый! – Горбуша благодарно обнимает мужа. – Знаешь... она так будет любить тебя!

– Меня?.. За что?!

– За впечатлительность.

– Пора выбирать роддом, – говорит горбуша. – Я принесла рекламу. Вот, мне понравилось: «Вас встретят здесь улыбки и добрые руки врачей!..»

– А сколько это стоит, интересно?

– Цены напечатаны ниже...

– Дорогая, – муж читает ниже, – за такие деньги тебе улыбнётся даже крокодил.

...Но вот донеслась весть: есть, есть в граде Питере чудесный доктор – руки золотые, душа-человек, звать Козлова.

О, прекрасная Козлова!

– Приходите, – говорит по телефону Козлова. – Все вопросы потом. Да, да, конечно... всё будет хорошо. Но сначала мы посмотрим друг другу в глаза...

– А сколько стоит её взгляд? – настораживается муж.

– Жизнь ребёнка.

– Дорого, значит...

– А мне понравилось, – отвечает горбуша. – Моя подруга тоже так всегда говорит, когда переходит дорогу: «Подожди, надо посмотреть водителю в глаза!»

– Зачем?

Горбуша пожимает плечами:

– А задавит или нет?

В дверях возникает круглая, ладная, весёлая Козлова:

– Кто меня ждёт?

Я! Я! О, прекрасная Козлова!.. Вот тебе мои глаза!

– Так. Ну, что у нас?..

У меня живот – вот.

– Это хорошо. Значит, будем рожать, – радуется Козлова.

И горбуша радуется, что Козлова радуется.

...Мы глядим друг другу в глаза. Момент истины. Мне нравятся глаза Козловой – голубые, круглые, чистые, как у ребёнка.

– А карточка какая-нибудь есть? – спрашивает Козлова.

Вот.

Козлова долго смотрит на обложку, кровожадно перечёркнутую Егоровым красным цветом: «угроза!», «угроза!», «угроза!». (Странно, что Егоров не пририсовал здесь и череп с костями!)

– Хм, – говорит Козлова. – Знакомый почерк.

– Не обращайтесь внимания, доктор: просто мой бывший участковый гинеколог – идиот, такая беда.

– Я знаю его, – кивает Козлова. – Это мой муж.

...А а-а!.. помогите!.. засада!.. меня окружили враги!

– Бывший, – добавляет Козлова.

Я сейчас рожу. Ну, так же нельзя, Козлова!.. Мне вредно!.. Козлова, ты бросила его? И правильно сделала. Я тоже.

– Нет, это он бросил меня. Когда я была беременной.

Вот оно как. Значит, диагноз поставлен ему верно: аллергия на беременность. Случай клинический, тяжёлый, особо опасный для человечества. Однако новость: Егоров размножается не только делением.

– Значит, у Егорова есть ребёнок?!

– Это у меня есть ребёнок. А Егоров его никогда не видел.

...Это какая-то большая трагедия. Тут что-то не так. Причём на гормональном уровне. Доктор Егоров явно нуждается в помощи. В понимании. Быть может, даже в сочувствии. Чтобы кто-то пришёл (неужели – я?! почему – я?!), погладил по голове и тихо спросил: что случилось, Егоров, как ты дошёл до жизни такой? – расскажи, я внимательно слушаю (ну почему именно я?!)... Слушаю и силюсь понять (а может, всё-таки лучше в лоб?)...

Нет, возможно, толковый писатель (не я!), начав с эмбриона Егорова, написал бы толковый рассказ – читатель обрыдался бы, но...

Но меня, слабого, грешного человека, всё же волнует больше бедная горбуша...

Которая попалась эскулапам на крючок...

И горбуша забилась, забилась!.. – о-о, значит, всё-таки гибели!.. я знала, я знала, пусть!.. но ведь это потом, не сейчас!.. – трепыхалась горбуша в аду наркоза (передозировка: побочное действие – смерть!), корчась и суча плавниками, испуская дух – дух метался, страдал в бесконечных кишках мироздания, – значит, вот он какой – ад!.. И последняя мысль на краю: Козлова... твои голубые глаза...

...Хирург Козлова вспорола брюхо, аккуратно достала икру и кликнула к дохлой рыбине реаниматоров.

«Пьяный врач мне сказал, что тебя больше нет...» – была такая песня, и глупая горбуша не понимала когда-то: о чём это она?! По простодушию думала, что этот доктор с горя напился – после того как. Теперь поняла: не после того, а до! То есть сначала напился, а горе было потом. Потому-то и было, что напился.

«Надо было посмотреть ему в глаза...» – думала с тоской горбуша.

В общем, горбуша побывала в аду, куда отправил её пьяный анестезиолог, и ей там не понравилось.

Очнулась, открыла глаза.

Нет, я ещё в аду: и халда со шприцем приветствует меня:

– Ну что разлегалась, как свинья, видел бы тебя сейчас, такую красавицу, твой муж!..

Это, по-видимому, означало: поздравляем вас, мамочка!

Едва живая горбуша глядела на халду и думала, что человечество совершенно зря беспокоило себя эволюцией, мучилось проклятыми вопросами, отказывало себе в людоедстве, если в конце концов оно доэволюционировало до этой халды.

– Селёдку не ешьте!.. Не ешьте селёдку, мамочки! Вредно! Вам нельзя! Руки прочь от селёдки!

– А зачем вы тогда её принесли (садисты)?!

– Зачем, зачем... а чёрт его знает зачем. Дали – и принесли. А ну, положи назад сельдь, мамаша!

Горбуша плывёт, едва перебирая плавниками, плывёт к своей икринке, где она, где?.. почему не в барокамере?! Все детки в барокамерах, а её икринка – нет! Страшная мысль: не хватило!.. ей не хватило барокамеры!..

– А почему мой ребёнок не в барокамере?! – в ужасе кричит горбуша.

– А почему ваш ребёнок должен быть в барокамере?! Это больные дети. А ваш ребёнок здоров.

Как – здоров?.. И он не умер?.. А Егоров обещал... И я не умерла?.. Я же горбуша!..

– Та-ак!.. У мамаша, кажется, послеродовая горячка...

– Всё хорошо, всё хорошо, – уговаривает горбушу Козлова. – Всё хорошо, всё позади, твой ребёнок здоров, плацента защитила его...

О, моя дорогая, моя дорогая, плачет горбуша, думая о плаценте, моя дорогая...

Голубушка плацента приняла на себя всё – и Егорова с трезубцем, и Лориду со сперматозоидом, и рыбьего доктора, и пьяного анестезиолога... и умерла вместо меня.

– Мамочки, кормление!.. Так, где чей ребёнок... разбираем, разбираем, мамаша, детей, вот ваш ребёнок...

Мой ребёнок!..

маленькая горбуша,

икринка моя, круглая, как совершенство,

о, моя дорогая,

я проделала долгий путь во имя тебя,

я страдала, я плакала, страшась в тёмных водах,

но плыла, моё солнце,

к тебе, моя жизнь,

и назову тебя – Жизнь: Вита, Виталия...

прости, что я плохо подготовила мир к твоему приходу...

...А рядом звонил телефон, Козлова брала трубку, слушала и говорила:

– Мы посмотрим друг другу в глаза и...

Владимир
ШЕМШУЧЕНКО

СТИХИ

* * *

Опустилась на кончик пера
Паутинка прошедшего лета.
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра.

Только свет и полёт мотылька...
Ни истерик тебе, ни мистерий!
Я – смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка.

* * *

Хандрит отрывной календарь.
На стёклах раскосые знаки.
По улице ходит ноябрь
С глазами бездомной собаки:
То снежной крупой огорчит,
То хлюпнет в трубе водосточной,
То в вечность стихи отстучит
Размашистой дятловой строчкой
О том, что рябину давно
Склевали залётные птицы,
Что воздух пьянит, как вино,
И нужно уже торопиться
Цыплят на досуге считать,
Счета получая в конверте,
Заваривать чай и молчать,
И верить, что звёзды ответят.

МАРИНЕ

Растолкал облака ветерок.
В небе солнышко – мордочка лисья.
Прилетели ко мне на порог
Опалённые инеем листья.

Сгрёб граблями – чего их беречь –
Отгуляла пора листопада!
Я хотел эти листья поджечь,
А жена мне сказала: «Не надо...»

• **Владимир Шемшученко** родился в 1956 г. в Караганде. Член Союза писателей России, Союза писателей Казахстана. Лауреат международных и всероссийских поэтических конкурсов. Действительный член Петровской Академии наук и искусств. Автор тринадцати сборников стихов. Живёт в г. Всеволожске Ленинградской области.

Лист озябший согрела в горсти
И поправила чёлку рукою,
А в глазах отразилось такое,
До чего мне вовек не дойти...

* * *

Ты жил в тепле с красивою женой.
Я выживал наперекор судьбе.
Ты много лет смеялся надо мной.
А я был рад, что весело тебе.

Ты разучился отдавать долги.
Я научился терпеливо ждать.
Ты бросил дом, когда пришли враги.
А я тебе отдал свою кровать.

Ты ненавистью метишь путь земной.
Я всё тебе простил, и мне легко.
Ты зря топор заносишь надо мной –
Я тень твоя, а солнце высоко...

* * *

Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушёл, чтоб не нарушить наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.

Как в ржавых механизмах шестерёнки,
Скрипят стихи – поэзия мертва.
Мы днём и ночью пишем похоронки
На без вести пропавшие слова.

* * *

Прилетел ветерок, и проснулась волна на лимане –
Вроде так, пустячок, ведь бывало такое не раз...
Но стоит Крымский мост и морзянит огнями в тумане,
И на этом вполне можно было закончить рассказ.

Но мерцает строка, за стальные цепляется сваи,
Перебранкой машин подтверждая рождение своё.
Теплоходик надсадно кричит и как будто взлетает,
И солёную воду винтами железными бьёт.

Разгорается день – на вчерашний совсем не похожий,
Приближая друг к другу влюблённые в жизнь берега.
И представить нельзя – можно только почувствовать кожей,
Что уже невозможно чужим поклоняться богам.

Так ликуй, человече! Ты смог, ты дерзнул, ты – достоин!
Говори в полный голос и полною грудью дыши!
Если инок – молись! Матерей защити – если воин!
Но дострой свою песню – иному сего не свершить!

СТАРЫЙ КРЫМ

Синее, синее, синее –
Из невозможных глубин...
Береговая линия,
И Александр Грин.
Что-то ещё... По осени
Солнце не жжёт, как оса.
У разбитной Феодосии
Рыжий каштан в волосах.
Вечер. Погодка купальная –
Пристань, кефаль, невода...
Не акварелька астральная –
А с огоньками вода.
Что-то ещё... Ранемое...
(Слышишь, как сердце стучит!?)
Грустное... Неповторимое...
И наизусть заучить!

* * *

Блажен, кто по ночам не спит
И времени не замечает,
Кто сыт пустым недельным чаем,
Кто знает – ДУХ животворит.

Блажен, кто верою горит
И в этом пламени сгорает,
Кто на путях земного рая
Взыскует скорбь в поводири.

Переосмысливаю быт.
Переиначиваю строки.
Когда горланят лжепророки,
Поэт молчаньем говорит.

* * *

Я всякого в стихах наговорил,
Пренебрегая сводом строгих правил,
Не золотил строку, не серебрил,
И вряд ли уважать себя заставил.

А жизнь идёт... Залаял рыжий пёс.
Вбежал сынишка. Притащил котёнка.
И со слезой – взволнованно и звонко –
Вдруг выдохнул: «Достал из-под колёс...»

«Четвёртый кот! Ведь я же запретил!»
А сын, прижав к груди живой комочек,
Глядит в глаза... (запомнил восемь строчек,
Что я котёнку как-то посвятил).

Как хорошо, что сын мой дорожит
Комочком грязной шерсти... Не напрасно
я жизнь люблю неистово и страстно,
Не ставя ни во что уменье – жить!

В окно стучат ночные мотыльки.
Творит луна приливы и отливы.
Котёнок спит, а рядом спит – счастливый –
Поэт, не написавший ни строки.

* * *

Когда лязгнет металл о металл, и вселенная вскрикнет от боли,
Когда в трещинах чёрных такыров, словно кровь, запечётся вода, –
Берега прибалхашских озёр заискрятся кристаллами соли,
И затмит ослабевшее солнце ледяная дневная звезда.

И послышится топот коней, и запахнет овчиной прогорклой,
И гортанная речь заклокочет, и в степи разгорятся костры, –
И проснёшься в холодном поту на кушетке под книжную полкой,
И поймёшь, что твои сновиденья осязаемы и остры.

О, как прав был строптивый поэт – Кузнецов Юрий, свет, Поликарпыч,
Говоря мне: «На памяти пишешь...» (Или был он с похмелья не прав?)
Хоть до крови губу закуси – никуда от себя не ускачешь,
Если разум твой крепко настоян на взыскующей памяти трав.

От ковыльных кипчакских степей до Последнего самого моря,
От резных минаретов Хорезма до Великой китайской стены, –
Доскачи, дошагай, доползи, растворяясь в бескрайнем просторе,
И опять выходи на дорогу под присмотром подружки-луны.

Вспомни горечь полыни во рту и дурманящий запах ямшана,
И вдохни полной грудью щемящий синеватый дымок кизяка,
И сорви беззащитный тюльпан, что раскрылся, как свежая рана,
На вселенском пути каравана, увозящего в даль облака...

ВОЛНА

– Женя, это ты?

– Нет, Юль. Я Дима.

– А, Дима... да. Ты пришёл.

– Я пришёл попроситься. Сегодня же наш отряд должен был разъехаться по домам.

– Да... А я вот... лежу, – слабо улыбнувшись, девушка окинула взглядом палату. Июньское солнце пробивалось сквозь жалюзи и берёзу за окном, играя зайчиками по стенам. Лекарство мерно падало, обдавая волнами стенки капельницы. Вязкая тишина висела в воздухе – лишь за дверью слышался приглушённый разговор врачей.

– Же-ень! – снова позвала Юля.

– Я тут.

– Почему так получилось?

– Шторм. В Карелии они бывают.

– Да... бывают... Мне так жаль...

– Всё хорошо, Юль.

Тень медленно ползла вокруг лампы по режущему глаза белому потолку – как и день, и два, и три назад. Тонкий запах хлорамина въедался в кожу. Хотелось прокашляться.

– А Влада с тобой?

– Нет, её нет с нами.

– А Коля? – встрепенулась она надеждой.

– Он тут. С нами. Он остался на острове.

– Я же его видела... Но не смогла добраться.

– Никто бы не смог, Юльчик, – утешил её голос. – В такой прибор никто бы не смог.

– Его нашли?

– Нет ещё. Скоро найдут.

– Да... Прикоснись ко мне. Пожалуйста, – прошептала она растрескавшимся губами.

– Я не могу. Ты же знаешь.

– Сколько вас?

– Почти все. Денис из второго отряда. Мишка, который «табань» и «греби» путал. Помнишь?

– Помню...

– Люда. Света. Воло...

– Хватит! – вскрикнула Юля. – Не надо больше.
Он замолчал.
Тень добралась до букетика лилий, стоявшего у изголовья.
– Жень... зачем мы туда пошли? У тебя не было никакого предчувствия?
– Нет. Там же красиво. Тайга, озера, чайки... А какие закаты...
– Не помню... Ничего не помню. Только волны до неба. И в волнах – вы... как жёлтые поплавки...
– Нас вынесло на скалы. А потом мы просто замёрзли. Четыре часа в воде – у нас не было шансов.
Девушка сжала край простыни:
– Так нечестно. Зачем ты приходишь? – спросила она у тени.
– Сказать тебе спасибо.
– Ты уже говорил. Вы все говорили: «Спасибо». И умирали! Я вас вытаскивала, а вы – умирали! – собравшись с силами, она крикнула: – Это нечестно!
– Прости нас, Юль. Прости, что мы не выжили.
– Да пошли вы!
Обида, обида на них, предательски погибавших у неё на руках, на себя, такую бесполезную и бессильную, которая «не смогла», «должна была, но не смогла», на небо, обрушившееся внезапным шквалом, на коварное, казавшееся таким ласковым, озеро жгучим комом подкатила к горлу и прорвалась глухим рыданием.
– Уходите, – прошептала она, когда сил на слёзы больше не осталось. – Просто уйдите.
– Хорошо. Мы будем ждать тебя.
– Где? – спросила Юля.
– В бухте между скал. Колька окуней наловил – мы уху сварили. Приходи.
– Приду. Приду...
Мерно, под ритм капельницы укачивая на своих спокойных лазурных волнах, сон уносил её в зелёную пучину забытья.

18 июня 2016 г., Сямозеро

ЭХО

Сидит.
Ногу подогнул под себя, голову подпирает рукой.
Скрипит.
По бумаге.
Пишет. Чай давно остыл, а он всё пишет.
Холодно, а у него чай остыл. Разве это нормально?
Окно всё в узорах. Морозит. Бродит кто-то там.
Лучше туда не смотреть. Жутко.
Хочется крикнуть: «Эй, вы! Убирайтесь! Он мой! Не отдам!»
Но он этого не любит.
Ему нужна тишина.
И чтоб огонь потрескивал. Или вода из крана капала: диньк... диньк.
Вот и молчу. Смотрю на него. На окно не смотрю – на него. А он на меня – нет.
Всё пишет.

Хоть бы взглянул. Я тут лежу в уголке тихо, ловлю каждое его движение. Ну оторвись, подними глаза, ведь вот она – я! Твоя. Хватит смотреть. Хватит писать. Оторвись!

Улышал.

Встал, поставил чайник.

Тот завыл, как эти за окном. Застучал, как ветви по стеклу. А он не слышит. Он ничего не слышит. Как я зову, как тяжело вздыхаю, как томлюсь его невниманием – не слышит.

Хочется плакать, но боюсь его расстроить. Потому что люблю. Потому что – его.

Вот только слезинку пущу незаметно, чтоб не так тоскливо было.

Откинулся на спинку. Глотнул чая. Крепкого, сладкого. Холодного. Хотя вон же вскипел.

Закурил.

Смотрит.

На меня? Правда?! Нет... Не видит. Смотрит и не видит. Куда-то вдаль. Наквозь.

Ну почему? Почему ты меня не видишь, ведь вот я, из плоти и крови, не то что эти! Я, которая боится вздохнуть, чтобы не спугнуть твой взгляд! Позови меня! Слышишь?

Нет... Тебе тёмное эхо их нашёптываний дороже меня, живой и преданной! Оно бьётся в твоей голове, и ты их слушаешь, слушаешь, слушаешь...

А потом скрипишь по бумаге. Пишешь. Зачем? Зачем тебе это? Они тебя не согреют. Ты не выживешь с ними. И без них не выживешь – и ты это знаешь. И я знаю, а они – нет. Они никогда не были людьми! И не будут. Им неизвестно, каково это – быть живыми. Чувствующими боль. И как мстят живые живым за то, чего не понимают.

Вот они пришли. Стройные. Красивые. Чёрные. До мурашек великие.

Конечно, кто я рядом с ними? Мне ли бороться за место в твоём сердце – сердце, что так гулко бьётся при их приближении?..

И кто для них ты?

Лишь голова, в которой раздаются отзвуки их слов: «Твой дух – пустыня. В мире теней только и разговоров, что о пустыне и о восходе. О том, как чертовски здорово наблюдать, как медный, слегка убывающий диск встаёт в наполненном маревом воздухе и невнятный шелест, словно от тысяч пересекающих время караванов, падает с медленно опускающегося на землю неба».

Ты улыбаешься: у тебя получилось вложить их смыслы в навеянные ими формы.

Ты живёшь.

Потом перечитываешь написанное.

Перечёркиваешь: «Всё зря. Всё – зря».

И снова пытаешься перевести нечеловеческое на человеческий: «И сомнение – как эхо./ Злой огонь меж скал диких ущелий./ Умирать мне не к спеху –/ Даже смерть не имеет здесь цели».

А я ведь всё слышу. Их. Тебя. Пусть не понимаю, но слышу. Чувствую. Как ты видишь себя пустыней, изборождённой морщинами каньонов. Как идёшь их уз-

кими извивами меж огненных багровых стен. Как бьёшься о них, проверяя, чего стоят твои боги. И не знаешь, что за тобой иду я. Хоть куда. Хоть в ядовитые джунгли, хоть в ад. Лишь бы с тобой.

Не знаешь. Не веришь. Не зовёшь.

Но пока ты тут. Пока ты мой. Родной. Пока ветер гремит жестью за окном и гонит тени. И они, уходя, снова кидают в тебя слова. Запретные: ты хватаешься за висок – где-то там жгутом перекачивается боль – и пытаешься вонзить в него ногти.

Не выдерживаю.

Соскакиваю с дивана, подхожу к тебе.

Не решаюсь обнять, лишь опускаюсь рядом на пол. Кладу голову на колени.

Проходит бесконечное мгновение, прежде чем ты прикасаешься ко мне. Гладишь. Спрашиваешь: «Хочешь есть?» – отламываешь кусок сладко-душистого хлеба.

Из твоих рук... от твоих рук – всё что угодно.

Так трепетно. Так, что хочется замереть и остановить время. Навсегда. На вечность.

Я не знаю, кто она – Вечность – но знаю, что ты её любишь. Значит, и я люблю. Потом. А сейчас просто будь. Просто живи.

Ты будто выдыхаешь. Будто кто-то, терзавший тебя изнутри, ушёл. Даже чувствую, как расслабились твои напряжённые мышцы. Ты убираешь бумаги в сторону. Говоришь: «Скоро утро. Надо бы уснуть. Пойдём?»

Ты ложишься на диван.

И я – рядом – прижимаюсь к тебе спиной. Хочется свернуться калачиком, чтоб было уютно-уютно, но тебе нравится, засыпая, обнимать меня.

Хорошо. Я буду лежать и стараться не шевелиться. И, крепко зажмурившись, усну.

И буду тоже смотреть сны. Свои.

Как мы играем на поляне в яркий солнечный день. Как я чихаю от тысяч запахов, от щекощущих нос ромашек и лютиков.

Как я счастлива от того, что солнце ещё высоко и до вечера ещё очень далеко.

И пусть этот день никогда не закончится.

Пусть ты будешь валяться со мной в траве, тискать меня, трепать за уши и запускать пальцы в шерсть.

И ещё пусть на меня никогда не нападают блохи.

Лев
КОЗОВСКИЙ

ВРЕМЕНА ГОДА

ЗИМА

ЗИМНИЕ ЧАСЫ

Зимой опять пошли, а осенью и летом
Стояли, как я их ни тряс, ни заводил.
Их солнечным, должно быть, разморило светом,
На полный круг пойти недоставало сил.

Иль, может быть, с другой соотнесясь причиной,
Согласие дают на зимний только век,
И я уже давно с подобной чертовщиной
Смирился и ценю сезонный этот бег.

Смотрю, как циферблат *лежит* иссиня-белый
И длинная, как ветвь, чернеет на снегу
Минутная, а к ней прибился цепкий целый
Заиндевелый куст часов – минут – секунд.

Полночные часы отсчитывают зимы.
Которая теперь на их календаре?
Что им цветущий май избыточно красивый,
Расхлябанный ноябрь в заброшенной поре...

У времени свои дрейфующие смолы,
И молодых минут некошенная рожь,
Оживший циферблат под снеговым помолом,
Снующих шестерён рождественская дрожь.

Так мудрый механизм себя являет скупю
И силы бережёт для протяжённых зим,
Чтоб не пробил мороз его стеклянный купол,
Колёсиков-крючков до срока не сносил.

Который нынче час? – Час сумеречный – синий –
Сиреневый... сказать точнее не могу...
Но вот уже ползёт и подтопляет иней,
Но вот уже стучит *секундная* в снегу.

• **Лев Козовский** родился и живёт в Москве. Автор книги стихов «Сухой мост» (2015, шорт-лист Международного Волошинского фестиваля). Публикации в журналах «Октябрь», «Арион», альманахах «Alter ego», «День поэзии». Лауреат премии журнала «Октябрь» (2013), Международного литературного фестиваля «Ностальгия по настоящему» (Киев, 2013).

* * *

В январе мы начнём, как ты скажешь – с нуля,
Со счастливой, захочешь, поры.
Прикуплю, чтоб красиво пошло, из белья
Новогоднего плана дары.

Да и сам приоденусь, как мен-манекен,
Будто лондонский денди-фирмач.
А в душе всё такой же я абориген,
Всё такой же, свой в доску, трепач.

Хочешь, можем рвануть в несвятой Ленинград,
По святым, по местам боевым,
На промозглом ветру дорогой Арарат
Разливать по стаканам простым.

У воды распивать, наблюдать за рекой,
Как мосты начинают развод.
Я такой же как был, никакой не другой,
И не в счёт утекло сколько вод.

И не в счёт сколько раз надрывался мотор,
Унося камни-плиты наверх,
Я вошёл в твою жизнь, как туристы в собор,
Обогреться промежду калек.

Просто так постоять, поглазеть, поснимать
Замирающих у алтаря,
Ничего не понять, просто веру принять,
Все обряды пройти втихаря.

СОСНЫ

Пролетает над соснами небо,
И идут облака в перегон,
Полотняным подобраны снегом
Своды вечнозелёные крон.

И звенит корабельная нота,
Нагоняет настрой боевой,
И построена роща, как рота,
Словно смотр идет строевой.

Лес смолёный, прямой, полнокровный,
Закалённый и ломкий, как сталь,
Ароматный, как праздник церковный,
Пограничный встречает февраль.

Проясняется синее свежее,
И слышна переключка стволов,
Но пылит уже воинство снежное
И вперёд засылает послов.

И в небесной эмалевой ясности
То сияет, то гибнет январь,
Но счищать уже мелочи, частности
Приступает метельная хмарь.

Тяжелее, тревожнее дышится
На короткой закатной заре,
И густая янтарная жижица
Каменеет на красной коре.

ВЕЧНА

МАРТ

Зима ещё зрима и в силе,
Немного осели снега,
Порывом по небу поплыли
Разорванные облака.

Шатаясь по лесу враскачку:
Из мрака – на солнце – во мрак –
Скрипит, пробуждаясь от спячки,
Вдоль талой лыжни березняк.

Висят обветшалые шубы
На елях, но выхвачен клочок
Опушки особенно крупный,
Приличный с верхушки кусок...

Очерчена контуром чётким,
Открывшись, петляет река,
Как будто бы краскою чёрной
По белому водит рука,

Как будто бы в день этот ясный
К сиянию ластится темь,
И синей гуашью по насту
Атласному тянется тень.

И преет под снежной периной
Подтаявший край шеvelя,
Червивая, с дёрном и глиной,
Разбуженная земля.

И в гомон звучаний различных
Певучий вплетается плеск
Каких-то малюсеньких птичек,
Уже обживающих лес.

ВЕТРОДУЙ

Волнуй меня, ветродуй,
Сметай, прямо с ног вали,
Силой воздушных струй
Неси меня от земли.

Тяни за собой в эфир
Под углом, что лихой
Транспортёр, в макромир
Над Москвою-рекой.

От дней отчеркни, от днищ
Зачерпни меня в небеса,
Где мокрою мощью тыщ
Туч движется бирюза.

Где тонны полутонов
Раскалывают монолит,
Бликует из облаков
Индиго ли, лазурит...

Как будто обманный трюк –
На север веди, на юг –
Но всех ожиданий сверх,
Гони меня махом вверх.

Над кровлею гнутых крыш,
Над голой рощей антенн,
Чей остов от ржи стал рыж,
И стержень давно дал крен.

Воздушных ям по краям
Толкай на новый виток,
Ухватист – вихраст – упрямя,
Под восходящий поток.

Впивай свои коготки
На острие виража,
Чтоб голубели белки
И леденела душа.

Чтоб примеряя тлен,
Стыла она вдали
Под сенью небес, а не
Под спудом сырой земли.

ВЯЗ

Его части порознь, разошлась кора,
Как обшивка танкера на мели,
И труха раскуроченного нутра
Показалась у самой почти земли.

В непролазный валежник, в хаос древес
Завалился всем весом колосса вяз,
И казаться стало, что лес окрест
И не лес, а хворост торчит, кривясь.

И библейский возраст его, и рост
Исполинский, и в сажень почти обхват –
Впредь послужат саженцам на компост,
Станут преть и стыть уйму лет подряд.

Выступают изгибы его корней
Полированным поручнем на весу,
И на сломках голых его ветвей
Не блестит смола, чёрен ствол и сух.

Ни филенкой, ни рейкой ему не стать,
Заготовкой столярной, сырым бруском –
Забирает обратно природа мать,
Что вчера вспоила своим соском.

От щедрот великих она живот
В этот раз дарует чете синиц,
Что гнездятся в утробе его пустот,
Прикрывая пером скорлупу яиц.

ЛЕТО

МОТЫЛЁК

Из чувства самосохраненья
Лети от света, мотылёк,
Раздумья без и промедленья
Со всех подкрылок, крыльев, ног.

Чем тебе светит озаренье,
Во тьме кромешной не спеши
Узнать и что за ослепленьем
Грядёт доверчивой души.

Поманят всполохи, и тени
Пускай скликают в хоровод –
Не поддавайся – вдохновенье
Прожжёт безжалостно живот,

Разрушит – разнесёт – развеет
По ветру твой бесстрашный дар –
Любить всё то, что пламенеет,
Что распалает, как пожар.

Куда разумней отступленье,
Кто сейчас оценит виражи
Секундного самосожженья
Самоотверженной души.

* * *

Когда входили, нам навстречу шёл
Народ, но нас любезно пропустили,
Нам предложили самый дальний стол
в густом саду, покрытом лунной пылью.

Когда входили, музыка уже
Отгрохотала, видимо, живая,
Сошла певица в полунеглиже
С полуэстрады, горло прикрывая.

И точно свой товар негоциант,
Фарфора позолоченного горы,
На кухню проносил официант
И собирал холодные приборы.

Мы видели, как рушили ряды
Пустующих столов, остывших кресел,
На разоренный фестиваль еды
Пролил свой свет прекрасный полумесяц.

Как ароматен полуночный чай,
Комарики над кипятком вьются.
Кто знает как сладка и горяча
Кровь тех, кто пьёт последний раз из блюдца

в кафе перед закрытием... Постой,
Скажи мне без обиняков, символик –
Случайно ль подыскали нам с тобой
В листве густой тот дальний тёмный столик,

Где души в праве выбора судьбы
Совсем иной, её сличают знаки
По накипи стихающей воды
И по серпу, что вдруг мелькнёт во мраке.

ДУБ

*...в душе своей питал
Ему сочувственную думу.*

Е. Б.

Не по стволу, не по листу,
Тотчас по стати, видимой за версту,
В стужу, в жару – из памяти темноты,
Соизмерив величие – это ты!

Подойду вплотную, ладонью прижмусь, лицом,
Если ты есть древо, я тонкое деревцо,
Если я певец, ты – неумолчный хор,
Чьим дыханьем соборным полнится мир и бор.

Вижу корни наружу, каменеющие узлом,
Чую влажной кожей серой коры излом,
Он глубок и долог, хладен, на ощупь сух.
Над моей головой извивается сук.

Над моей головой, пронизая тенистый плен,
Величавая ветвь уточняет изгиб модерн,
И шумят в вышине надо мною листвы слова,
Что грядет разлом в обхвате тройном ствола.

Что ещё два-три века, и кончится твой дозор
Кратких лет и зим, полнолуний и поздних зорь,
И поглотит Лета растрескавшийся нарост
Всех болячек, рубцов, все узоры твоих борозд.

И жалея тебя, исполина-колосса, я,
Глядя раны твои, обещаю – небытия
Не коснутся ни крона, ни корни, что держат вес,
Твоего бессмертья – я стану противовес.

И пока не соструган гроб мне, но служит стол,
Будет в мире тебе на кого опереться, столп,
Да и после, поди, не размоют дожди тех строк,
Что, вобрав твой подземный ток, напитали слог.

Высоко – одиноко – свободно вознёсся ты,
Расступилась поодаль поросль мелкоты,
Сразу видно – кто козырь леса, кто царь древес,
Не постигнет тебя отныне забвенья срез.

ОСЕНЬ

БАБЬЕ ЛЕТО

Нынче бор горит, как горит закат –
Занимается красной калины плат,
По кайме кленовый лист принялся,
Да в углях кармина рябина вся.

Разгорается между тенями спор –
То один узор, то другой узор,
Как корунды, кроны горят осин,
А над ними неба густеет синь.

Даже слог мой горит, словно горицвет,
Между строк полыхает и на просвет.
Ожерельем ярким под горлом жар,
И бежит по жилам рдяной пожар.

Это сор-трава и несжатый злак,
Тленом стать пред тем, как дают мне знак –
Что назавтра небо зальют свинцом,
Что гнильцою холод пахнёт в лицо.

Так ярись напоследок, огнём дари,
Ничего о грядущем не говори,
Только бы не меркло твоё стекло,
Только бы в мой лепет тепло текло.

Ты багряный царский закатный свет,
За тобой тепла простывает след,
И растет за тобою студёный вал –
Всех сгрести, кто цвёл, да в свой срок увял.

БЕРЕЗЫ

В дождь берёзы белей
И прозрачней, и кроны наклонней,
И листва их бедней
И синей, словно в холод ладони.

Бестелесны стволы,
И худы, и сутулы их спины,
Сладким соком смолы
Перепачканы свежие спилы.

Разомкнувши ряды
Голой рощицы ветропрогонной,
Средь потоков воды
Они смотрятся так отрешённо.

Их как будто одних
Здесь собрали в лихую погоду.
Кто, скажите, они –
Жёны прежние, сёстры-погодки?..

Тает в теле тепло,
Тяжелеет намокшее платье,
Тёмный локон и клок
Поседевший свиваются прядью.

Ходят струи петлёй
Вкруг ствола и сбегают в низины,
Убывая землёй,
Омывая корней крестовины.

Будто кто-то внахлёт
Эти воды сюда насылает,
Солью слёзных желёз
Белый остров берёз застилает.

* * *

Холмов, оврагов перепады
и сад тенистый над рекой,
и за церковною оградой
погоста сельского покой.

И солнце, подвигаясь к вишне,
почти что озаряет весь
крест с перекладиной прогнившей,
где от руки – ИС ХС.

И вы, кто в камне упомянут,
следите с горней высоты
за тем, как год от года вянут
и вновь в цвету стоят сады,

как заморозков ожиданье
и ранней оттепели час
перемежаются, как дальний
потомок навещает вас.

Один подолгу в непогоду
глядит с откоса на Оку,
на равнодушную природу
на том и этом берегу.

Сергей
ЮДИН

ДЕМОНЫ АМАСТРИАНА

Повесть

Жажду я изложить перед вами, о возлюбленные, жизнь весьма небогоугодную и деяния совсем не безупречные отнюдь не достойного мужа. Прошу вас, внемлите тому, что я буду говорить, ибо, хотя предмет сей и не источает мёд, благоухание и дивную радость, но, напротив, – серу, смрад и горечь едкую, однако же послужит он на пользу всякому, кто желает утвердиться на стезе добродетели.

Посему приготовьтесь, о великодушные, выслушать этот рассказ о жалкой жизни и чудесном преображении раба Божьего Феофила, дабы и я сумел преодолеть немощь телесную и душевную и с большим желанием приступил к труду своему.

Родился я в царствование блаженнейшей и христоролюбивой августы Ирины, истинной последовательницы Христа, что правила совместно с сыном своим, императором Константином.

Появиться на свет мне посчастливилось в семействе благородного звания: отец мой, Георгий из рода Мелиссинов, был почтён ещё императором Львом Хазаром саном протоспафария, а затем назначен друнгарием двенадцати островов; мать же, именем Евдокия, происходила из славного града Амастрида, что в феме Пафлагония.

Едва выйдя из отроческого возраста и закончив изучать грамматику и поэмы Гомера, я был отдан в школу к ипату Панкратию, известному в Константинополе ритору и философу. Увы! Учение не пошло мне впрок, ибо уже в те юные годы стали проявляться мои пагубные пристрастия.

Чрезмерно увлекшись эллинской премудростью, я совершенно не интересовался изучением Слова и Закона Божьего, пренебрегая спасением своей души ради пагубных домыслов языческой философии. Ночи я проводил не в молитвенном бдении и не в чтении Псалтыри, но склонившись над трудами Артемидора Эфесского, изучая его зловещий *Oneirokritikon* и сиюсь отыскать смысл в бессмысленном, а священное в кощунственном.

Первоначально обратившись к Аристотелю, Платону и их комментаторам, вскоре я уже штудировал Плотина, Порфирия, Ямвлиха и казавшегося мне бесподобным Прокла. Дионисий Галикарнасский, Гермоген и Олимпиодор всецело занимали мои мысли днём, а по ночам я не менее рьяно набрасывался на какого-нибудь Парменида, Анагаскора или Фалеса.

• Сергей Юдин, москвич. Повести и рассказы публиковались в российских и зарубежных журналах: «Искатель», «Зеркало», «Русская мысль», «Северо-Муйские огни», «Золотое руно», «Изящная словесность» и др., а также в сборниках «Святочные рассказы, XXI век» (2010), «Тёмные» (2016).

Увы мне! Не понимая скудным разумом своим, что невозможно смертному постичь величавые замыслы Творца, тщился я в книгах отыскать тайны мироздания.

Всё дальше и дальше, напрямик к гибели влекла меня излишняя любознательность. Предметы, недоступные для понимания человека, чрезвычайно волновали меня: круговое движение земного шара не позволяло мне успокоиться, но заставляло изыскивать, что такое движение, откуда началось, какова природа оного шара, каковы круги, как они наложены, как разделены, что такое углы, равенство, эклиптики, произошла ли Вселенная из огня или чего-нибудь другого. Привлекала меня также логика, и я исследовал, как из ума исходят мнения, из мнений непосредственно предложения, что такое аналогия и вероятность, соизмеримое и несоизмеримое.

Наконец, в греховной гордыне не избежал я и опасных таинств магов и халдеев. Движение светил, их скрытый смысл и влияние на судьбы людей стали занимать меня, а ещё больше познание вещей сокровытых: что такое Провидение и Судьба, что есть неподвижное, что само себя двигающее, имеется ли у человека психея-душа, а коли имеется, то каковы её свойства, обладает ли она разумом и бессмертной сущностью или столь же брэнна, как и само тело, какова её связь с этим телом и где она блуждает во время сна, который Гомер и Гесиод называли братом Смерти.

Так-то бежали годы моей учёбы, как вдруг всё в одночасье изменилось и рухнуло.

В то время государь наш император Константин затеял большой военный поход в Болгарию, намереваясь отомстить тамошнему хану Телеригу за разбойные набеги, которые он постоянно творил, далеко вторгаясь в пределы ромейской державы.

Подступив к Маркеллам, где уже ожидал его Телериг, император решил принять бой, несмотря на предостережения моего учителя ипата Панкратия, бывшего с ним для совета.

И вот случилось неизбежное: войско ромеев было разбито, а сам автократор как беглец возвратился в город, потеряв многих не только из простых воинов, но и из людей правительственных.

Мало того, что от мечей варваров погиб знаменитый стратиг Михаил Лаханодракон – надежда ромейской империи, злосчастной судьбе было угодно, чтобы в том же сражении пали и мой отец – Георгий Мелиссин и престарелый философ Панкратий.

Так в одночасье лишился я и любезного родителя своего, и мудрого наставника.

Спустя короткое время, не вынеся постигшей её утраты, скончалась и моя бедная мать.

Оставшись в свои неполных двадцать лет один на этом свете, стал я думать, на что направить собственные жизненные устремления и где употребить приобретённые знания.

Желая принести пользу отечеству и престолу, я подал прошение на высочайшее имя о назначении меня мистиком при императоре, но все секретарские должности были заняты людьми сановными, за меня же некому было походатайствовать и замолвить слово ни пред августой, ни пред её державным сыном.

Пытался я служить и писцом-асикритом в императорской канцелярии, но должность эта оказалась для меня чересчур кропотлива, скучна и утомительна,

так что в скором времени я уже старался сколь можно чаще избегать своих обязанностей, а после и совсем поручил исполнение их нанятому мною для такого случая за половинную плату бродячему грамматiku и каллиграфу из Пергама.

Разочаровавшись таким образом в государственной службе, имел я несчастье познакомиться и сдружиться с несколькими молодыми бездельниками, что весьма укрепило меня на стезе порока и послужило для дальнейшего растления моей бессмертной сущности.

Произошло это при следующих обстоятельствах.

В те годы среди лучших и знатнейших людей города было заведено устраивать у себя некие литературные собрания, называемые феатрами, где обыкновенно сходились любители тонкой игры ума и совершенства словесного образа. Под сводами домов, собиравших такие феатры, нередко кипели учёные диспуты, участники коих касались вопросов философии, риторики и устройства самого мироздания, звучали музыка и пение, сопровождавшие тексты зачитываемых речей и отрывков наиболее эффектных писем. Один из подобных домов был дом патрикия Феодора Камулиана – моего близкого родственника. Я, конечно же, не преминул проникнуть в этот избранный кружок и был счастлив состязаться в учёности и красноречии со многими прославленными мужами.

Сам патрикий находился в то время у двора в немилости, ибо имел несчастье несколько лет тому назад чем-то навлечь на себя гнев августы, подвергся изгнанию, был возвращён по ходатайству её сына императора, но с той поры пребывал как бы в добровольном затворничестве в своём большом и великолепном доме близ монастыря Перивлепта в квартале Сигма. Так что ежевечерние учёные собрания являлись единственной его отрадой и утешением.

Сын Камулиана по имени Григорий – молодой человек прекрасной наружности (он был высок, как Саул, обладал волосами Авессалома и прелестью Иосифа), но без всяких способностей, редко участвовал в этих вечерах, да и нечасто вообще бывал под отцовским кровом, растрчивая цвет своей юности на Ипподроме или в злочных местах города с такими же, как и он сам, состоятельными невеждами. Тем не менее, столкнувшись с ним в доме патрикия, был я по незрелым летам своим совершенно очарован внешним блеском этого пустоцвета и, не имея никакой опытности в плавании по волнам житейского моря, стал буквально смотреть в рот сему юноше, почитая его за своего кормчего и чуть ли не наварха.

Оный Григорий, заметив, что я с удовольствием и жадностью внимаю его речам о всевозможных соблазнах царственного града, предложил познакомить меня со своими друзьями, затем уговорил как-то вместе скоротать вечер-другой, так что не прошло и пары седмиц, как я стал более времени проводить в компании сих новых знакомцев, нежели в феатре патрикия.

С этой поры совсем иначе стали протекать мои дни и ночи, которые ранее я посвящал учёным занятиям и досугам. Мои новые друзья – Николай Воила, Петр Трифиллий, Никифор Мусулакий, Арсафий Мономах и молодой Камулиан – были сыновьями видных сановников, людьми обеспеченными и, хотя некоторые из них и числились по тому или иному гражданскому ведомству, а иные, как проексим Воила, состояли в гвардейских тагмах, но на деле все свои обязанности перепоручили заместителям, сами же вели вполне праздный образ жизни.

Так, когда не было конных ристалищ, день до самого вечера они обыкновенно делили между посещением терм Зевксиппа или Ксенона (тех, что расположены возле дворца Девертон), где умасляли свои тела ароматными маслами и изы-

сканными благовониями, нежились в горячих и тёплых водах, и отдохновением в кабаках-фускариях, великое множество которых занимает портики в Антифоре, вокруг Форума Константина, ночью же уничтожали красоту душ своих в притонах продажных женщин.

В давнее время приснопамятный и мудрейший император Юстиниан Великий много сил отдавал богоугодному делу исправления нравов царственного града. Среди его замыслов был и такой, предназначенный для спасения загубленных душ: город в то время наводняли сонмы шлюх, словно мухи на мёд летающих сюда из всех пределов ромейской державы. Император не пытался направить их на истинный путь словом – это племя глухо к спасительным увещаниям – и не пробовал действовать грубой силой, дабы не вызвать обвинения в насилии, но, соорудив в самой столице, напротив Анапле монастырь величины несказанной и красоты неопикуемой, объявил указом всем женщинам, торгующим своими прелестями, следующее: если кто из них последует туда и, сменив одежды разврата на монашеское платье, изменит также и нрав свой в пользу добродетели, тем не придётся страшиться нищеты и скудости. Обитель эту император Юстиниан основал совместно с супругой своей – августой Феодорой (в делах благочестия они всегда действовали сообща) и наименовал «монастырем Раскаяния» – Метаноей. Говорят, что огромное число обитательниц чердаков откликнулось на призыв державной четы и чудесным образом обратилось из сосудов похоти в юное Христово воинство.

Что же мы видим ныне? К чему привели все благие начинания? По-прежнему богохранимый наш город, осенённый омофором самой Пречистой Богородицы, служит столицей и для демона блуда. Продажных женщин не только не стало менее, но словно и прибавилось: и если ранее притоны этих распутниц ютились в тёмных переулках и подворотнях, то теперь самый Форум Константина осквернён сими домами разврата, для жительства гетер отданы целые кварталы, главнейший из которых украшен бронзовым истуканом Афродиты! Уже не только чердаки, но и великолепные портики вокруг Анемодулия и половина жилищ в Кифи стали прибежищем блудниц!

Как бы то ни было, в то время я был совершенно пленён Григорием Камулианом и его друзьями и вполне отдался новому для меня образу жизни, почти весь свой досуг без остатка посвящая служению тем же кумирам.

Однако пора мне, закончив с необходимым вступлением, приступить непосредственно к рассказу о том, что произошло со мной сорок лет назад и как безбожная эллинская философия и губительные пороки едва не увлекли меня туда, где тернии, и ехидны, и василиски, и гады ползучие.

* * *

Случилось раз мне вместе с Трифиллием, Мономахом, Николаем Воилой и сыном патрикия Феодора завтракать в портике Мардуфа на прекрасной беломраморной террасе, полого спускающейся к гавани Феодосия. Справа нам открывался чудесный вид на любимый Елевферский дворец августы Ирины, весь утопающий в изумрудной зелени огромных платанов и лиственниц; по левую руку от нас раскинулись обширные, расположенные уступами сады, поросшие пиниями, кедрами и гигантскими кипарисами, испещрённые лужайками с подстриженными кустами акации и квадратными цветниками, с дорожками, выложенными

разноцветной мозаикой, и небольшими прудами со множеством водоплавающих птиц. Сам портик располагался в густой тени древней смоковницы, надёжно защищающей его от беспощадных солнечных лучей. Прямо позади портика находилась усадьба Мономахов, откуда нам и доставляли всё необходимое для трапезы.

Мы заказали слугителю принести пару кувшинов розового кипрского вина, пятимесячного ягнёнка и вымя молодой свиньи, как можно более жирное и сочное, а Арсафий Мономах велел ещё отдельно приготовить для себя упитанную трёхгодовалую курицу, какими торгуют в птичьих рядах на Форуме Быка, и у которых корм, благодаря искусству людей, задававших его, толстым слоем откладывается на ножках.

Разлив вино по кубкам, Мономах, как и полагается хозяину, первый пригубил его. Отпив глоток, он со вкусом почмокал губами и, подъяв перст, заговорил так:

– Прекрасное розовое вино! Не чета тому отвратительному, больше напоминающему уксус пойлу, коим потчуют в придорожных тавернах или каким нас пытаются отравить разносчики на Месе. Это вино настаивается на смеси горных роз, аниса, шафрана и сладчайшего аттического меда. Оно и сейчас, спустя пятнадцать дней после приготовления, чудесно на вкус, но когда ещё более состарится, то станет вне всякого сравнения. Кроме того, оно незаменимо для страдающих желудком или легкими.

Осушив свои кубки, мы все согласно закивали головами, а Мономах продолжал:

– Однако вам необходимо попробовать и моё фасосское вино. Оно, конечно, не такое сладкое, но ароматом и крепостью ничуть не уступит розовому. Рецепт его приготовления я нашел в «Георгиках» у Флорентина. Он не так прост, но результат того стоит. Для этого вина годится только спелый красный и чёрный виноград с Фасоса. Каждую гроздь его нужно отдельно сушить на солнце пять, а лучше – шесть дней; затем в полночь ещё горячими бросить их в муст, вскипячённый пополам с морской водой. С восходом солнца виноград следует отправить в давяльную ещё на одну ночь и на день. Выжатый сок разлить по пифосам, врытым наполовину в землю, и, подождав должное время, покуда он полностью перебродит, влить в него двадцать пятую часть сапы. После же весеннего равноденствия, очистив, перелить в небольшие амфоры...

– Полно врать-то! – неожиданно прервал его Петр Трифиллий. – Неужто, не посадив за всю жизнь ни одной лозы, ты, Арсафий, хочешь уверить нас, будто разбираешься в винах так же хорошо, как твой дед-виноградарь.

– А как ты следишь за тем, чтобы слуги не разбавляли вино водой? – живо поинтересовался Камулиан, желая сгладить грубость приятеля.

– О! Для этого существует множество способов, – важно отвечал Арсафий, совершенно игнорируя привычные для него насмешки Трифиллия. – Некоторые бросают в сосуд яблоко, а ещё лучше – дикую грушу; некоторые – кузнечиков, другие – стрекозу: если они всплывут, значит в вине примеси нет; когда же потонут, считай поймал злодея за руку – непременно долили водицы. Слышал я, что есть такие, которые наловчились определять воровство с помощью тростника, папируса, травинки или вообще какого-нибудь прутика. Смазав оный предмет оливковым маслом и обтерев, вставляют его в вино, вытащив же, осматривают: коли вино содержит воду, то на масле она капельками и соберется. Еще говорят, будто негашёная известь, политая разбавленным вином, становится жидкой, качественный же напиток превращает её в сплошной ком. Но признаюсь, сам я ничего из этого не пробовал и утверждать действенность сих приемов не берусь.

На мой взгляд, простейший и безотказный способ, коим я сам пользуюсь, да и вам настоятельно рекомендую, – это, зачерпнув вина из пифоса, налить его в небольшую амфору, заткнуть отверстие губкой (непременно – новой и как следует пропитанной оливковым маслом) и перевернуть. Вода-то обязательно просочится, тут и готовь каштановые прутья для дворни! А тебе, Трифиллий, могу ответить, что вовсе не обязательно всю жизнь работать заступом, чтобы разбираться в свойствах вина.

– Каюсь, друг мой, каюсь! – замахал тот руками. – Велики твои познания! Видишь, как у меня от них, словно у беременной женщины, вздулся живот?

– Живот у тебя вздулся не от Мономаховой мудрости, – со смехом заметил проексим Воила, – а от потакания собственному пагубному влечению к противной природе удовольствиям. Смотри, чтобы тебе и впрямь не оказаться в тягости!

– Побойся бога, несчастный! – вскричал Петр Трифиллий. – С какой стати ты на меня наговариваешь? Вот уж скоро будет год, как я прогнал всех своих любимчиков. С той поры жизнь моя являет сугубый пример праведности, ибо я только тем и озабочен, чтобы укрощать свою плоть постом и молитвой, сохраняя все телесные ощущения чистыми и незапятнанными.

– Умолкни, распутник с редькою в заду! – не унимался Николай Воила, – всем ведомо, какими воистину тёмными путями достиг ты сана мандатора и должности анаграфевса геникона, ведь о пристрастиях начальника твоего – логофета Никифора судачат даже на городских рынках!

– И в узком кругу не стоит столь опрометчиво высказываться о лицах, облечённых властью, – наставительно произнес Арсафий Момах.

– Истинная правда. Особенно, когда у кормила этой власти стоят такие люди, как евнух Ставракий и патрикий Аэций, – согласился Трифиллий.

Мы все на него зашикали, ибо в этот момент из-за колонны портика неожиданно появился и стал приближаться к нам некий человек, облачённый в рваное вретиче из козьей шерсти. По дикому взгляду, множеству язв, покрывающих его полунагое тело, всклокоченным седым волосам и бороде и особенной распространяемой им селедочной вони я тотчас узнал известного в городе юрода, прозванного Тельхином за зверообразный облик. Незадолго перед тем выпущенный из приюта для умалишенных при храме святой мученицы Анастасии, он подвизался тогда в рыбных рядах Большого эмвола и в Артополионе, занимаясь попрошайничеством и забавляя прохожих дикими гримасами и полоумными плясками.

Подойдя к нашей компании почти вплотную, сей гниющий старикашка сначала задрожал точно в припадке трясучей болезни, потом принялся беззвучно открывать рот, тщетно силясь нечто сказать, затем стал тихонько покашливать и понемногу отхаркивать (а нутро у него было чернее смерти и в носу всегда словно что-то варилось) и, наконец, замогильным голосом заговорил:

– Подайте несколько оболов несчастному бедняку, о бесстыжие сыны порока! Или хотя бы вон ту отлично подрумяненную на вертеле курицу, начинённую, как я полагаю, миндалём! Довольно вам насыщать свои бездонные чрева, довольно набивать их сочной бараниной и вон теми спелыми и столь привлекательными на вид фигами! Но, видит Бог, недолго вам поглощать холмы хлебов, леса зверей, проливы рыбы и моря вин! Ибо истинно говорю вам: скоро уже сатана наполнит ваши желудки не медом и вином с миррой, но серой и испражнениями с пеплом смешанными!

– Сгинь, вонючий селеед! – тотчас закричал в ответ юродивому Арсафий, кидая ему под ноги горсть медных нуммий. – Возьми что причитается и ступай прочь, а то у меня от твоего гнусного смрада совсем пропал аппетит!

Я же, заметив, что волосы на голове и в бороде Тельхина шевелятся от обилия насекомых, доброжелательно посоветовал ему сходить на эти деньги в баню и тщательно вымыться. При этом я из милосердия также бросил попрошайке кусок тушённой в молоке ягнятины, но так неудачно, что попал ему прямо в лоб, и это заставило юродивого упасть на каменные плиты портика и заверещать дурным голосом, кашляя и разбрызгивая вокруг чёрную мокроту:

– Ах ты погибшее создание! Ах ты скудель греха и средоточие всех земных мерзостей! Почто губишь ты цвет своей юности в гнусности разврата? Почто сходишь с ума, несчастный, по источенной червями женской плоти? Пока не поздно, пади смиренным перед стопами Спасителя, отрекись от гордыни, самонадеянности, тщеславия, распутства и, паче всего, безбожия! Помни, о греховодник, что демоны, в обилии населяющие град сей, жаждут сделать тебя рабом порочности и тем обречь геенне огненной. Остерегись, заблудший, ибо вижу я – не далее как нынешней ночью совершишь ты нечто ужасное перед Господом!

С этими словами юродивый развернулся и быстро бросился бежать прочь, подпрыгивая, прихрамывая и издавая на ходу душераздирающие звериные вопли.

Несколько опешив от такого обильного потока ругани, исторгнутого этим безумцем, я посмотрел на своих друзей и увидел, что они, глядя на моё растерянное лицо, даваясь от смеха.

– Ишь, раскаркался, бесноватый болтун! – сказал вслед убегающему бродяге Николай Воила. – Пускай идет к воронам! Там ему как раз самое место.

– А ты всё же поостерегись, дражайший Феофил, – продолжая смеяться, обратился ко мне Трифиллий, – подобные речи губительны, как укусы бешеной собаки! И вообще я удивляюсь, как он не отгрыз тебе нос, когда ты залепил ему в лоб бараньей костью?

– Прекрати пугать нашего друга, Петр, – отозвался Григорий Камулиан. – Видишь, на нём лица нет, так его взволновали слова этого одержимого. Ты же, Феофил, не обращай внимания на чокнутого бродягу. Разве ты не знаешь, что человек этот воистину одержим бесами и даже питается нечистотами?

Так успокоив меня, сын патрикия вновь принялся за еду, его же примеру последовали и все прочие.

Когда мы отведали хвалёного фасосского вина Арсафия Мономаха, которое действительно оказалось отменным – терпким и ароматным, закусили молочным поросёнком, приготовленным с нардом, дикой мятой, гвоздикой и корицей, острым, искусно обжаренным в виноградном соке вместе с грибами, сельдереем, укропом, миндалём и индийскими благовониями, и чудесными отборными финиками в белом меду, то душевное спокойствие вновь вернулось ко мне и я напрочь забыл ужасного юродивого.

Вечный насмешник Трифиллий, один выпивший не менее кувшина вина, не мог не признать его несомненных достоинств, тем не менее, он всё-таки заявил, обращаясь к Мономаху:

– Между прочим, ведомо ли тебе, любезный Арсафий, что во Влахернах есть одна таверна (которую, к слову сказать, содержит мой хороший приятель), где фасосское подают ничуть не хуже, чем это, а может, и лучше?

– Не думаю, что ты сумеешь отличить хорошее вино от помоев, – обиженно отвечал Мономах, – ибо тебе воистину всё равно, что заливать себе в глотку.

– Я вовсе не смеюсь над тобой, Арсафий, – продолжал Трифиллий. – Напротив, я готов признать, что твоё вино достойно благородного чрева самого логофета дрома – превосходительного Ставракия, но спорю на десять золотых солидов, что попробовав то, о котором я тебе толкую, и ты сам, и все здесь сидящие с готовностью подтвердите мою правоту.

– Ну что же, будьте вы все свидетелями, друзья мои! – вскричал Мономах. – Пусть только этот хвастун сведёт нас в свою таверну и, клянусь серпом Кроноса, если хотя бы двое из вас признают его слова за истину – я выложу не десять, а все пятнадцать солидов!

Предложение всем пришлось по душе, и мы его немедленно поддержали, решив, что тем же вечером отправимся с Петром Трифиллием, и поклялись Мономаху, что суд наш будет беспристрастным, а приговор – справедливым. Встречу назначили в первую стражу около базилики Покрова Пресвятой Богородицы во Влахернах.

Оставшуюся часть дня до вечера решено было воздержаться от употребления пряной пищи и тем более любого вина, дабы не испортить себе вкус перед столь серьёзным испытанием.

* * *

В условленный час мы все пятеро стояли перед воротами храма Пречистой Матери Божьей, в коем с давних времен благовейно хранится священный мафорий Госпожи и Владычицы мира.

Ныне я с невыразимой горечью и поздним раскаянием вспоминаю тот вечер, ибо стоило мне послушаться тогда голоса сердца – и я оставил бы негодных друзей своих ради всеобщего бдения в сём храме, но – увы! – вместо этого, увлекаемый личным демоном, последовал я вместе с ними в сторону Морских стен, туда, где, по уверениям Петра Трифиллия, должна была находиться искомая таверна.

Здесь, во Влахернах, было просторнее, нежели в центре города: дома не жались друг к другу, словно озябшие нищие на паперти, и не нависали верхними этажами над мостовой, заставляя меркнуть солнечный свет, как в переулках Месомфала – средостения столицы. Меньше попадалось лавок-эмволов и мастерских-эргастрий, зато жилища утопали в зелени садов и виноградников. Самые крыши домов этого богатого предместья являли собой как бы висячие сады, ибо в обилии были уставлены большими глиняными и свинцовыми сосудами, в которых выращивались разнообразные деревья и цветущие кустарники.

По дороге Трифиллий без умолку болтал, рассказывая нам о своем знакомом-трактирщике, к которому мы направлялись. Мы узнали, что звать его Домн и происхождением он иллириец и поэтому человек во всех отношениях прекрасный (сам Трифиллий был также родом из Диррахия, который вослед за Валерием Катуллом именовал не иначе как «кабак Адриатики»). Нам стало известно, что харчевня-фускария Домна пристроена почти вплотную к крепостным стенам, при этом Петр не переминул уколоть своей насмешкой нас, уроженцев Византия:

– А ведомо ли вам, мои друзья, откуда взялся этот несуразный обычай размещать кабаки рядом с казармами и крепостными башнями?

– Нет, о достойный поклонник Диониса, – отвечал ему Григорий Камулиан. – Так что, не медли и поспеши рассеять мрак нашего невежества.

– Знайте же, что если верить старику Филарху (а я ему верю, хоть он и жил во времена незапамятные), византийцы издревле были сластолюбивы и пьяницы, они жили по корчмам, а свои собственные жилища совокупно с жёнами отдавали внаем инородцам...

– Постой, постой! – не удержался и прервал его Мономах. – Как это – «совокупно с жёнами»? Не хочешь ли ты сказать, распутник, что они и жён своих отдавали внаём?

– Признаюсь, это место в трудах почтенного учёного несколько темно для понимания... Но продолжу: характера они были самого невоинственного, им и во сне не хотелось слышать звук боевых труб. Так вот, в его, Филарха, шестой книге я прочёл, что в свое время, когда один из сирийских Антиохов осаждал Византий, сплошь обложив его с суши многочисленным войском, то по нехватке наёмников, пришлось и жителей обязать защищать собственный город. Однако разгульным гражданам Византия утомительная сторожевая служба на стенах была вовсе не по нутру и, следуя старой привычке, они то и дело убегали в питейные заведения. Вот по этой-то причине стратигу их Леониду поневоле пришлось открыть шинки тут же – за амбразурами, лишь бы стены не обнажились окончательно.

Николай Воила, как человек военный, поинтересовался, удалось ли отстоять тогда город и, узнав от Трифиллия, что удалось, поспешил признать меры Леонида безусловно полезными и достойными всяческих похвал.

Беседуя таким образом, мы добрались до крепостных ворот Полация, впри-тык к которым действительно стояла какая-то харчевня. Выстроена она была в два этажа, частью – из камня, частью – из обожжённого кирпича, покрытого снаружи штукатуркой, и несколько крикливо расписана по фасаду замысловатыми узорами, изображениями смеющихся упитанных эротов, пляшущих козлоногих сатиров и тяжеловесных нимф с фигурами ипподромных кулачных бойцов. На вывеске перед входом призывно сияли золотой краской кувшин и телец.

Верхний этаж служил, вероятно, жильём хозяину и его семейству, а внизу находилась сама харчевня. Когда я зашёл вслед за друзьями в помещение, обоняние моё было приятно поражено отсутствием обычных для подобных заведений запахов прокисшего вина и прогорклого масла. Конечно, оно не благоухало амброй и киннамоном, однако ароматы поджаривающегося на вертеле над большим очагом барашка, свежесдобитого хлеба и козьего сыра не менее приятно щекотали мне ноздри.

Посреди харчевни стояли расположенные буквой «тау» два длинных стола из толстых и отлично выскобленных дубовых досок; рядом со столами, несмотря на тёплую погоду и пылающий в дальнем углу очаг, курилась жаровня. Посетителей было немного: всего три человека сидели перед большим блюдом с кусками дымящегося мяса, что-то прихлебывали из глиняных чаш и жевали ячменные лепешки, макая их в острый соус. Обслуживала их молодая рабыня, по внешнему виду – явная склавинка из Фессалии, одетая в чистую льняную тунуку.

Как только мы уселись, к нам подошел и сам хозяин – Домн Иллириец – крепкий человек с чёрными волосами, тёмными глазами и такой густой и обильной бородой, что казалось, будто она растёт у него от самых бровей. Приняв заказ и выслушав подробные объяснения Петра Трифиллия относительно цели нашего прихода, он ухмыльнулся и сообщил, что в его заведении имеется целых пять сортов фасосского вина, которые нам все придется последовательно испробовать.

Уже через мгновение рабыня ставила перед нами первый кувшин и блюдо с нарезанным небольшими ломтиками ароматным пафлагонским сыром, которому копчение над дымом придало особенную остроту и твёрдость. Пока мы смаковали вино, Арсафий Мономах с некоторой тревогой всматривался в наши лица.

К тому времени, как мы расправились со вторым кувшином и приступили к третьему, я, как менее привычный к обильным возлияниям, уже перестал ощущать вкус поглощаемого напитка и недоумевал, каким образом Камулиан и Воила намереваются вынести своё решение о сравнительных достоинствах этого и Мономахова вина. Однако те пока и не помышляли выражать своё мнение или произносить вслух какие-либо суждения, будучи всецело заняты самим процессом дегустации.

После третьего кувшина я решительно заявил, что более не в состоянии здраво судить о качестве винных запасов фускарии Домна и попытался уклониться от дальнейшего участия в споре, однако все четверо моих друзей восстали против этого и уговорили-таки меня заняться вместе с ними и следующим сортом фасосского.

– Если верить Африкану, – заявил Арсафий Мономах, – от опьянения весьма помогает сырая капуста, которую, однако, необходимо потреблять перед застольем. Известно ведь, что капуста – извечный антагонист вину, и даже если посадить её рядом с виноградной лозой, то последняя примется расти в противоположную сторону, в силу своей природной антипатии к сему овощу. Тебе же, Феофил, я рекомендую воспользоваться старым и многократно проверенным способом: испив очередную чашу, немедля произнеси следующий гомеровский стих:

Трижды с Идейского Гаргара грозно
Гремел Промыслитель...

и вновь обретёшь всю трезвость ума.

Всё это время Трифиллий развлекал нас рассказами о необыкновенной и всегда, по его словам, сопутствующей ему удаче при известной игре в кости, называемой «тавли». Неожиданно один из трёх упомянутых мною ранее и сидевших далеко в стороне от нас посетителей таверны поднялся со своего места, приблизился и обратился к нашей компании со следующими словами:

– Я вижу, благородные игемоны, что вы заняты весьма важным делом, и я бы не осмелился отвлекать ваше драгоценное внимание на вещи нестоящие, но краем уха я вынужденно услышал, как было упомянуто об известной забаве, называемой «тавли», и решился узнать, не соизволит ли кто-либо из честной компании сразиться со мной, недостойным, в эту издревле славную игру?

Незнакомец по виду явно походил на странствующего купца-аравитянина: был облачён в длинный и широкий чёрный плащ и кирпичного цвета сандалии; на смуглом, почти как у эфиопа, лице его подобно двум ярким карбункулам сверкали большие глаза, крючковатый нос сильно выдавался и нависал над верхней губой, козлиная бородка заплетена в две аккуратные косички, а унизывающие его пальцы дорогие перстни и кольца свидетельствовали о достатке, если не о богатстве.

Петр Трифиллий немедленно высыпал на стол всё имевшееся у него с собой серебро и, лукаво ухмыляясь, предложил аравитянину ставить на кон за раз по семь миллиарисиев, чтобы победитель получал стоимость целого золотого. В ответ надменный сын Агари лишь невозмутимо кивнул головой.

Мы не успели ещё допить четвёртый кувшин вина, как все деньги Трифиллия до последнего кератия перекочевали в поясной кошель его противника.

– Непостижимо! – вскричал наш товарищ, растерянно разводя руками. – Впервые удача полностью изменила мне. Ни одного счастливого броска! Не иначе этому чужеземцу ворожит сам сатана!

– Просто ты спугнул свою удачу неумеренным хвастовством, – с улыбкой заметил проексим Воила.

– Не желаешь ли сам испытать эту капризную богиню? – поинтересовался в ответ Трифиллий. – Говорят, к гвардейцам она особенно благосклонна.

Николай Воила не замедлил принять вызов и также бросил на стол перед сарацином свой кошель. В срок ещё более короткий, чем тот, который был отпущен Трифиллию, и он лишился всех денег. Агарянин насмешливо поклонился ему, с показным почтением касаясь правой рукой поочередно лба и груди, а затем выжидающе уставился своими сверкающими как уголья глазами на тех из нас, кто ещё не принимал участия в игре.

Григорий Камулиан немедленно заявил, что прихватил с собой одну медь, которую благородному человеку стыдно ставит на кон, поэтому не может принять участия в игре. Тогда Мономах, не говоря ни слова, подозвал к себе взмахом руки трактирщика, расплатился за все пять заказанных нами кувшинов вина, а оставшиеся деньги – что-то около двух солидов – положил перед собой.

На сей раз игра длилась несколько долее: Арсафий то проигрывал большую часть золота, то отыгрывался, но – увь! – в конце концов и он остался без обола.

Зная, что я никогда раньше не играл в кости, друзья и не думали предлагать мне попытать удачу. Однако я не мог равнодушно смотреть на их опечаленные лица и видеть насмешливую улыбку сарацина – мне казалось, что я не имею права оставаться в стороне и даже не попробовать отомстить за поражение своих товарищей. Кроме того, глядя в горящие как раскаленные головешки глаза этого неверного, я чувствовал, что меня обуревают страстное и неодолимое желание испытать своё счастье и сбить с него спесь. Уверенность в победе непрошеной гостьей поселилась в моем сердце!

По случайности у меня при себе имелось целых сто пятьдесят новых полновесных золотых номисм с изображением священной особы благочестивой августы: дело в том, что незадолго перед тем я довольно удачно продал свой крошечный и полуразрушенный эмвол в Иеросе и как раз тем вечером намеревался зайти к патрикию Феодору и отдать ему полученные от сделки деньги в рост – проценты с сего капитала должны были на ближайшее время обеспечить мне вполне безбедное существование.

С таким количеством золота я чувствовал себя воистину непобедимым. Сняв пояс, я вытряс из него часть монет и заявил о своем желании также попытать счастье. Григорий Камулиан постарался остановить меня, указывая на участь остальных, но я остался непреклонен и первый взялся за кости.

Игра продолжалась бесконечно долго. Первоначально случай во всем благоволил ко мне: я отыграл почти все деньги, спущенные моими друзьями и, когда бы остановился на этом, смог бы выйти из-за стола с честью, но гордость и азарт заставили меня продолжить партию, дабы вернуть всё до единого медяка. Тут капризная богиня Слепой судьбы – Тиха повернулась ко мне задом, и я стал проигрывать номисму за номисмой. Это лишь подогрело моё самолюбие, и я принялся швырять на стол золото словно негодные нуммии!

Товарищи мои молча и напряжённо наблюдали за игрой; агарянин также не произносил ни слова, лишь продолжал насмешливо ухмыляться и таращить на меня свои завораживающе мерцающие буркалы; даже трактирщик Домн и его молодая рабыня подошли к нам и склонились над столом, чтобы удобнее следить за игрой с такими небывалыми ставками.

Увы! Я даже не успел заметить мгновения, когда пояс мой опустел окончательно. Лишь захотев в очередной раз вытрясти из него монеты, я обнаружил, что совершенно проигрался. В ярости бросил я его на пол и, не помня себя, воскликнул:

– Свидетель мне князь мира сего! Клянусь всеми тварями Тартара и готов обречь душу демонам в том, что здесь дело нечисто: тут явно замешано колдовство, и кости у этого мошенника закланы каким-нибудь особенным способом!

Дело в том, что в ходе игры я не раз обращал внимание на подозрительные манеры чужеземца: мне показалось странным, что перед каждым броском тот плевал на кости, потирал их в ладонях и нашёптывал над ними некие похожие на заклинания слова на незнакомом варварском наречии. Вот это и заставило меня высказаться столь опрометчиво.

В ответ агарянин злобно рассмеялся и, поманив к себе трактирщика, что-то негромко тому приказал. Домн Иллириец немедленно удалился, но через мгновение вернулся обратно и высыпал на стол передо мной целую дюжину игральные костей.

– Если молодой игемон сомневается в честности моей игры, – прошипел нечестивый сын пустыни, – он должен доказать это! Прошу тебя, выбери любые из этих костей и испытай своё счастье ещё раз!

Я с раздражением принялся объяснять ему, что не смогу этого сделать, ибо лишился уже всех денег, но аравитянин грозно насупил брови и, схватившись за рукоять заткнутого за пояс большого кинжала, прервал меня:

– Оскорбление было брошено, и клевета должна быть рассеяна! Если у тебя нет больше золота, так я готов принять в качестве ставки произнесённую тобой клятву.

– Что ты разумеешь под клятвой, чужеземец? – поинтересовался Николай Воила, осторожно проверяя перевязь своего меча. – Ты готов вместо денег удовольствоваться честным словом нашего друга?

– О нет! – отвечал тот, вновь ощерив в злобной усмешке зубы. – Я готов удовольствоваться его душой, которую он пообещал обречь демонам!

Некий внезапный холод объял меня от этих слов, и ледяной озноб на мгновение охватил все мои члены, но – видит Бог, сколь омрачен был разум раба Твоего! – внутренне я даже подивился невежеству сего варвара, готового рисковать таким количеством золота за пустые и ничего не значащие, как мне казалось тогда, слова.

– Смотри же, – повторил он, обращаясь ко мне, – твоя клятва против всех денег, что я выиграл у тебя и твоих друзей нынче ночью! Чем не прекрасная ставка?

Товарищи мои безмолвствовали, даже Трифиллий не стал отпускать свои обычные шутки и лишь пожал плечами. Я выбрал наугад две кости из принесённых хозяином фускарии и предложил агарянину первым начать игру. Тот взял их и, не производя уже никаких подозрительных манипуляций и не раскрывая рта, небрежно кинул на стол. Все мы, исключая самого чужеземца, радостно вскрикнули: выпали «гамма» и «дельта». Бросок был явно не самый удачный!

Невольно зажмурившись, бросил и я: выпали «бета» и «эпсилон» – тот же результат! Агарянин вновь лёгким движением выбросил перед собой кости. И опять – «гамма» и «дельта»! Дрожащей рукой сгреб я со стола обе вестницы судьбы и, перемешав, с размаху швырнул на дубовые доски... Излишне говорить, что шестигранники легли неудачно – «альфа» и «бета» – за всю игру у меня не выходило столь несчастливого сочетания!

Я всё ещё как замороженный смотрел на стол, не в силах постигнуть подобного невезения, когда послышался глухой стук и, оглянувшись, я увидел, что молодая рабыня без чувств лежит на полу. Мы все вскочили и бросились к ней; первым подбежал трактирщик, но едва он до неё дотронулся, как девушка забилась в страшных конвульсиях, изгибаясь всем телом и испуская изо рта пену. Через несколько мгновений она столь же неожиданно успокоилась и замерла в каком-то подобии столбняка, словно бы обратившись в безгласный камень. Ступор этот длился также недолго, ибо, как только я наклонился к ней, желая пощупать пульс, губы её разжались и она заговорила, не открывая глаз, голосом хриплым и глухим, неотличимым от зловещего карканья юродивого Тельхина:

– День за днём будет угасать сей несчастный! И стечёт плоть его на землю, как вода, и станет неразличим весь его облик, и разрушатся и распадутся все его сочленения, и кости его осыплются в преисподнюю!

В ужасе отпрянув от склавинки, я осенил себя крестным знаменем, она же сразу успокоилась и через короткое время совершенно пришла в себя, очевидно не помня, что с ней произошло и отчего она лежит на полу.

– И эта припадочная! – вскричал, устало воздевая руки, Петр Трифиллий. – Право, Феофил, ты притягиваешь безумных, словно патока насекомых. Трое за день – по мне, это чересчур! Сначала – бесноватый Тельхин, потом – свихнувшийся последователь Магомета... Кстати, куда делся наш обугленный друг?

Осмотревшись, я увидел, что аравитянин действительно исчез: видимо, поспешил скрыться от греха подальше с выигранным золотом, покуда мы были заняты рабыней. Пропали и двое его молчаливых спутников. Уход их никого особенно не расстроил, кроме трактирщика Домна, который заявил, что негодяи сбежали, не заплатив за выпивку. Мы все подивились подобной скаредности, ибо, обобрав нас до нитки, могли бы они, по крайней мере, рассчитаться с хозяином фускарии.

– Однако мы до сей поры так и не решили наш спор! – внезапно вспомнил Трифиллий. – Вино выпито, деньги проиграны, так что и я, и сиятельный Арсафий с нетерпением ждём вашего приговора.

Видя, что я и Камулиан с Воилой в нерешительности чешем затылки, Арсафий, хлопнув в ладоши, подозвал к себе трактирщика и спросил:

– А что, любезный хозяин, издали ли доставляют тебе виноград для того чудесного напитка, которым ты нас нынче потчевал?

Иллириец не замедлил уверить нас, что каждая гроздь выращена здесь же, во Влахернах, в собственных его виноградниках.

– Вот тебе и решение нашего спора, Трифиллий, – с улыбкой сказал Мономах, – О вине я, действительно, не могу сказать худого слова. Но какое же это фасосское?

* * *

– Эх, обидно, что мы лишились всех денег, – с сожалением сказал Григорий Камулиан, выходя вслед за остальными из дверей фускарии в ночную тьму, – ибо

теперь придётся нам волей-неволей разойтись по домам, не осчастливив своим посещением и любовью ни одну из гетер в Кифи.

– Ну ты-то не потерял ни единого медяка, – успокоил его проексим Воила, – так, может, наскребёшь несколько милиарисиев для себя и друзей?

– Опомнитесь, несчастные! – в притворном ужасе вскричал Арсафий Мономах. – Разве вы не видите, что улицы пустынные, а огни в тавернах погашены? Продолжая бродить по городу в столь неурочный час, мы нарушим установления городского Эпарха! Что если заметит нас ночная стража?

– Друзья мои, утешьтесь, – вступил в разговор неугомонный Трифиллий, – я отведу вас в заведение, в котором у меня открыт неограниченный кредит и где, клянусь мужественностью Приапа, все удовольствия нам доставят в долг! И помните, что с нами проексим Петр Воила – кто осмелится задержать адъютанта доместика гвардейской тагмы экскувитов?

– Не только осмелятся, но и потнут за счастье, – мрачно проговорил Воила. – Ни денег, чтобы откупиться, ни подписанного Никтэпархом пропуска у меня при себе нет, а мой командир – доместик Иоанн Пикридий пребывает в постоянной вражде с главою тагмы арифм и начальником ночной стражи – друнгарием виглы Алексеем Мусулемом, ибо первый держит руку августы, а второй – императора. Так что задержать экскувитора для стражников будет просто делом чести.

– В таком случае и для нас дело чести – надуть копыеносцев виглы! – воскликнул Петр Трифиллий. – А что скажешь на это ты, Феофил? Ведь ты – единый из нас не почтён никаким саном и потому рискуешь больше всех, ибо стражники могут не только упечь тебя до утра в узилище Халки, но и примерно выдрать плетью!

Я несколько рассеяно ответил, что предпочёл бы уединиться в своём доме и поспать.

– Э! Да я вижу ты никак не забудешь чёртова агарянина! – заметил Трифиллий. – Успокойся, любезный Мелиссин, – душа твоя явно осталась при тебе и не попала в лапы демонов. Если, конечно, за таковых не почитать Камулиана, меня и всех остальных. Однако для поднятия духа тебе явно необходима женская ласка. Потому, друзья, решено: следуйте за мной в известную только вашему Трифиллию потаённую обитель Афродиты! Я буду вашим вожатым этой ночью, и да уподоблюсь я покровителю путников Гермесу или благой вестнице богов Ириде, но не мрачному старику Харону!

С этими словами он подхватил под руки меня и Камулиана и живо повлёк куда-то в ему одному известном направлении. Мономах и Воила последовали за нами.

Пройдя кривыми и порядочно грязными переулками где-то между базиликой святого Иоанна и цистерной Бона, мы выбрались наконец на широкую, вымощенную каменными плитами Месу. Однако едва мы миновали руины крепостных ворот старой стены Константина и подошли к мраморным львам, охраняющим пятиглавую громаду храма Святых Апостолов, как услышали тяжёлые шаги и лязг железа. К нам приближались ночные стражники виглы!

– Разбегаемся в разные стороны, друзья! – прошептал Арсафий Мономах. – Пусть каждый скроется в темноте какого-нибудь переулка, тогда проклятым копыеносцам (да выест им глаза проказа и поразит их члены гангрена!) нас не достать!

– Верно! – также шёпотом поддержал его Петр Трифиллий. – А позже встретимся на Мавриановой улице, у Каменных Ворот – именно там и стоит нужный нам притон. До встречи!

И не дожидаясь, пока стража нас увидит, мы все бросились бежать кто куда. Я нырнул под каменное перекрытие ближайшего ко мне портика, затем, стараясь поднимать как можно меньше шума, прокрался вдоль стены какого-то дома и стремглав понёсся по открывшейся за ней узкой улице. Направлялся я на юг, в сторону Ликоса – туда, где находился мой дом, ибо у меня и в мыслях не было являться на встречу к Каменным Воротам – на сегодня приключений с меня было вполне достаточно!

Не помню сколько времени я плутал по кривым проулкам квартала Констанцианы, но только очень нескоро я очутился на небольшой площади, у подножия мраморной Маркиановой колонны, и понял, что каким-то образом пропустил нужную мне Воловью улицу и оказался значительно восточнее, чем следовало. Повернув назад, я взял левее и побежал, как мне казалось, в верном направлении. Миновав некую неузнаваемую в ночной тьме, немощёную и изрытую зловонными ямами улицу, застроенную тесно лепившимися друг к другу высокими, порой в восемь – десять этажей, деревянными и кирпичными строениями, чьи забранные железными решётками окна не оживлялись ни одним огоньком, я вышел к нимфею с безголовой статуей Посейдона. Почувствовав сильную жажду, я напился из нимфея холодной, несколько отдающей затхлостью воды и огляделся. Место, где я оказался, было мне совершенно незнакомо: вокруг теснились узкие фасады доходных домов с высоко поднятыми над землёй и значительно выступающими вперёд террасами; несколько в стороне виднелась церквушка – на её куполе тускло серебрился в лунном свете большой, чуть покосившийся крест.

Куда же я забрёл? Подойдя ближе к церкви и взглядевшись, я с удивлением узнал часовню святейшей Богородицы Мирелеон, где хранится её мироточивый образ, писанный ещё Лукой-евангелистом. Это значило, что я вновь сбился с пути.

Свернув в одну из южных арок между зданиями, я опять окунулся в паутину маленьких улочек, перекрёстков и тупиков, стараясь держаться нужного мне направления. То и дело натыкаясь в темноте на кучи нечистот и гниющих отбросов, пытаюсь не обращать внимания на крадущиеся следом за мной по стенам домов тени и горящие в ночи красным огнём глаза бродячих псов, я на этот раз медленно и осторожно пробирался по хитросплетению мостовых Великого Города.

Ни единой живой души не попадалось мне по пути. Улицы были пустынные и мертвые; кое-где в подворотнях виднелся мерцающий и колеблющийся свет редких фонарей, да изредка ночную тишину нарушал резкий лай собак, звук падающей с ветхих крыш черепицы и какие-то далёкие и глухие вскрики.

Я спустился по довольно широкой каменной лестнице, завершающей очередную улицу, и попал в кривой, как сабля сарацина, проём между зданиями, который мне был слишком хорошо известен, – это был крытый переулок Вона – место, куда даже днём не проникал ни единый луч солнца, место, где я не раз вкушал радости продажной любви. В тесных коморках его домов, почерневших от копоти постоянно горящих светильников, ютились только жрицы порока и профессиональные нищие.

Однако переулок этот был ещё дальше от моего дома, нежели площадь Маркиана и часовня Мирелеон, ибо, разветвляясь надвое, подобно букве «юпсилон»,

он одним своим рукавом выходил на Филадельфий близ форума Тавра, а вторым – на зловещий Амастрианский форум, место публичных казней.

Устав кружить в ночи, я вошёл под его мрачные, озарённые красноватыми бликами висящих почти у каждой двери фонарей своды, и побрёл в сторону Месы. Вокруг меня беспорядочно метались причудливые дрожащие тени, воздух был напитан зловонными испарениями, а слух оскорбляли доносящиеся из распахнутых окон звуки: чей-то хриплый смех, стоны поддельной страсти и пьяная брань. Впервые попав сюда ночью, я решил, что именно так наверняка и должен выглядеть Тартар.

Выйдя наконец на гранитные плиты Филадельфия, я невольно остановился, с особенным удовольствием, после смрадной духоты переулка Вона, вдыхая набегающий со стороны Золотого Рога лёгкий свежий ветерок и разглядывая залитый неверным лунным светом город.

Справа от меня мерцали купола храмов монастыря Христа Непостижимого и смутно чернел силуэт триумфальных ворот, знаменующих былую военную славу империи ромеев. Дальше, за воротами, простирался сейчас для меня невидимый, величественный и самый большой в городе форум Тавра, украшенный конными статуями императора Феодосия Великого и сыновей его – Аркадия и Гонория, некогда поделивших между собой восточную и западную части ромейской державы. Прямо передо мной высились сумрачные профили огромных арок главного из акведуков Константинополя – водопровода императора Валента, забирающего прохладную живительную влагу с предгорий Фракии, чтобы доставить её в мраморный нимфей форума Тавра. Всё это был Месомфал – средостение Великого Города.

Слева, где на Филадельфии теснились многочисленные эргастии мирозаров, лавки парфюмеров и дрогистов, а ночной воздух был напоён густой смесью ароматов амбры, мускуса, алоэ, нарда, киннамона, бальзама и ладана, виднелся вход на Амастрианский форум.

После некоторого раздумья я повернул именно туда. Когда бы я направился к Тавру, то с площади мог бы попасть как раз на Маврианову улицу и, пройдя мимо усыпальницы великомученика Фирса, выйти к Каменным Воротам, где уговорились встретиться мои друзья. Однако я уже решил не являться на эту встречу и желал только одного – поскорее добраться домой.

Я помнил, что где-то в левой части Амастриана начинается та самая Воловья улица, которая должна была вывести меня к долине Ликоса, поэтому решительно зашагал к форуму.

* * *

Пройдя через тёмный проем арки императора Ираклия, я ступил на мощённую цветным мрамором прямоугольную площадь. Она была совершенно безлюдна и вся облита бледно-голубыми, словно расплавленное серебро, лучами ночного светила. Пока я шёл к центру форума, гулкое эхо моих шагов, отразившись от его мраморной оправы, вспугнуло целую стаю нетопырей, которые вылетели из под высоких каменных сводов и бесшумными чёрными молниями заметались над головами статуй и между причудливыми капителями колонн и пилястр, заставив меня невольно вскрикнуть от страха и неожиданности.

Форум по всему периметру был обрамлён сплошной стеной беломраморных портиков, колоннад и галерей, украшенных поверху бесчисленными языческими изваяниями, которые многие поколения автократов и василевсов ромеев усердно собирали со всех пределов империи: из городов и храмов Италии, Азии, Элады и Африки. Множество самых разных идолов теснилось и на самой площади, крупнейший из которых – всевидящий Гелиос в сверкающем венце – управлял квадригой вздыбивших копыта коней. На золотой колеснице, запряжённой львами, с зубчатой подобно башне короной на голове, в окружении безумствующих корибантов и куретов мчалась мраморная Рея-Кибела – Великая Идейская мать богов или двуполоя Агдитис, требующая от неопитов принесения ей в жертву собственной мужественности. Тут же рядом высились постаменты странных божеств Египта: псоголового Анубиса, вставшего на задние лапы, внушающего ужас крокодила-Себека, некогда чтимого в Саисе, таинственного Сераписа Птолемея и двурогой Исиды с младенцем Гором на руках, оплакивающей своего мужа и брата, вечно умирающего и воскресающего Осириса. Распростёртый на земле агонизирующий Геракл соседствовал с целым выводком злобных крылатых гарпий, чьи имена – Аэлла, Подарга, Аэллопа, Окипета и Келайно – указывали на происхождение их от стихий Мрака и Хаоса; Минотавр Астерий – ужасный плод противоестественной связи Пасифаи и быка – горделиво являл свои нечеловеческие стати, а по углам форума, на усечённых пирамидах из чёрного обсидиана свисали кольца четыре бронзовых дракона с раскрытыми в беззвучном рыке пастьями. Это были: чудовищный Дельфиний – страж древнего прорицалища Фемиды, многоглавый Тифон – исчадие Геи и Тартара, обвинившийся вкруг древа с золотыми яблоками Ладон и, наконец, порождение Ехидны и сестра Сфинкса – устрашающая крылатая Химера с головами льва, змея и козла.

Я остановился в центре площади около фиалы, сотворенной неизвестным мастером в виде гигантского мраморного змея Урабороса, кусающего собственный хвост, и стал высматривать проход на Волвью улицу, но не мог заметить ни малейшего просвета среди зданий. Решив, что во всём виновата ночь, скрадывающая привычные очертания предметов, я принялся вглядываться внимательнее. Тщетно! Необходимо было покинуть освещённый луной участок форума и обследовать расположенные слева портики, однако что-то препятствовало мне двинуться с места и заняться поисками. Некий внутренний голос настойчиво предостерегал меня от этого шага: всей душой я внезапно ощутил неясную, но от этого не менее реальную опасность, таящуюся в недрах сгустившейся под мраморными сводами темноты... Между тем, в это самое мгновение странный шелестящий звук коснулся моего слуха. Казалось, тысячи каких-то маленьких существ шуршат там, в этих сумрачных обителях древних божеств! И хотя я совершенно никого не видел, но страх подобно скользкой гадюке уже заполз и поселился в моём сердце.

Боже! Боже! Как передать словами охватившие меня тогда чувства? Слово чья-то ледяная рука вдруг сжала мне горло – дыхание моё стало прерываться, члены отказывались слушаться, а воля – повиноваться разуму.

Странный шелест усиливался и становился похож на тихий глухой ропот морских волн, набегающих на пологий берег. Одновременно мне стало казаться, что тьма, клубящаяся под аркадами, массивными перекрытиями сводов и архитравами порталов, в глубине колоннад и галерей, покидает свои убежища и медленно, но неотвратно вытекает на цветистый мрамор форума, подобно невиданному чёрному туману пожирая бледное серебро лунного света.

Обливаясь холодным потом, я замечал, как кольцо мрака, ползущего из своих прежних укрывищ, всё более сужается, захватывая новые и новые оргии Амастриана. Позы окружающих меня идолов неуловимо менялись: головы божеств, демонов и чудовищ поворачивались ко мне, я чувствовал давящий взгляд их пустых глазниц! Крылья грифонов, гарпий и пышногрудых сирен слегка трепетали, драконы и василиски извивали свои змеиные тулова, и угольно-чёрные языки тьмы струились у их подножий!

Стремясь избавиться от ужасного наваждения, я плеснул себе в лицо водой из фиалы, но и прохладная влага не доставила мне облегчения и не рассеяла обступающих меня призраков. Прежний шелестящий звук стал походить на злобный шёпот тысячи невидимых уст, мне чудились тихие зловещие голоса, повторяющие: «Он наш! Он проклят! Стечёт плоть его на землю, как вода, и станет неразличим весь его облик, и неприкаянный дух его будет вечно бродить по сумрачным стогнам Аида!»

Вот словно глухой жалобный стон или вздох родился где-то в самой глубине ночи и пронёсся над площадью, и тотчас следом – протяжный собачий вой, тихий безумный смех и горький безутешный плач слышались со всех сторон, потрясая остатки моего рассудка.

Не смея шевельнуть ни одним членом, я стоял в полной оцепенении и наблюдал, как некая внушающая безотчетный ужас высокая женская фигура в ниспадающих до самой земли и, словно бы струящихся, длинных траурных одеждах выступила из тени и стала медленно приближаться ко мне. В высоко поднятой правой руке тёмным огнем пылал смоляной факел, и змеи с мерзким шипением дыбились над головою её, подобно гигантским могильным червям клубясь и извиваясь в распущенных седых волосах. Как не узнать было сего морока: богиня мрака, призрачных видений и злобного чародейства – порождение Хтоноса, ночная охотница Геката, которую латиняне именовали Тривией – демоном трёх дорог, поклоняясь её кумирам на распутьях, перекрёстках и среди могил, явилась моему взору в окружении своры чёрных псов с горящими кровавым огнём глазами! Две её неизменные спутницы – Ата и Мания, божества помрачённого разума и дикого безумия – с тихим смехом следовали за ней по пятам, и бесчисленный рой похищенных ими заблудших душ, похожих на нетопырей и ночных мотыльков, с жалобным писком и пугающим шелестом мириад крыльев кружил над их головами, образуя подобие уходящего в беспредельную вышину чёрного вихря.

Я ощущал, как душа моя вместе с дыханием стремится покинуть тело и слиться с этим бесконечным вихрем, как всё моё существо жаждет сладостного забвения и покоя, даруемого безумием! Воля к жизни истекала из меня подобно жидкой влаге из усыхающего источника Гиппокрены, рвались невидимые нити, связующие мою бесметную сущность с брэнной плотью, а в голове неумолчно звучал тихий вкрадчивый голос коварной Гекаты:

– Радуйся, смертный! Час твой пришёл, и ныне тебя поведу я в глубины Эреба! Путь наш лежит мимо смрадных устьев Аверна, через глубокие воды Эвнои и Леты, в коих утонет несчастная память грехов и скорбей, что гнетут тебя долу. И мирское, и тварное – всё без следа расточится в хладе Коцита и пламени жгучем Пирифлегетона. Там, в царстве бесплотных теней, в пустынной обители Дита, где недвижимы мутные омуты и Ахеронта и Стикса, ждёт нас начало пути во владения мудрого Орка и дальше, мимо Стигийских болот, где навсегда ты оставишь и скорбь, и грызущие сердце заботы, прямо к лугам Асфоделя, к блаженным

полям Елисейским! Радуйся, смертный! Ибо навек позабудешь ты страх, нищету, и позор, и невзгоды. Муки и тягостный труд не будут страшить тебя боле. Голод, болезнь и унылая старость уже до тебя не коснутся! Танатос-Смерть и брат его Сон на том обитают пороге, станут они навевать на тебя сонм сновидений приятных, коли ты верно будешь служить владыке Гадеса – Плутону!

Жалобный щебет myriad исторгнутых душ и радостный смех безумных божеств вторили словам Ночной охотницы. Чёрные псы, с кровавыми угольями вместо глаз, дыбили шерсть на горбатых загрявках, щерили хищные пасти, истекая тягучей ядовитой слюною. Словно замороженный недвижимо стоял я, не умея отвести взгляд от зловещей хтонии. Лик её был тёмный, и только глаза, в которых плескалось ненасытное пламя Аида, подобно двум ярким светильникам пылали в лунном сумраке, впиваясь в мой разум, гася сознание...

Неожиданно страшное видение задрожало и стало меркнуть – шумные радостные возгласы: «Вахх! Эвое!» раздалась с противоположной стороны форума! Стягивающие меня пути мгновенно исчезли и, обернувшись, узрел я прекрасного обнажённого юношу, высокое чело которого было увито листьями винограда, а в руках сиял серебряный кратер.

Весёлая толпа менад и бассарид, одетых в шкуры пятнистых оленей, подпопсаных задушенными гадами, с длинными спутанными волосами, потрясая увитыми плющом фаллообразными тирсами, в оргиастическом восторге следовала за ним. Это они столь шумно славили своё божество – плодоносящего и любвеобильного Диониса-Загрея, а непристойно льнувшие к ним козлоногие сатиры и безобразно возбуждённые рогатые силены подвывали своим подружкам хриплыми пьяными голосами, потягивая вино из кожаных мехов.

И вновь услышал я обращённые ко мне слова, и лились они подобно елею и меду:

– Сын человеческий, не слушай коварной Гекаты! Счастья себе не добудешь, спустившись в безвидный ты Тартар. Медной стеной огорожена мрачная пропасть Аида, трижды её окружила своим покрывалом из тьмы порождение Хаоса – Никта. Нет, не покой и забвенье найдешь там, но горе и муки! Мерзкий Харон и ужасные дочери Стикса – Зависть, и Ревность, и Ненависть в той глубине обитают. Цербер трехглавый и боль приносящие Керы рвать станут тонкий эфир твоей стонущей в трепете тени. Страшная видом Мегера и орудье Гекаты – Эмпуза высосут кровь твоих жил и обглаживать примутся кости. Прочие твари Эреба – несытая Ламия, Граи – выедят чрево твоё и пожрут твои сердце и печень! Сын человеческий, не слушай коварной Гекаты! Знай, что скорей обретёшь ты забвенье, забудешь земные заботы, коли ко мне ты пристанешь, к моей вечно радостной свите. Чествуй меня возлияньями влаги пьянящей: соком лозы виноградной и семенем, данным богами, мой окропляй ты алтарь, ведь иной я не требую жертвы! Мигом умчатся тревоги, рассеются мрачные мысли – все сокрушает оковы дарованный мною напиток!

Радостным смехом и возгласами веселья приветствовали слова Диониса его козлоногие и рогатые спутники, а полуобнаженные менады и бассариды в едином восторженном порыве взметнули ввысь увитые плющом тирсы и вновь вскричали в блаженном экстазе: «Эван! Эвое!»

Живительное тепло разлилось по моим жилам и возбуждение распространилось по всем членам, в некоем забытии протянул я руки к пленительным призракам... Но что это? Образ юного прекрасного бога стал неожиданно таять,

черты его как-то расплылись и обрюзгли, прекрасные волосы поредели, стройные члены искривились – и вот предо мной уже не юноша, но грузный старик с огромным выпирающим чревом, покрасневшим носом и слезящимися глазками, который едва стоит на дрожащих и заплетающихся ногах! Верная свита, издавая горестные вопли, подхватила под руки своего поблекшего кумира и повлекла его назад, в спасительную тень забвения. Но мрак ещё не успел окончательно скрыть эту ужасную метаморфозу, как уже иное видение предстало моему взору.

Одинокая величавая фигура появилась в круге лунного света и, когда она приблизилась, я увидел, что это молодой муж: был он безбород и светел ликом, сияние же очей его казалось подобным сиянию вечерней звезды. Гордо простерши ко мне руку, он заговорил:

– Оставь позабытых богов! Их храмы давно опустели, и не дымятся кровию жертв алтари в них, не слышится пение мудрых фламинов и юных весталок, салии в плясках не славят Квирина и мощного Марса, авгуры уж не следят за полетами птиц, всё кануло в Лету! Знай, благочестье не в том, что, в смиреннии ниц повергаясь, молишь униженно в храмах Творца ты, иль нижешь обет на обеты. Но в созерцанье всего при полном спокойствии духа. Если как следует это поймешь, то природа иною сразу предстанет тебе, лишённой хозяев надменных. Руку лишь мне протяни, и весь мир обретёшь во владенье: дам тебе то я, что боле никто дать не в силах – власть и свободу! Собственной воле ты будешь обязан всему и, конечно же, дружбе со мною. Что же касается платы... это потом мы обсудим...

Отступив в страхе и недоумении, но исполненный сладкой отравой соблазна, я мысленно спросил сего духа, как имя его? И услышал в ответ:

– Много имен у меня: Саммаэль, и Решев, и Нергал, и Хелен бен-сахар и Пазузу... Греки когда-то Геспером меня величали, римляне чтили меня как звезду, что сияет всех ярче... Я – Люцифер! Я – Князь мира сего и владыка Шеола! Руку скорей протяни и заключим союз наш с тобою...

И ум мой пришёл в смятение, ибо был я всего лишь человек и не чувствовал достаточной силы в сердце ответить подобно Ему: «Отойди от меня!», и велико было искушение, и взалкала гордыня моя земного величия, и зрил я уже все царства мира и всю славу их у своих ног, и мнил я себя подобным барсу, медведю и льву, и на голове моей уже сверкали десять диадем...

Вдруг гулкий удар потряс эфир и низкий протяжный звук повис над городом – это проснулось медное било – симандра Святой Софии! И тотчас симандры сотен прочих храмов, базилик и часовен богохранимой столицы откликнулись и стали вторить ему радостным перезвоном, призывая православных и приветствуя первые лучи солнца, блеснувшие на востоке. Сливаясь в единый торжествующий хор, неслись звоны из церквей святой Анны и мученицы Зои в Девтероне, храмов во имя святых Иоанна, Николая и Георгия в Кикловии, мучеников Платона, Мокия, Агафоника, Фирса и Феклы – из разных концов города, дворцовых базилик Петра и Павла, Сергия и Вакха, часовен святого Лазаря и святого Марка, и многих, многих других. А следом, немедля, с пронзительным криком, вспыхнув как пук соломы, в дыму и пламени исчез Люцифер, сгинул древний змий, называемый Дьяволом и Сатаной и обольщающий всю Вселенную!

Я же, осенив себя крестным знаменем, без сил опустился на мраморные плиты проклятого Амастрианского форума.

(Окончание следует.)

Алена
ЛОБЫНЦЕВА

СТИХИ

* * *

Склонилась яблоня под тяжестью плодов.
Сосед Сергей Василич Иванов
Несёт улов, не торопясь, к обеду.
Два пескаря и снулый окушок.
Ему сегодня очень хорошо,
Не окушку, конечно, а соседу.

Ведь он-то, знамо дело, не дурак,
Ещё с утра успел сгонять в сельмаг
Тайком от добродетельной супруги.
Затем совсем расслабился, обмяк...
И кажется, вот-вот на землю шмяк,
Но ангелы берут его под руки.

Для этих дел у них есть спецотряд.
И вот они с Василичем парят
Над кукурузным полем, над отарой
Овечек на ромашковых лугах
И, обгоняя легкокрылых птах,
Слегка гремят в пакете стеклотарой.

Василича на чём весь свет стоит
В три этажа супруга костерит:
«Скотина, прощельга, прокашака!
Опять набрался, господи, прости!»
С душистою малиною в горсти
Бежит внучок. И твякает собака.

А с неба умиляется Господь,
Он всё уже давно продумал вплоть
До каждой невесомой водомерки.
Нальются яблоки, размножится плотва,
Жена отыщет нежные слова
И вынет опохмел из шифоньерки.

* * *

Глаза закрою на минуточку
Да отмотаю промежуточки,
И детство босое уж туточки
Смеётся мне беззубым ртом,

• **Алёна Лобынцева** родилась в деревне Воробьёвка Курской области (усадьба А. А. Фета). В 2013 г. окончила Литературный институт им. Горького, семинар поэзии Евгения Рейна. Живёт в Москве. Работает преподавателем русского языка и литературы.

Где нас подарками не балуют,
Где штандер-вандер с вышибалою
И круглый мяч летит, не падает,
Кружится в небе голубом...

Где все мы девочки и мальчики,
Где лопухи и одуванчики,
Где в чехарду играют зайчики
С утра на каменной стене...

Где с молоком на завтрак пряники,
И босиком в штанишках драненьких
Бежим на пруд купаться раненько,
Чтоб до мурашек по спине...

Там, где «Дисней» идёт по телику,
И в мыслях убежать в Америку
Или опять гонять на велике
До одуренья целый день...

Где годы самые-пресамые,
Где молодые папа с мамою,
И пахнет за оконной рамою
Ещё не срублена сирень.

ВОРОБЬЁВКА

Не отличаюсь редким постоянством,
У времени иду на поводу,
Ищу по жизни личное пространство,
Но очень сомневаюсь, что найду.

А домом называю Воробьёвку,
Заросшую крапивой до ушей.
Её, как в стужу тёплую поддёвку,
Храню поближе к мёрзнущей душе.

И каждый раз с надеждой обещаю:
Приеду и возьму на карандаш
Тот чернозёмно-глиняно-песчаный
Не выцветший от времени пейзаж...

Всё те же куры, гуси да коровы,
Да на току воркует стая голубей...
Ну разве что, сарай поставил новый
Сосед Андрюшка Аджубей.

В ШАХМАТОВО

Меня никак не отпускает
Тот ясный и морозный день.
Столовым серебром сверкает
Заиндевелая сирень.
Тут с башенкою домик серый,
Лишь разноцветное стекло,
Все сундуки и шифоньеры
Хранят семейное тепло.
Они нам рассказать могли бы,
Слегка потупив взгляды в пол,
Как тут раскидистые липы
Бросали тень на круглый стол,
Как ждали с мальчиком коляску
Все придорожные кусты,
Как шила флаг американский
Бабуля, вынув лоскуты
Для заводных забав ребячьих,
Как дула бережно на пальчик,
В сраженьях раненный морских,
И детский вписывала стих
В альбом литературный дачный...

Ну а теперь здесь тихо, пусто,
Кругом метели намели.
Лишь воробьи уселись густо
Под теплой крышею в щели,
Теперь к музейным экспонатам
Приходят школьники гурьбой,
Спит на крылечке пёс мохнатый,
Наследник Блока по прямой...

* * *

У Пушкина лежат игрушки,
Лампадки гаснут на ветру,
Пришибленные побирушки
Бодяжат водку поутру.

– Давай-ка, мать, с тобой помянем
Сгоревших заживо детей.
– Ну, будем живы, россияне,
Дождемся лучших новостей.

А люди долгой вереницей
Гвоздики красные несут,
Приходят молча помолиться,
Про Высший вспоминают суд.

И Пушкин в пёстром антураже
Из мягких мишек и лисят
Стоит растерянный и даже
Как будто в чём-то виноват.

Ты был у нас за всё в ответе
От Байконура до ЖИ-ШИ,
Как дальше жить на этом свете,
Друг человечества, скажи.

* * *

В день моего рожденья выпал снег,
Он укрывал деревья и машины...
Шёл снег. А белый-белый человек
Омыл меня водою из кувшина,
Всю рассмотрел и завернул в лоскут
Невзрачной бледно-розовой фланели.
Всего каких-то несколько секунд
Мы друг на друга пристально глядели.
Он был большой и всё на свете мог,
В глазах его была видна усталость,
А может быть, любовь, и мне казалось,
Что это был не человек, а Бог.

В то утро ещё двое родились
На чьё-то счастье, девочка и мальчик.
Неслышно снег ложился на карниз,
И вился пар от батарей горячих,
За окнами стучали поезда
(Роддом недалеко был от вокзала),
Над нами, будто синяя звезда,
Единственная лампочка сияла.

Так много лет прошло, но тот же снег
Опять идёт и день всё так же светел,
А был ли, нет, тот самый человек,
Не знаю, да и кто теперь ответит...
Я вглядываюсь снова в снегопад,
Взволнована очередной зимою,
В который раз ищу тот первый взгляд,
Как будто связь меж небом и землею.

Марина
РЯБОЧЕНКО

ГОРОД, В КОТОРОМ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Путевые заметки

Ялетела во Владивосток, совершенно не предполагая, что меня там ждёт, каким будет этот город на далёком и незнакомом для меня Дальнем Востоке. При словах «Дальний Восток» я представляла что-то могучее, дикое, холодное...

А город сразу окутал меня теплом бархатного сезона – Владивосток расположен на широте Сочи, Сухуми, Ниццы... Сентябрь здесь – лучший месяц, с солнцем, пышной зеленью, без дождей. Владивосток обаял, влюбил в себя сразу и навсегда. И блеском моря, которое видно с любой точки города, и своими роскошными мостами – изящными, строгими, лёгкими... И обилием зелени, и уютом извилистых улочек: ни одна не лежит перед пешеходом прямо, ровно, каждая то карабкается вверх, то падает вниз... Прогулка по Владивостоку не может быть вальяжной, расслабленной, это всегда фитнес на свежем воздухе, это всегда лёгкий экстрим! Владивосток восхищает, покоряет и становится родным, «своим» городом с первого взгляда, с первого шага по его земле!

Попала я сюда благодаря моему племяннику Антону Кротову – известному путешественнику, побывавшему в более чем 100 странах мира и написавшему 50 книг о нашей прекрасной земле. Вот уже много лет он организует Дома для всех в разных точках планеты. Были у него Дома в Красноярске, Севастополе, Душанбе, Стамбуле, под Мурманском, в Германии, в Марокко... Обычный «сезон» такого дома – от двух до трёх месяцев. И в это время любой человек, путешествующий по земле и оказавшийся в этих краях, может найти приют и кров в Доме для всех.

Собираясь в поездку, я заранее составила список достопримечательностей и интересных мест. На трёх страницах распечатала адреса исторических памятников, музеев, театров, картинных галерей... Но ни по одному из этих адресов я так и не пошла, а посвятила всё время пешим прогулкам, неспешному созерцанию каждого понравившегося дома, дерева, открывавшегося вида... Порой, застывшая посреди дороги, я становилась помехой для местных

• **Марина Рябоченко** окончила Московский полиграфический институт. Журналист. Член Российского союза профессиональных литераторов. Публикации в журналах «Изящная словесность», «Смена», «Южная звезда». Автор четырех книг («Ридеро», 2017, электронный формат). Живёт в Москве.

жителей. Тротуары Владивостока благодаря фантазийности рельефа чрезвычайно узки, по ним может идти только пара, тесно прижавшись плечами. Многие улицы и вовсе снабжены только одним тротуаром с одной стороны улицы.

Центральные улицы Владивостока прекрасны гармоничностью своего архитектурного ансамбля, уютом сквериков и палисадников. Как и в любом уважающем себя городе, здесь есть свой «Арбат» – пешеходная улица Адмирала Фокина. По обе стороны – двухэтажные особнячки начала прошлого века. Когда-то это были жилые дома, сейчас сплошь магазины сувениров и бутики. А между «Арбатом», Пограничной и Семёновской, в самом центре Владивостока, до сих пор живет и процветает Миллионка, некогда квартал борделей, игорных домов и опиекурлен. В начале прошлого века этот район был городом в городе и жил своей таинственной, пугающей честных граждан жизнью. Много изменилось за сто лет. Но Миллионка жива и поныне. Только сегодня в её старых, красного кирпича домах расположились книжные магазины, отели, кафе... Да и просто здесь живут люди. Сушится на верёвках, растянутых между домами, бельё, стоят у подъездов детские коляски, спят на верандах пригретые солнцем коты, а из почтовых ящиков торчит корреспонденция. Сегодня Миллионка не пугает, а очаровывает тишиной и уютом давно забытой жизни, жизни, сохранившейся только в этих бесхитростных дворах, на задворках нового времени, нового века...

Нигде прежде я не встречала такого тесного соседства нищеты и роскоши. Такой близости жизни старой и новой. Ультрасовременные жилые комплексы возводятся вприлипку к стареньким, вросшим по окна в землю бревенчатым домикам. Эти домики порой окружены низенькими заборами. По ту сторону забора крошечная избушка, небольшой палисадник с цветами и огурцами, по эту – колонка и современное авто. Владивосток – город машин. Здесь на 600 жителей приходится 400 автомобилей – больше, чем в Москве и Питере!

Владивосток активно, бурно строится. И в центре, и на окраинах. Куда ни кинешь взгляд, растут, рвутся в небо великаны из стекла и бетона. Стоят здесь быстро, споро. Во всяком случае, новый храм на центральной площади, можно сказать, возводился на глазах. В день моего приезда он стоял в лесах, без маковок. Искрящиеся, спорящие с блеском солнца купола ждали своего часа рядом на помосте. Через пять дней все пять куполов и уже с крестами увенчали собор, и с этого дня, они, как и море, будут видны с любой точки города.

Конечно, моей сладкой мечтой было увидеть Японское море, эту частицу Тихого океана. Познакомиться, узнать, каков он? Два раза я побывала на Токаревском маяке на мысе Эгершельд. Это один из самых старых дальневосточных маяков, ведет свою историю с конца XIX века. Когда-то с мысом его соединял деревянный мост, сейчас от моста остались лишь сваи, а добраться до маяка можно по искусственной насыпи из гальки и камней. Во время прилива узкая дорожка полностью заливается морем, и пропутешествовать туда и обратно можно лишь скинув башмаки. А перед маяком текут воды пролива Босфор Восточный! В этом месте пролив узок. Всего каких-то шестьсот метров разделяют маяк и берега острова Русский. Именно здесь я и искупалась, но переплыть пролив даже не подумала – уж слишком часто курсируют морские суда в этом месте, да и вода, несмотря на бархатный сезон, была бодрящей. Что поразило сразу, так это цвет воды – светло-коричневый, горчичный. При удивительной прозрачности

и чистоте. Может, виной тому цвет камней, которые устилают дно? Но и на горизонте, там, где море сливается с небом, вода того же горчичного цвета, и грань между двумя стихиями благодаря этому четкая, ясно различимая. А Тихий океан и впрямь оказался тихим! Удивительным покоем дышало море, ни одна волна за восемь дней не потревожила его просторы!

Особо хочется рассказать о полуострове Чуркин и о своём житье-бытье на нём. Именно здесь находился Дом для всех, в котором я прожила восемь дней.

Полуостров Чуркин отрезан от «большой земли» Владивостока бухтой Золотой Рог и всегда считался районом непрезентабельным, отстойным. Пока не было моста, добираться сюда приходилось долго, тягостно – нужно было долго ехать на автобусе, огибая бухту и петляя по улицам полуострова. А если учесть, что во Владивостоке автобусы отправляются на покой в девять – полдесятого вечера, то легко понять, что Чуркин воспринимался далёкой окраиной.

Сейчас путь на Чуркин стал быстр и прост благодаря мосту Золотой Рог, который, как туго натянутая струна, соединяет два берега одноимённой бухты, который, подобно двум гигантским арфам, парит над водой, торговыми и военными судами, лодчонками и яхтами, грузовыми кранами... В скором времени, а может уже и сейчас, земля на Чуркине будет на вес золота. Ну а пока бывшая окраина облагораживается точно. Новенькие многоэтажные башни словно прижимают к земле, приминают низкорослые постройки середины прошлого века.

В одном из таких домов и разместился Дом для всех. Трёхэтажный каменный прямоугольник довоенной постройки. На два подъезда десять квартир. Обшарпанные стены фасада, давно не видевшие хоть какого-то ремонта подъезды с мутными от грязи окнами. Но в каждом окне стеклопакет, каждая квартира начинается с новенькой металлической двери... Здесь не ждут сноса, а собираются жить ещё долго и счастливо! «Наша» квартира – просторное жильё в три комнаты. Большие окна, деревянные полы, высокие потолки и... печка. Да, этот дом был построен в те годы, когда центральное отопление было роскошью, газ на кухне и канализация – тоже. В квартирах по сей день ни туалета, ни ванны, ни кухни в прямом смысле этого слова. Туалет-очко примостился на пригорке перед домом, перед туалетом – дровяной сарай. За водой нужно ходить к колонке, которая, к счастью, совсем рядом.

Надо сказать, что жизнь в Доме, несмотря на отсутствие привычных благ, была комфортна. Да, в туалет нужно было бегать «на гору», как это называется у жильцов дома. А вот за водой мы на колонку не ходили. Буквально за пару месяцев до моего прилёта, уже в бытность Дома, жильцы квартир скинулись и в доме стали делать канализацию. Она, правда, пока в зачаточном состоянии. Например, в «нашей» квартире под ванную была переоборудована маленькая клетушка-подсобка. Около окна поставили небольшую ванну. Вода – и только холодная вода – лилась из крана, но вот слива не было. Поэтому под новенькой ванной стоял большой таз. Во время помывки можно было израсходовать 5–7 литров и ни капель больше, иначе мыльные воды переливались на пол, а потом на соседей снизу. Да и мытье посуды проходило по похожему сценарию. Над раковиной, которую приделали в самой большой комнате, повесили огромный таз-ёмкость с краном. Вода в этот таз наливалась из бутылей, которые заполнялись в ванной. Из раковины труба опускалась в большое ведро. Помои выносились на

улицу. Ещё раньше хозяйка квартиры поставила электрические батареи во всех комнатах. Но обогреваться таким образом оказалось накладно. Зимой, в морозы тут будут жарко топить печку...

Я заранее знала, что столкнусь с такой «экзотикой». И всё-таки в первый день испытала небольшой шок.

– Как же неудобно всё-таки без воды! – воскликнула я, намереваясь помыть посуду и плохо пока понимая тонкости этого процесса.

– Как это без воды, Маришка! Да воды сколько угодно! – оптимистично, весело ответил Антон, показав рукой на баллоны с водой у моих ног. – Мой свою посуду, только следи за сливом... Половина мира живет в гораздо худших условиях!

Мне кажется, что я даже покраснела, до того стало неловко – я ведь не раз читала об этом в книгах Антона.

Рядом с нашим Калинина 165 стоит Калинина 167. Дом двухэтажный, первый этаж каменный, второй дощатый. В этом доме нет подъездов. С обоих торцов заходят в квартиры через открытые веранды. Днем на верёвках, протянутых от крыши веранды до ближайшего фонарного столба, сушится постельное белье, панталоны и рубашки взрослого и детского назначения. Бегают вокруг дома трое весёлых ребятишек, две сестрёнки скандалят около колонки, кто будет набирать воду в ведро, а девочка-подросток в белоснежной футболке и модных шортиках заводит в дом белоснежного лохматого пса. По вечерам в этом доме ярко горят окна. За молочным тюлем занавесок видны цветы на подоконниках, угадываются в недрах комнат и полки с книгами, и модные шкафы с кухонной утварью. Как тепло, уютно, чисто живут люди в этом выдавшем виды строении!

А через десять шагов, на пригорке – типичная многоподъездная девятиэтажка с цветниками под окнами, детской площадкой новейшего образца. За этой современностью опять тянется вереница каменных чудо-домов начала прошлого века, за ними – супер-отель с автостоянкой, танцполом и яркими фонариками на деревьях, а перед отелем, через узкую проезжую часть – крошечные, кажется, чуть выше человеческого роста, избы, друг за дружкой спускающиеся к заливу. Ясный свет из окошек слабо освещает узкую и крутую лестницу со ступенями, ведущую к порту.

Как же быстро я привыкла к Чуркину, как скоро он стал мне родным! Уже через день я могла бродить по нему без карты, знала все магазины в округе, ориентировалась в маршрутах автобусов и даже самостоятельно взобралась на Бурачок, сопку, с которой открывается потрясающая, волшебная по своей красоте панорама всего города!

А ещё быстрее я привыкла спать в спальнике на жёстком помосте, заменяющем кровать, в тесном соседстве с обитателями дома. После пеших прогулок и обильных впечатлений спится сладко, крепко... Первые три дня в комнате, куда меня заселили, было тесновато. Рядом со мной на двухместном настиле спал Лелик, белорус-железнодорожник и заядлый путешественник, рядом с настилом, на полу, девушка – начинающая автостопщица, рядом с ней – молодой человек. Его голова и торс спали в комнате, а ноги в прихожей – скромный метраж не позволял юноше втиснуться в комнату целиком. Затем мои соседи потопали-поехали с огромными рюкзаками по своим маршрутам, но зато прилетела моя сестра,

писатель Мария Романушко, мама Антона. И нам, как почётным родственницам, выделили всю комнату целиком.

Нашушкавшись вдоволь о разном, мы в 24.00 выключали свет – в Доме это время всеобщего отбоя – и очень быстро засыпали. Сладостно было вдыхать свежий воздух с моря, который приходил к нам в открытое окно, слушать, как вздыхает, кряхтит, гудит совсем рядом вечный работяга-порт.

Но однажды покой ночи был нарушен яростной ссорой собак, которых в округе немало. Собаки явно что-то делили, о чём-то жёстко спорили, их голоса были злыми, надрывными... Как же хотелось узнать, какие страсти кипят в собачьем сообществе! О чём беспокоятся? Что не могут поделить? Как разрешат они свой отчаянный спор? И засыпая, я по-детски сожалела о том, что люди не понимают языка животных. Утром проснулась рано из-за ссоры – уже человеческой и предельно понятной.

– Я в десять вечера буду выключать свет в подъезде, почему я должна платить за электричество? – возмущался старушечий голос.

– Ни х... ты не будешь выключать! Ты не платишь за это электричество! А людям, может, на гору сходить нужно. Как они будут ходить? – увещевал спокойно, без злости мужской.

– А я тебе говорю, что не хочу платить за электричество!

– А я тебе говорю, что ты за него не платишь! Ты только за свою квартиру платишь! Поняла?

– Поняла!

– Да ни х.. ты не поняла! – миролюбиво заключил мужчина.

Ссорились сын и мать, живущие на первом этаже. Мать – бабулька лет восьмидесяти с небольшим потеряла память. В один день она смотрела на тебя пустыми глазами и не отвечала на приветствия, а в другой могла очень разумно сказать:

– Вот носки на верёвке уже который день сохнут. Может, кто из ваших забыл?

Каждое утро она выходила на двор и начинала полоскать в ведре какие-то тряпки, обрывала цветы в узеньком палисаднике и бросала их тут же, себе под ноги. Её сын, мужчина лет за пятьдесят, родился и вырос в этом доме. Военный, уже на пенсии, он часто сидел на лавочке у подъезда и курил. Тут же, у крылечка в три ступеньки, стояли на земле несколько чурбаков, валялись пустые ведра от краски или шпатлевки. Вид был не очень опрятный и уютный, и это беспокоило мужчину.

– Всё хочу навести здесь порядок, поставить вторую лавочку, – как-то сказал он мне, когда я вышла тоже покурить, неся в руках ещё и чашку с кофе.

Скорее всего, эти мысли возникли у мужчины только с появлением на их территории путешественников. Потому что жизнь в таком варианте для самих жильцов дома давно налажена, привычна, мила и уютна. Днём здесь курят, общаются, полощут в ведрах бельё, по вечерам к крыльцу прибегают бездомные собаки и жадно подбирают остатки еды с людских столов.

Кстати, обилие путешественников, постоянная смена лиц несколько не смущали обитателей дома. Они не только привыкли к нам, но и полюбили нас. Соседка со второго этажа, заслушав стук подъездной двери, часто выходила на лестничную площадку и с улыбкой говорила:

– О, наши идут!

Как трогательно – наши! Да, Владивосток – это тот город, в котором хочется стать своим, в котором хочется жить. За свою жизнь я немного поехала по земле, и всё-таки список городов, в которых побывала, включает 52 пункта. Перебирая в памяти увиденные места, воскрешая свои впечатления, я определилась с выбором. Помимо любимой Москвы, я могла бы жить ещё в Питере, может быть – в Кракове, и – во Владивостоке. Мне кажется, что я нашла бы здесь чем заняться, как организовать быт и досуг, и никогда не устала бы от его неожиданной красоты.

Конечно, иной читатель, если таковые вообще будут, может возмутиться – да как можно так жить? Двадцать первый век давно на дворе, а люди бегают в очко, живут в домах столетней давности... Куда смотрит государство и проч? За государство ничего не скажу. А сама признаюсь, что такие мысли у меня возникли. Должны ли люди жить в таких первобытных условиях, тем более что рядом такие же граждане пользуются всеми благами современности? Я как человек посторонний, всего-навсего турист, восхищаюсь трепетным уютом прежней жизни, а каково тем, кто каждый день – и летом, и зимой – вынужден носить ведрами воду в дом и топить печь? Будь моя воля, всем бы выделила по благоустроенной квартире! Да так, скорее всего, и будет в ближайшем будущем. Приедешь лет через пять в очередной Дом для всех, а бывшая улица Калинина стала проспектом многоэтажек. Нет утопающих в зелени домиков, исчезли колонки, исчезли тишина, неторопливая и простая жизнь... А будет ли радость? Да, в новой квартире в многоэтажке люди обретут фаянсовый унитаз и горячую воду в кране. Но возможно, утратят что-то гораздо большее, чего не выразишь так просто словами. Человеческая душа – тонкая субстанция... Старые, но зато свои, стены, вросшие в старую землю, в которую давно пущены глубинные корни рода – это огромная сила, которая во многом делает нас счастливыми.

Последний день своего путешествия на Дальнем Востоке я провела в Хабаровске. Была здесь прежде, двадцать девять лет тому назад, в командировке. Остались впечатления от страшной жары и влажности, от гневно разлившего от дождей Амура, который затопил и пляж, и набережную... Я не искала здесь знакомых мест – не запомнила ни одного. И приехала в Хабаровск как в первый раз. Город широких площадей и широких проспектов, зелёных бульваров, проложенных по руслам высохших рек... По-своему красивый, неповторимый, но... показавшийся чопорным, тяжеловесным, особенно после легкости парящего над морем Владивостока. Главной ценностью Хабаровска для меня и в этот раз стал Амур – широкий, с тёмной, беспокойной водой, могучий, вызывающий уважение своим величием, своим неоспоримым превосходством перед всем, что покоится на его берегах.

Татьяна
ДУДНИКОВА

СТИХИ

АПРЕЛЬСКАЯ МАЕТА

Мне решенье загадки неведомо,
Оттого-то и муку терплю.
Так, в течение дня отобедаю,
А под вечер в киоске куплю
Саперави, бутылку неброскую.
И наполню пузатый бокал.
Попытаюсь штудировать Бродского,
Обивая о рифмы бока.

За окном суета предвоскресная
И надежда на солнечный рай,

Объясняю глаголами пресными
Бестолковое наше вчера.
Как там было, любовно ли, сладко ли?
Уловить бы неявную суть...
Ночь ложится неровными складками,
Не давая подолгу уснуть.
Мысли нервные, острые, плотские.
И, надеясь на то, что прощён,
Я цепляюсь за вечного Бродского.

Ну а что остается ещё?

КОРОТКО О ПЕРЕМЕНАХ

Да вот же – этот ветер, бьющий так,
Что перемены корчатся от страха.
И, удивлённый собственным размахом,
Он гулом продолжается в щитах
Дорожных знаков. Забывает в снег
Дворовых псов, кровит перед глазами.
Он не стихия, он сейчас экзамен
С рождением и смертью наравне.
Не позволяя «головой в песок»,
Корчует душу, обнажает память,
Впивается в сознание шипами
И держит от огня на волосок.

• **Татьяна Дудникова** родилась в пос. Северо-Эвенск Магаданской области. Окончила Томский политехнический институт и Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. Работает на государственной службе. Пишет стихи, рассказы. Публикации в журналах «На Севере Дальнем», «Колымские просторы», «Северная Аврора», «Дальний Восток», «Бийский вестник», «Эдита» (Германия) и др. Автор поэтического сборника «Такая игра» (2014).

А тот люрует, весел и патлат,
И тоже обещает перемены!
Ах, как бы всё сейчас спалить дотла,
Да так, чтобы ни плошки, ни полена!

О ПОДАРКАХ

Мне редкий дар вчера преподнесли.
В мою такую скромную обитель
Какой-то очень щедрый покровитель
Зашёл, оставив подлинник Дали.

Я знаю, что Испания, Мадрид.
Картина там, иного быть не может,
Но факт упрям: в ободранной прихожей
Та «Девушка...», что «...у окна»* стоит.

Округлость форм, слегка прохладный тон.
Год?.. Двадцать пятый, масло, холст. Не верю!
Входные нервно закрываю двери.
Я счастлив?!

Мало!

Я ошеломлён!

Чем заслужил? Сейчас, на рубеже,
Когда уже подводятся итоги,
Такой подарок сбил бы с толку многих,
Внося поправки в жизненный сюжет.
Как уберечь бесценное своё,
В котором сомневаешься невольно?
А вдруг ошибка, розыгрыш? Не больно
Хотелось бы, что б мирное житьё
Нарушилось. Да и кому скажи,
Что в жизни появилось это чудо,
Ведь не поверят, засмеют: «Откуда
В твоей берлоге, да в такой глуши?»
Я растерялся, осознав сполна:
Ни оценить, ни защитить не в силах.
А девушка стояла у окна
И ничего, поверьте, не просила,
Собою освещая скромный быт.
Но, в пикку судьбоносному зигзагу,
На почте, завернув шедевр в бумагу,
Я написал: Испания, Мадрид.

*Речь о картине Сальвадора Дали «Девушка у окна» (Музей королевы Софии, Мадрид).

* * *

Меняю часовые пояса,
Как если бы меняла настроенье.
И, всякий раз, попав в хитросплетенье
Чужих судеб и суету внеся
В размеренную жизнь оседлых мест,
Вдруг понимаю: вызвала досаду.
Я завтра в самолёт с улыбкой сяду,
А их опять обыденка заест.
Меняю часовые пояса,
Сбиваю биоритмы, снов не вижу.
Мой организм порою словно выжат,
И блёкнут стрелки на моих часах,
Поверив в несущественность свою.
Сомнительный уют дворов заезжих
Покоя не несёт. Тихонько брезжит
Надежда – ну хотя бы на ничью
В простой игре, что между мной и мной,
Без правил, кроме взлётов и посадок.
Восторг опять сменяется досадой
И, дай-то Бог, строкой, а не тоской.

* * *

Случайная встреча была хороша:
Вино, разговоры, приятная дымка.
И кухня – плацдарм для того поединка,
Что нас и события перемешал.
Мы были тогда безупречно чисты,
Не ввали и верили каждому слову,
Мы брали всё сказанное за основу.
Притёртые точно, как рельсовый стык,
Спокойно позволили времени быть,
Не гнали, условий не ставили жёстко,
И каждый с восторгом ребёнка-подростка
Старался другого собой удивить.
Хватая глотками мгновенья любви,
Порой, удивлённые привкусом, знали,
Что будет в таком недалёком финале,
Как утро безжалостно нас отрезвит,
И мы разбежимся, пытаясь решать
Всё то, что в любви не имеет значенья.
Такое вот маленькое отречение.
Случайная встреча была хороша.

БЕЗ УСИЛИЙ

Мне кажется, что вот оно, «Прощай!»,
Висит на черенке, как переспелый
Уставший плод. Я только лишь задела,
А он сорвался вниз, и угощать
Сегодня нечем. Может быть, к добру
Я не поймала пенистую мякоть?
Ведь чуть сожмешь – и между пальцев слякоть,
А мне такой десерт не по нутру.

Я отошла в сторонку и «Прощай»,
Подвластное сезонному режиму,
Упало, вдруг, само и без нажима.

...А мне осталось только обобщать.

ЭХ...

В волосах запутался – не распутать! –
Сигаретный дым, терпкий очень.
Этот час уже прошёл. Как минута.
Мне свидание с тобой беда прочит.
Не в маразме. Помню то, что не двадцать.
Некрасив, подобен пигмею.
На банальности пытаюсь срывать
И эффектно говорить не умею.
Понимаешь, ты такая... Ну, как бы
Объяснить без лишних эмоций?
У меня по жизни только ухабы.
У тебя же – совершенство пропорций.
Ты мне пальчиком рисуешь задачу.
Я – рисую райские кущи.
Знаешь, день сегодня, в общем, удачный.
Я на час пришёл,
По вызову,
Грузчик.

* * *

Звоню не туда, приглашаю не тех,
Старательно вид создаю равнодушный,
Пытаясь замазать тоску на холсте,
Что как отпечаток от встречи недужной
Осталась. Ты знаешь, в реестре времён
Подобные часто записаны встречи,

И каждый участник как будто клеймён –
Вот след на судьбе. Без особых увечий
И видимых глазу погрешностей мы
Заботливо тянем по жизни усталость.

И наша повозка с упряжкой хромых
Опять на размытой дороге сломалась.

КОГДА БЕССОННИЦА В ГОСТЯХ

Не перигей, но звуками полна,
Тревожна ночь. И вот она – бессонница...
Я знаю, что теперь обречена.
Она давно со мной не церемонится.

Проходит в дом, пристраивает зонт,
На кухне чайник по-хозяйски ставит
И убеждает в том, что не резон
Сегодня засыпать. Дерзит местами.
«Какие сны?! Насмотришься потом
Кошмарно-фантазийных безобразий.
Ведь ты сама меня пустила в дом,
Хотя ещё не срок по лунной фазе.

Ну, что случилось? Честно говори.
Ты ждешь звонка? Но ожиданье – мука.
А хочешь, заключим с тобой пари,
Что позвонит.

Любовь – такая штука...
Ты засыпаешь на моей груди?!
Ну, спи, а я должна поторопиться.
Ведь мне ещё лунатиков будить,
А тут с тобой приходится возиться».

И перед ней, смущённая весьма,
Стою босая. Ночь к рассвету клонится,
С плеча спадает лёгкая тесьма,
И в церкви рядом оживает звонница.

* * *

Когда-то было молоко,
Ну а сейчас сердцебиенье,
Как от ударов молотком.
В моей груди звучат сомненья.
Гремят, звенят, грохочут, бьют,
Переворачивают душу.
И боль резка, и вывод лют,
И так простор январский душен,

Что я ладонь на грудь кладу,
Как будто просто утешаю:
«Ведь если у тебя крадут,
Потом, бывает, возвращают?»
Но в том беда и в том печаль,
Что Я украдена сегодня.
И грош цена моим речам,
Когда босой, в одном исподнем
Меня из дома увели,
Увы, не возвративши к сроку.
Моих несказанных молитв
Не слышали. Судили строго
За то, что я себе сама
И звонкий приз, и плеть, и плаха –
Уйдя от одного ярма,
Я отдаюсь иному страху,
Который мною же влеком.
Всё – приговор суда и росчерк.

Когда сочилось молоко,
Мне было жить гораздо проще.

ОДИНОЧЕСТВО

Да какая там, к чёрту, лёгкость и красота?
До слепящего бел, до гнетущей тоски тяжёл
Этот снег, вечный снег, засыпающий города,
Что годами, столетьями с неба безмолвно шёл.
Позабыв о приличиях, нормах, и невпопад
Он то здесь, то там появлялся завесой мглы.
И, как люди на крик, мир срывался на снегопад.
И, как будто от боли, снег становился злым,
Невозможным, колким, как множество тонких шпаг,
Рассекающих яркость уличных фонарей.
Ну какое движение к богу? Мельчайший шаг –
Да и тот с трудом, словно тысячи якорей
На ногах не пускают. Зачем, мол, куда тебе?
Хлётко ветер бьёт по щекам, тут хоть в драку лезь.
И основы мои, что незыблемы, как Тибет,
Пошатнулись вдруг и стряхнули к подножьям спесь.
И пошёл гулять разухабистый, разбитной
Жуткий гул пурги в подвывающих проводах.
Я хочу домой, но, увы, не приду домой,
Потому, что совсем один и повсюду страх.

Да какая там, к чёрту, лёгкость и красота...

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

Отенок блёклый твоего письма
Мне не понятен.
Казалось тёплым лето, но зима
Совсем некстати.
Синоптики дают прогноз «жара»,
А мне морозно.
Ты холод из тепла сложил вчера
Так виртуозно.
И, прикрываясь занятостью, сам
Себе не веря,
Уходишь по знакомым адресам,
Гуляешь в сквере.
А старый пёс у ног твоих сидит
И смотрит сонно.
Такой вот непредвиденный гамбит
В конце сезона.
И кто сегодня жертва, кто вполне
Благополучен –
Не разобрать с собой наедине.
Тяжёлый случай.

* * *

У твоего письма холодный тон,
Высокомерный.
Я понимаю, что сейчас смешон,
Как в костюмерной
Нелеп полуодетый лицедей.
И я вот так же.
Мне говорят: «Не думая, владей!»
Но очень важен
Твой взгляд и голос, лёгкое тепло.
Ты где-то рядом?
Нет. Просто эхо имя унесло
По анфиладам.
И я брожу один среди гульбы
Так унисонно.
Забавная подножка от судьбы
В конце сезона.
И кто сегодня жертва, кто вполне
Благополучен –
Не разобрать с собой наедине.
Тяжёлый случай.

* * *

Вчерашний день прошёл, он был слегка тосклив,
Канючил и болел, мысль выдавал неточно.
Вчерашний день прошёл, но закрепился прочно
Открытием других, реальных перспектив.

Вчерашний день, как снег, затоптанный с утра,
Когда на белизну ложится пыль и копать.
Но ты опять готов по этой жизни топтать,
Старательно забыв бесцветное «вчера».

С восторгом ощутив успехи неудач,
Ты принял на «ура» всё то, что сложилось,
Пустил на самотёк, отдал судьбе на милость
И вот уже летишь, как разноцветный мяч.

Ты сотни раз хотел, пытался сотни раз
Наполнить чью-то жизнь собою. Так непросто.
Но вот опять внутри рождается подросток,
Которому ничто сегодня не указ.

* * *

До трёх часов ворочаться в постели,
Вставать, бродить, глотать холодный чай.
И думать, что давно осточертели
И жизнь и боль. Проклятья бормоча,

Разбить бокал, рассыпать соль нервно,
Вступив в противоречие. Опять
По жизни вместе, но всё время розно
Идти с собою, время торопя.

Выслушивая глупые советы,
Кивать, как будто согласился, и
Уйти из дома так, полураздетым,
Поймать нерасторопное такси,

И сотни лет по городу кататься,
Мудреть, тоскливо вглядываясь вдаль,
Но возвратиться к дому в три пятнадцать
И подмести разбившийся хрусталь.

* * *

Не хочу о страстях, о тревогах, постелях,
Не хочу о тебе – бесполезная штука.
Только помню: вечерние краски густели,
И дыханье срывалось от рваного стука

Где-то прямо у горла. На кончиках пальцев
Трепетало касанье. Старательно множась,
Рассыпались слова и, подобно скитальцам,
Уходили за грань. Ощутимая ложность
Не давала в тебе раствориться. И страхом
Предстоящей разлуки насквозь пропиталась
Наша встреча, что быть обещала «с размахом».

А на деле: усталость.

Усталость.

Усталость.

КАКАЯ ИГРА

Какая игра, посмотрите, какая игра.
Она виртуозна, тонка, непонятна для многих.
Но в спектре людском, от великих до самых убогих,
Её постигают и бездари и мастера.

Какая игра! Сколько правил, запретов... Порой
И сам не поймешь, отчего бесполезны попытки.
Вот рядом сосед – ну не гений, а шустрый и прыткий,
И землю не рыл, а смотри-ка – успехи горой.

А ты в суете, бестолковом топтанье в грязи
Клянешь и игру, и того, кто всё это затеял.
Но отблеск огня прорывает кромешную темень.
Ты рвёшься к огню и не видишь, как сырость сквозит,

Пугает тебя неизвестностью, грубостью дня,
Отсутствием веры. Но где-то у самой границы
Вдруг видишь порог, на котором бы мог оступиться,
Но ты устоял – и осталась пустой западня.
Такая игра....

ДОМ

Я люблю этот дом, где зимою в печи трескотня,
Где безудержно спится, а сны не тревожат, но лечат.
Этот маленький мир, он несбытого счастья предтеча,
Этот маленький рай, он сейчас для тебя и меня.

Никого не пускает – ни жён, ни детей, никого –
Рыжий пёс у крыльца – бестолковый, надёжный, косматый.
Он ведь тоже теперь в ожидании названной даты,
И собачья душа измоталась от вечных тревог.

Юрий
ГЕРЦМАН

ПОЦЕЛУЙ БОГА

Рассказ

Грише исполнилось четырнадцать. На щеках его уже появился первый пушок, и он упрямо думал о военной службе. Он был ладный, развитой мальчик, но юношей ещё не стал и поэтому оставался до сих ребёнком с нежной кожей персикового цвета, которая бывает у детских пупсов, привозимых из Германии.

Накануне сочельника его отец, Михаил Григорьевич Дольский, собирался по службе в уездный город N, и Гриша попросил взять его с собой. Наутро приехали на место, и отец, не останавливаясь на постоялом дворе, сразу пошёл по делам, а Гриша отправился бродить по городу. Быстро освоившись и важно заложив руки за спину, он бродил по торговым рядам, смотрел, как Петрушка дерётся с Чёртом, съел припасённый пирожок и зашёл погреться в Церковь Святой Троицы.

Ещё на улице он почувствовал запах восковых свечей, ладана, чистой древесины и ещё каких-то совсем неясных для него примесей, которые складывались в сладкий чудесный купол. У входа Гриша перекрестился и, войдя вовнутрь, встал слева подле иконы Святого Великомученика Пантелеймона. Он смотрел сквозь пламя нагоревших свечей, ощущал тепло храма и слушал ангельское песнопение церковного хора – совсем маленького, всего из трёх человек, но такого возвышенного и звонкого. Девушки-хористки, против всех правил, между рефренами «Господи, помилуй» хихикали и шептались на клиросе, а одна из них, совсем ещё юная, даже взглянула на него. Но он не обратил на неё внимания, потому что увидел, как паникадило на вершок опустилось вниз. Теперь он уже не мог оторваться от этого неизвестного ему явления. Мысленно держа перед глазами бронзовое многосвечие, он пытался отвлечься и не смотреть на него, но при этом всё равно отмечал, что оно движется вниз. Спустя некоторое время он очнулся от странного наваждения, но решил всё же у кого-нибудь узнать.

– Что это? – спросил он у матушки, стоявшей в церковном проёме. – Ведь оно движется вниз, – сказал он, указывая на паникадило.

• **Юрий Герцман** – актер, театральный педагог. Печатался в журналах «Театр», «Театральная жизнь», «Петербургский театальный журнал», «Русское слово» (Прага). Монопьеса «Люблю» вошла в шорт-лист конкурса современной драматургии «Время драмы, 2016, лето». Живёт в Санкт-Петербурге.

– Ну, что вы, милый мальчик, – ответила она, нежно улыбаясь и растягивая слова, – это служба. Последнюю фразу она произнесла уже совсем нараспев.

«Это служба» в ответ отпечаталось в мозгу у Гриши так важно и торжественно. Через минуту, когда паникадило висело над его головой, Гриша Дольский упал в обморок.

Пять лет спустя на Кавказе в чине подпоручика кавалерии, с отрубленной по локоть рукой Дольский лежал на носилках в луже липкой и тяжёлой крови. От жуткой боли он ничего не слышал, но, когда уже оказался под ножом хирурга, вдруг открыл глаза и в полном здравии тихо и нараспев прошептал: «Поцелуй... Это был поцелуй Бога, тогда... в храме». Потом он увидел юное лицо девочки из того далёкого храма и услышал ангельское песнопение.

...В чине поручика и с крестом за мужество он вышел в отставку. В этом же году он женился на той самой девушке из церковного хора. И теперь, абсолютно счастливый, засыпая в широкой супружеской постели, подле чудесного и милого его сердцу существа, повторял всякий раз нежно и нараспев: «Поцелуй! Поцелуй Бога».

Завершив рассказ, Чернышев начал мучительно думать, что теперь с этим делать. С одной стороны, он понимал, что вряд ли этот сюжет где-нибудь пройдет. С чего ради, думал он, в наше время автор вдруг заговорил в таком роде, да на первом же предложении «и на щеках его появился первый пушок» любой редактор бросит чтение. С другой стороны, Чернышеву льстило, что он одолел его за два дня, так ловко свинтив из ряда событий и мимолетных встреч.

...Случайно он попадает на юбилей одного дельца, который сразу напоминает ему драного кота – слишком уж много в нём было намешано кровей, и ни одна из них не звучала в нём достойно. Дранный. Сразу решает Чернышев. Его пронзительный голос с едва заметным акцентом провинциала проникает во все уголки сада и терзает слух. Время от времени в приливе чувств Дранный выкрикивает: «Гриша! Где Гриша? Никто не видел Гришу?» Скоро освоившись и заложив руки за спину, Чернышев с явным любопытством начинает бродить среди приглашённых. А Гриша, ладный мальчик лет одиннадцати, не больше, в это время мотается туда-сюда на старом велосипеде безо всякой надобности, будто помогая отцу в его грандиозном пире. Вскоре, во время десерта, оказавшись в кругу милой компании, Чернышев уже всю шутит и даже радуется, что ни с того ни с сего оказался здесь. Полная грузинская дама показывает фото своих детей от мала до велика, глазастый, с обветренными губами мужчина в позе «чего изволите» травит анекдоты, разгуливая в длинном халате, боясь, видно, запачкать свой белый костюм, а Чернышев поёт по-грузински, желая потрафить грузинской даме. Позже к ним подсаживается девочка, воспитанница грузинки, которая держится как взрослая, но по всему видно, что ещё совсем ребенок с нежной кожей персикового цвета, которая бывает у детских пупсов, привозимых из Германии. В целом компания собирается пёстрая и карнавальная. Дамы в шляпках начала века, дети в матросках со своими толстыми боннами, кукольник, кричавший дурным голосом, изображая и Черта, и Петрушку, и его жену Маврушку. Кого там только не было.

Чернышев ночует в гостевом домике, а поутру отправляется бродить по старинному городу N, где, собственно, и проходила гульба. В конце июня повсюду летает белый тополиный пух и напоминает ему Рождественский снег. Во дво-

ре Церкви Святой Троицы его встречает несравненный цветник, ухоженный и добрый, состоящий из бледно-розовых пионов, аютиных глазок и солнечных герберов. Вместе с запахом свечей, ладана и чистой древесины здесь возникает сладкий чудесный купол. Чернышев робко крестится, входит вовнутрь и встает слева подле иконы Святого Великомученика Пантелеимона. Он смотрит сквозь пламя нагоревших свечей и вместе с ангельским песнопением небольшого хора, всего из трёх человек, но такого лучистого и звонкого, внезапно видит перед собою белёную стену храма, открывшую цветник, ограду и деревянный дом напротив, и что-то ещё и ещё. Коротко, всего на несколько мгновений. А девушки-хористки продолжают петь так, словно их прервали на середине строки, но, вопреки всем правилам, между рефренами «Господи, помилуй» они хихикают и шепчутся на клиросе, а одна из них, помоложе, даже поворачивается к нему.

Но он не обращает на это внимания, потому что видит, как центральная люстра во время службы опускается вниз. Мысленно держа перед глазами бронзовое многосвечье люстры, он пытается отвлечься и не смотреть на неё, но при этом всё равно отмечает, что она движется вниз. Что за фантазии, думает Чернышев, и решает проверить крепления люстры, вообразив, что кто-то медленно опускает её по ходу службы и в конце она должна бы совсем зависнуть, по его разумению, над головами прихожан. Крепления из прочных цепей оказываются надёжными, а значит, двигаться люстра не может. Проведя еще некоторое время в недоумении, и в то же время в каком-то странном покое или даже блаженстве, Чернышев решает всё же уточнить у служащей в Церковной лавке.

– Что это, – спрашивает он, указывая на люстру, – ведь она движется вниз?

– Это паникадило, – ласково поясняет женщина и потом прибавляет: – Это служба.

«Служба» отзывается в голове Чернышева неожиданно мягко и торжественно. А ночью он понимает, что это был «Поцелуй Бога». Вот, собственно, и всё.

«Скрестив» юную девочку с мальчиком Гришей, Чернышев делает его старше и наделяет мечтой о службе. Сочельник возникает сам собой из тополиного пуха и как предтеча всех чудес. В церкви он снова возвращает девочку, которая первоначально «растворилась» в Грише. Нужна была любовь, которая проснётся позже. Всё остальное было делом техники.

Отмотав таким образом всё назад, Чернышев попытался как бы заново набросать в голове новый рассказ, то есть рассказ в рассказе, вернее, рассказ про рассказ, но запутался и почувствовал себя совсем плохо.

Долгие дни и ночи он ещё бесконечно страдает, теряет в весе и сохнет, пока наконец однажды, лёжа в пустоте на скомканных простынях, с ноющими на стон ногами и истерзанной душой, вдруг понимает, что «Поцелуй Бога» был для него. Тогда. В храме. В городе N. И это самое главное. Чернышев медленно выдыхает, смотрит куда-то невидящим взглядом и произносит шёпотом, чтобы не спугнуть: «Для меня, только для меня». Из глаз его сами собой начинают ручьями проливаться слёзы, а он всё повторяет и повторяет раз за разом: «Для меня, только для меня». И он понимает, как одинок и несчастлив, и что писатель он никакой, и что вот теперь-то он счастлив по-настоящему, да, счастлив, так счастлив, что впереди ему ничего не светит и что у него всё позади, и он больной и никчёмный и нет и да, да-да он счастлив, так счастлив, так... счастлив...

Елена
ОВЧАРОВА

РАССКАЗЫ

«ЛЕТАЙТЕ САМОЛЁТАМИ АЭРОФЛОТА...»

Потом, много лет спустя, она с недоумением вспоминала то чувство раздражения, которое заставило её вспыхнуть и отвернуться при первом же взгляде на него.

...К моменту его появления в заплёванном и душном здании Якутского аэропорта она была уже порядком измотана и накалена. Хотя, честно говоря, никакого комфорта от своей командировки благоразумная девушка Валерия (для сослуживцев – Валерия Алексеевна) и не ждала. Дорога от городка, утонувшего в черёмуховой пене, до неизведанного ею Заполярья – вот что манило её и перевешивало все командировочные невзгоды. Она чувствовала себя, по меньшей мере, первооткрывателем Северного полюса, когда добровольно вызвалась везти в далёкий посёлок Депутатский удалую пятёрку своих интернатских воспитанников. Они хотели домой, к родителям. Она же ждала новых впечатлений и встреч после утомительного и однообразного учебного года. Не пугало её даже то, что один из этой пятёрки, смуглый отрок по имени Христовфор, стремительно пожелтел по дороге, так как ещё в интернате подцепил болезнь Боткина. Если бы Лера не забрала его с собой, он попал бы вместо родного дома в инфекционное отделение, а весь интернат, включая педагогов, из-за карантина лишился бы летнего отдыха. Кому-то нужно было рискнуть. Вызвалась самая молодая, новенькая в коллективе, преподавательница немецкого языка и рисования Валерия Алексеевна. Благородный порыв во имя общественных интересов добавил ей уверенности в себе и наполнил кровь искрами авантюризма, будто пузырьками шампанского. Приходится признать, что молодость хоть и смела, но, увы, безрассудна. Минувшей весной Лере исполнилось 22 года, и всё ей было в радость в этом

• **Елена Овчарова** родилась в 1962 г. в Челябинске. Окончила филфак Донецкого университета. Живет в г. Томмот Алданского района Республики Саха (Якутия), преподает в школе русский язык и литературу, мировую художественную культуру. Кандидат педагогических наук. Заслуженный учитель Республики Саха (Якутия). Автор двух поэтических сборников. Член Союза писателей России.

мире: и командировка к чёрту на кулички, и роль многодетной мамы, и даже нелётная погода, застигшая путешественников в аэропорту. Валерия Алексеевна легко переносила и долгие отсижки в закрытых из-за непогоды аэропортах, и ночёвки на жёстких вокзальных сидениях – тот цыганско-бомжовый быт, который предначертан был всем советским гражданам, решившимся стать пассажирами Аэрофлота или отечественной железной дороги в ту пору.

..Но дети! Уже к вечеру первого дня путешествия они раскисли, размякли и сникли. Им хотелось спать, и они готовы были растянуться даже на холодном и грязном кафельном полу аэропорта. Лера, ведомая инстинктом насадки, распустила крылья и бросилась в бой за интересы своих птенцов. Гостиница для пилотов отпала сразу: Лерины питомцы на героических лётчиков явно не тянули. Хозяйка «Комнаты матери и ребёнка» тоже высокомерно отвергла их, побледневших от усталости и по-дорожному помятых: они, увы, были не грудными детьми, к тому же могли «натрясти на её белые простыни своих интернатских вшей». Да и сама Лера в потёртых джинсах, стройотрядовской курточке и вязаной шапочке, из-под которой выглядывала пушистая подростковая косичка, никакого уважения у облечённой властью тётки не вызвала.

И тут мимо нашей насадки с её чумазыми цыплятами «под белы руки» милиционеры провели в транспортное отделение чуть тёплого гражданина. Из открявшейся для его торжественного входа двери пахло живым теплом. Там, на мягких казённых стульях, можно было бы неплохо провести ночь... А может, на счастье, там и комнатка с нарами есть для особых случаев? Идея возникла мгновенно. Лера догнала молоденького сержантика, который оставил почётного гостя в отделении и отправился обратно на свой пост, и деловито спросила:

– Если я сейчас витрину в киоске разобью, меня в отделение заберут? А моих детей?

Неизвестно, что сыграло решающую роль в этой нестандартной ситуации: пузырьки шампанского в её крови или доброе сердце веснушчатого милиционера. Но примерно через полчаса питомцы томмотского интерната, тесно прижавшись друг к другу спинами для тепла, лежали на широкой и мягкой резиновой ленте багажного транспортёра. Зал выдачи багажа, расположенный в глубине аэропорта, был относительно защищён от сквозняков, свет в нём был погашен до утра, а на дверях висел внушительный замок, оберегая детей от нахальных конкурентов в борьбе за спальное место.

Лера тоже попыталась задремать, усевшись на свою дорожную сумку и приклонившись к решётке багажного отделения. Пока она устраивала детей на ночлег, на улице стемнело, вокруг аэропорта собралась внушительная толпа то ли пьяного, то ли обкуренного молодняка, и выход на площадь по степени риска стал приближаться к партизанскому рейду в тыл врага. А тут ещё дети, просунув сонные мордашки сквозь решётки своей импровизированной спальни (ну точно, как грустные зоосадовские обезьянки), настойчиво попросились в туалет, который, как и полагается, был где-то там, в темноте ночной площади, за линией фронта. Надо было подняться, размять затёкшие от неудобной позы ноги – и идти во тьму. Но высовывать нос из нагретого человеческим дыханием здания не хотелось. Пока Лера раздумывала, не позвать ли на помощь знакомого сержантского сержанта, в зал и вошёл Он. Нет, не сержант, а тот самый незна-

комец, с упоминания о котором и начался рассказ. Не заметить его даже среди жужжащей и вяло шевелящейся толпы пассажиров было просто невозможно: на две головы выше большинства окружающих, в распахнутом бежевом импортном плаще, с белой дорожной сумкой через плечо, он явно выделялся из серой массы, как инородное тело. Чёрт возьми, он выглядел точь-в-точь, как американский киноактёр Роберт Редфорд, сыгравший главного героя в фильме «Три дня Кондора»: этакая гордая нездешняя птица с медальным профилем. Светло-русые волосы – аккуратной гривой по плечам. Глаза то ли серые, то ли голубые – издали не разобрать. Жесты уверенные и лаконичные. Походка и осанка чемпиона мира по всем видам спорта сразу. Было такое впечатление, что он не в зал ожидания вошёл, где даже сесть негде, а в вестибюль дорогой гостиницы, где его ждёт роскошный номер «люкс».

– А меня ждёт поход в вонючий уличный туалет, до которого ещё добраться в темноте нужно, – раздражённо подумала Лера, обиженно отвернулась от Кондора (хотя он-то уж точно ничего плохого ей не сделал) и пошла к выходу, раскинув крылья над своим полусонным выводком. Кажется, всего на пару секунд задержалась она у дверей, не решаясь выйти в пугающую промозглую ночь, как вдруг над её плечом раздался незнакомый мужской голос, от которого проснулись и заторопились по венам притихшие было шустрые пузырьки:

– Ну, разве можно здесь ходить без сопровождения девушке с детьми? Я вас провожу.

Даже не оборачиваясь, Лера поняла, что этот голос может принадлежать только Кондору. Хотела было независимо и гордо ответить непрошеному помощнику:

– Ну вот ещё, я и сама справлюсь!

Но голос почему-то дрогнул, и ответ прозвучал неожиданно тихо и даже робко:

– Конечно... Спасибо...

Потом, когда выгулянная детвора уже спала на своём плацкартном месте за решёткой и под замком, да ещё под неусыпным оком всё того же милого сержанта, Лера с незнакомцем вышли на площадь, нашли незанятую скамейку и решили немного посидеть, взбодриться на холоде, чтобы меньше хотелось спать. Он курил и что-то рассказывал в лицах. Она сидела рядом, слушала, смеялась, возражала. Иногда она будто отключалась, теряя нить его рассказа, но продолжая слышать голос. До рези в глазах всматривалась в постепенно светлеющее небо (ночи в конце мая коротки) и твердила про себя: скоро наступит утро, объявят посадку на её отложенный рейс, и эта случайная встреча в якутском аэропорту сотрётся из памяти, как многие другие. Он улетит в отпуск в свой Волгодонск, а когда вернётся на работу в Депутатский, её там уже не будет. Из этих дорожных встреч никогда ничего серьёзного не выходит. Тем они и хороши, что трогательны, но мимолётны: встретились, познакомились, проговорили всю ночь на уличной скамейке, дрожа то ли от холода, то ли от непонятого волнения – чем не приключение? Романтическая ночная сказка растает под первыми лучами солнца, и окажется, что они – просто два случайных встречных, которые были чужими вчера вечером и останутся чужими сегодня утром. А объединили их на несколько часов аэропортовская скука и недостаток мест для сидения в зале ожидания аэропорта Якутск.

Так уговаривала себя благоразумная Валерия Алексеевна, учитель и воспитатель с годичным стажем, сидя рядом с незнакомцем. Правда, теперь ей уже казалось, что они были знакомы когда-то давным-давно, а сейчас встретились после долгой разлуки и с радостью узнают друг друга заново. Его литературные и музыкальные пристрастия, его манера держать сигарету, его обволакивающий баритон, руки рабочего-интеллигента (сильные, с жёсткими ладонями и коротко стриженными, будто отполированными ногтями) – всё это было таким узнаваемым, почти родным, что её горло перехватывало от пугающей мысли:

– Как же я теперь буду без него жить? Без этих то ли серых, то ли голубых (в сумерках не разобрать) глаз, без этого чувства надёжности и покоя, что исходит от его плеча, от голоса и каждого жеста.

...Уже совсем рассвело, а отчаяние, вызванное скорой разлукой с человеком, о котором она к утру уже знала почти всё (кроме имени), не таяло, не уходило, а, казалось, нарастало с каждой секундой. Видимо, её внутренняя дрожь передалась и ему, потому что он вдруг замолчал, потом взял её за ледяную руку, настойчиво повернул девушку к себе и, как-то невесело улыбнувшись, проговорил:

– Вот и утро. По-моему, нам надо познакомиться. Перед прощанием.

– Валерия.

– Валерий. Фатеев. Тридцать лет. Монтажник.

И почти без паузы и без улыбки, напряжённо глядя куда-то в самую глубину её зрачков, как будто решившись на что-то, выдохнул:

– Выходи за меня замуж. Сегодня. Я не могу тебя потерять.

– Но у меня рейс в 8 утра, а сейчас ЗАГС не работает, – ответила Лера, не задумываясь. Слегка растерявшись от собственного легкомыслия, она тряхнула головой, пытаясь избавиться от наваждения, и задала вопрос самой себе:

– О чём это я, господи? А если бы ЗАГС был открыт, я что, тут же вышла бы за Кондора замуж?

Внутренний голос, до сих пор молчавший, ответил ей ехидно и насмешливо:

– Ещё как вышла бы! Ты посмотри на себя со стороны: выглядишь, как типичная обалдевшая от счастья дурочка. Именно так и выглядят все влюблённые, потерявшие контроль над собой!

Видимо, внутренний голос Фатеева провёл с ним такую же разъяснительную работу, потому что Кондор не удивился согласию своей новой знакомой вступить с ним в законный брак после нескольких часов ознакомительной беседы.

– Я что-нибудь придумаю, – уверенно сказал он.

И Лера сразу поверила, что Фатеев точно придумает, потому что он может справиться с любым препятствием не хуже американского супермена. А волгодонский Кондор меж тем распахнул меховую изнанку бежевого крыла, аккуратно принял её в своё тепло, и двухголовая птица направилась в аэропорт – будить узников багажного отделения. Как только они вошли в зал ожидания, сонный голос с небес равнодушно произнёс:

– Внимание! Рейс №... Якутск – Депутатский откладывается в связи с нелётной погодой в Депутатском до 14 часов местного времени.

– Вот видишь, всё и устроилось. Сейчас я съезжу в город, переоформлю себе билет до Москвы на завтра. А когда я вернусь, мы решим все остальные дела. Подождёшь? – в голосе Фатеева она услышала непривычные нотки. Подняв на

него глаза, увидела, что выглядит он, как обалдевший от счастья дурак. И, честное слово, ей это очень понравилось!

Уже вскакивая на ходу в автобус, направляющийся в центр города, он крикнул растерянно:

– А адрес твой, адрес!.. Я же не знаю твоего адреса!

Но, как будто устыдившись своей необоснованной тревоги, добавил:

– Господи, да я же через пару часов вернусь! У нас ещё уйма времени до твоего отлёта! Мы всё успеем...

Лера, вернувшись в здание аэропорта, увидела в глазах своих детей неподдельное сочувствие. Ей казалось, что она умело скрывает своё состояние, но подбородок дрожал, а глаза застилал плотный горячий туман. Двигаясь, как лунатик, она накормила своих подопечных сухим пайком, сводила в уличный туалет, который при свете дня благоухал по-прежнему, но уже не пугал: тёмные личности разбрелись по своим тёмным углам, где, возможно, творились всякие тёмные дела. Всё время, пока Лера занималась привычными бытовыми делами, её не покидало чувство какого-то застарелого одиночества, невесть откуда появившегося в её двадцатидвухлетнем сердце.

А через 40 минут после отъезда Фатеева всё тот же равнодушный голос сообщил, что погода в Депутатском ненадолго улучшилась, поэтому пассажиры отложенного рейса должны срочно занять свои места в самолёте. Лера даже не удивилась ни переменам погоды, ни неприятным сюрпризам судьбы. Уже пройдя регистрацию, она без особой надежды оглянулась в поисках знакомого сержанта, который мог бы передать Фатееву записку. Но вспомнила, что ночное дежурство уже закончилось, и её ангел-хранитель в милицейской форме отправился домой отдыхать.

Когда самолёт поднялся в воздух, желтолицый Христофор, не замеченный ранее в особой сентиментальности, повернулся к ней и сказал:

– Не плачьте, Валерия Алексеевна. Всё будет хорошо. Он что-нибудь придумает.

Она погладила мальчишку по жёстким, коротко стриженным волосам и прошептала:

– Конечно... Спасибо...

ЁЛКА

Ёлка – это необходимое и достаточное условие настоящего новогоднего праздника в нашей треугольной семье. Не деньги для роскошных подарков, не восемнадцать салатов на столе и тем более не батарея спиртного, заготовленная для утоления жажды многочисленных гостей в засушливую новогоднюю ночь. Ёлка. Но не любая.

Во-первых, настоящая – живая, с неповторимым морозным запахом, с асимметричными ветками. Во-вторых, достаточно рослая, чтобы макушкой упираться в наш высокий потолок. В-третьих, устанавливать и украшать её мы должны вместе, троём, потому что это – часть праздника. Правда, получить такой подарок судьбы, как натуральная ёлка, живя посреди тайги, совсем непросто. Трудности

у нас со всем натуральным, не в моде оно. Но варианты есть: можно купить лесобилет и собственноручно спилить подходящую ель где-нибудь вдоль линии ЛЭП, метрах в трёхстах от трассы. Но пешком до нужного места не доберёшься, а машины у нас нет. Да и донести тяжёленькое растопыренное деревце до дороги из глубины леса в сохранности не удастся, в лучшем случае ствол в руках останется – хрупкие веточки обломаются на пятидесятиградусном морозе. Можно внезапно расцвести махровым браконьерским цветом и «заломать» ёлочку-сосёночку, что называется, «не отходя от кассы» – выйдя на берег реки в двух шагах от дома. Но душа просит праздника, а не тяжких угрызений совести вместо торжества. Остаётся одно – купить в местном леспромхозе одну из ёлок, специально заготовленных для продажи ещё с осени.

Пока дети были маленькими, ёлку к празднику нам доставляли деды морозы. Разные. Все они были добрыми и бескорыстными людьми. Как только дети подросли, авантюрно-приключенческий поход за новогодним деревом стал нашим семейным ритуалом. Тридцатого или тридцать первого декабря, как только я сдавала ненавистные отчёты, мы втроём (я, сын и дочь) надёжно утеплялись, надевали старенькие варежки, которые не жалко испачкать смолой, и шли в сторону озера, где была контора леспромхоза, рассуждая по дороге о том, какая ёлка достанется нам в этом году... Хотя, сказать по правде, мы приняли бы любую. Пушистая или лысенькая, малахитово-зелёная боярыня или рыжеватая уроженка неведомого болотца, она должна была выдержать только одно условие – быть настоящей. Наша фантазия особенно разыгрывалась, когда мы бродили между крепко связанных кандидатов по заснеженной территории, огороженной невысоким заборчиком: трудно догадаться, какая из них окажется красавицей, а какая после оттаивания в прихожей и освобождения от пут – мыршавеньким огрызочком из серии «обнять и плакать». Приходилось руководствоваться интуицией и рассчитывать на то, что не только мы выбираем себе компаньонку, но и она настороженно выглядывает из сугроба, присматривается к запоздалым посетителям, пытается прочесть наши мысли и, решившись довериться, приманивает нас каким-то неуловимым образом, позволяя выкупить себя из леспромхозовского плена. Спеленная и связанная ещё глубокой осенью, она ждала именно нас. И если мы уйдём без неё, гореть ей синим пламенем в общей куче отбракованных подружек, так и не ставших настоящей новогодней елью... Но вот смотрины закончены, выкуп хвойной полонянки подтверждён серьёзными бухгалтерскими документами, мы обмениваемся с хозяевами территории традиционными поздравлениями и отправляемся домой – уже вчетвером.

Наша ёлочная процессия, видимо, немало забавляла горожан, поскольку поглядывали на нас с интересом. Да и не встречали мы на улицах подобных компаний. Но нам эти походы доставляли неизменное удовольствие, и на доброжелательные улыбки мы не обижались. Порядок торжественного шествия к дому немного менялся с годами. В начале наших ёлочных походов я бралась за тяжёлый комель, за середину ствола отвечал сын, упрямая дочь цепко держалась за тоненькую макушку и мужественно старалась не отставать. Потом сын, отравив юношеские усы и чувство собственного достоинства, сместил меня с поста «вперёдсмотрящего» на второе место, потом дочь оставила мне утешительное

третье... А потом старший уехал учиться в Новосибирск, и мы с младшенькой впервые вынуждены были встречать Новый год вдвоём.

...За ёлкой в этот раз отправились неприлично поздно: тридцать первого после полудня, питая малообоснованную надежду, что удача от нас не отвернётся и в этот раз. Дошли до знакомого заборчика и поняли, что фортуна нам изменила: вся территория была покрыта волнистыми сугробами нетронутого снега. Даже птичьих следов на нём не было видно, не то что человеческих... А уж о ёлках и говорить нечего: ноль, помноженный на ноль. Их в этом году просто не заготавливали, потому что спрос на них, как выяснилось, исчез совсем. В продаже появились в огромном количестве прекрасные искусственные ёлки: идеально симметричные, ярко-зелёные, усыпанные серебряными или золотыми блёстками, а то и слепяще-белым снегом. Они были всем хороши: их не надо было каждый год добывать в глубоком сугробе, они не осыпались ни через неделю, ни через месяц. С ними не было никаких хлопот. Только вынуть из коробки, собрать мохнатенькую вечнозелёную металлическую пирамидку, распрямить слежавшиеся веточки, набросить упругие струйки искусственного дождика – и празднуй хоть до восьмого марта! Очень полюбились здравомыслящим горожанам эти неприхотливые нарядные ёлочки. А мыслящим не вполне здраво пришло время выбирать: либо вливаться в стройные ряды пластмассофилов, либо... идти на все четыре стороны. Осознав это, мы с младшенькой пошли. Домой.

Возвращаться в пустой дом, где нас никто не ждал: ни старший, ни ёлка, ни истекающие майонезом салаты – не хотелось. Шли мы быстро, по дороге не разговаривали. Чувство вины меня не очень терзало: мы не прозевали ёлку из-за моей вечной занятости, потому что никак нельзя прозевать то, чего не было. Но молчание дочери ничего хорошего не предвещало. Я не ошиблась. Едва переступив порог дома, дочь ушла в детскую, упала на свою кровать, ясно давая мне понять, что «жизнь – боль» и что исправить уже ничего нельзя. Мне некстати вспомнилась песенка Ксении Полтевой с оптимистичным названием «У нас не будет Рождества, мы так наказаны...», потом перед глазами промелькнули кадры голливудских страшилок о людях, потерявших смысл жизни из-за испорченного в детстве праздника. И я совсем скисла. Все мои знакомые деды морозы либо разъехались, либо состарились. Да и неловко тревожить людей 31 декабря в три часа пополудни, чтобы обратиться к ним с абсолютно дурацкой просьбой: «Найдите мне, пожалуйста, живую ёлку. А то нам праздник не в праздник». Это при том, что все магазины забиты искрящимися новогодними красавицами. Вполне доступными по цене. Нет, никто мне не станет помогать. Полтева права.

Понимая, что растущий организм дочери, изнывающий без ёлки, есть всё-таки захочет, не сегодня, так в следующем году, я поплелась в ближайший магазин, чтобы купить чего-нибудь вкусенького, что осталось после набегов предусмотрительных горожан. Пусть хоть запах мандаринов напоминает нам в этот вечер об утраченной радости.

Мандаринами в этом магазине даже не пахло. Небольшая очередь, состоящая из полудюжины раскрасневшихся домохозяек, приветливо оглядела меня и немножко ужалась, освобождая место у прилавка. Очередь оживлённо чирикала, пребывая в расслабленном ожидании чего-то съедобного и вполне реального. Я же нуждалась в небольшом чуде и не могла составить им компанию... На выходе

из магазина я столкнулась с поддоном, в котором перевозят хлеб из пекарни. Вкусно запахло ещё тёплым хлебом. Очередь у меня за спиной радостно загомонил: эти люди ждали хлеба, и они его получили. На крыльце магазина я немножко постояла, пригорюнившись, как вдруг услышала за спиной неожиданный вопрос: «У вас что-то случилось?» Парень-хлебоносец возвращался за очередным поддоном душистого счастья к своей машине и натолкнулся на олицетворение беспросветного декабрьского уныния – на меня. Мы были знакомы довольно давно, но не настолько, чтобы ждать самоотверженности от молодого человека, завершающего свой рабочий день в тот час, когда большинство горожан уже сидят за ломящимся от снеди столом и радостно провожают уходящий год. Но когда у меня прямо спросили, что может поднять мне настроение, я обречённо ответила: «Только ёлка. Настоящая». Мне велено было возвращаться немедленно домой и через пятнадцать минут быть в боевой готовности. Дома было тихо. Отключенный пылесос дремал посреди комнаты, телевизор не работал, дверь в детскую была закрыта. В воздухе отчётливо ощущался пыльный запах серых будней и безнадёги.

Через пятнадцать минут под моими окнами остановилась машина, пахнувшая хлебом и надеждой. Угрюмый бородатый водитель (если бы я его не знала так давно, я бы легко приняла его за голливудского злодея, в очередной раз укравшего Рождество) открыл дверцу и кивком велел садиться. Наше путешествие за город было не очень долгим. Не успела я как следует задуматься о последствиях своей легкомысленности, как мой проводник в неведомое, приметив что-то на обочине трассы, остановил машину и вышел из неё с ножовкой в руках. Я почему-то нервно хихикнула. Жертва была совсем близко от обочины. Тощая и высоченная, она не выдержала тяжести снега и свалилась в направлении дороги плашмя. Непонятно было, сломалась она у основания или просто сильно согнулась. Мой подельник забрёл в сугроб почти по пояс, примерился и начал сосредоточенно пилить верхушку упавшей ёлки, не оглядываясь по сторонам. Стоя на обочине дороги «на стрёме», панически оглядывалась я. Мне казалось, что сейчас разверзнутся серенькие зимние небеса и меня поразит гром небесный. Или примчатся пять патрульных машин и окружают нас, угрожающе завывая сиренами. А я буду краснеть, бледнеть и, заикаясь, оправдываться: мол, я же всегда покупала ёлку в леспромхозе, я бы и сейчас её купила, да ведь не продают, а ближайший ёлочный базар за 500 км отсюда, а у нас семейная традиция... Мимо проехала машина, мужчина за рулём приветливо махнул рукой моему лесорубу и шуточно погрозил мне пальцем. Рассеянно махнув в ответ, мой подельник открыл заднюю дверцу своего «пирожка», срезом вперёд задвинул заснеженную ёлку в салон до самого лобового стекла. Мы сели на свои места, синхронно хлопнули дверцами и тронулись с места. Секунд через сорок мы представили, как это выглядит со стороны: через лобовое стекло виден только ствол ёлки, сквозь ветки которой еле проглядывают лица угрюмого бородача и перепуганной тётки – и опять тронулись, но уже умом. По лицам нашим текли капли растаявшего снега, глядя со стороны, можно было подумать, что мы заливаемся слезами, хотя не перестаём ржать, как полковые лошади перед парадом. Я представила себе этот кадр в финале рождественской голливудской мелодрамы: ёлка, капли влаги по

лицам и по стеклу, беззвучно открытые рты в окружении хвои, и титры, плывущие сверху вниз, как будто тоже тающие от тепла...

Когда мы подъехали к моему дому, уже совсем стемнело – дни у нас в декабре совсем короткие. Ёлку занесли в прихожую, она легла слева, у стены, окончательно оттаивать. Наверное, она не была такой высокой, как обычно. И наряжать её придётся дочери в одиночку, потому что я сейчас побегу в магазин, наберу продуктов и стану у плиты готовить праздник для желудка, что-нибудь особенное обязательно будет на нашем столе. Но всё же ёлка была настоящая: ветки её торчали в разные стороны как попало: тут густо, а тут пусто. А пахла она просто волшебной... Пока я размышляла о планах на оставшиеся часы старого года, похититель ёлок отправился по своим предновогодним делам. Я могла бы даже подумать, что вся эта сказочная история просто привиделась мне... но ёлка, согревшаяся в домашнем тепле, была реальной, не нарисованной, и лужа воды под ней требовала решительных действий. Пока я ходила в ванную за половой тряпкой, торопливые шаги из детской достигли прихожей – и оттуда раздался сдавленный девичий взвизг. А дальше... То, что происходило в нашей квартире в течение нескольких часов, оставшихся до боя курантов, можно назвать как угодно: вихрем, ураганом, торнадо, тайфуном. Любого слова будет мало: пылесос захлёбывался от усердия, швабра летала по квартире, как бабочка, кастрюли сменяли друг друга на раскалённых конфорках, словно камушки в детском калейдоскопе. Нож, казалось, обрёл полную свободу и трудился по личному почину, без помощи хозяйских рук. Но всё это было не так важно, потому что необходимое и достаточное условие новогоднего праздника сверкало в темноте гостиной огоньками гирлянд и поблёскивало яблочными боками цветных стеклянных шаров. Мир обрёл равновесие.

Без четверти двенадцать мы с дочерью налили в высокие бокалы яблочного сока, а с первыми ударами курантов позвонили в Новосибирск...

Потом мы любовались из окошка на фейерверк, устроенный жильцами соседних домов. На улице было морозно, ярко и шумно. Дома привычно пахло хвоей и мандаринами. И ещё надеждой, волшебством, уютом... и почему-то свежим хлебом. Хотя хлеб я в тот вечер так и не купила: он закончился перед самым моим носом.

ЧИПОК*

Избушка без курьих ножек на самом берегу реки. На углу улицы Ленина и Якутского переулка. Многие помнят этот домишко, хотя и брёвнышки, из которых он был сложен, давно уже рассыпались в прах. И по первому тонкому льду осенью, и по хрупкому тёмному крошеву в последние дни перед ледоходом тянулась к нему муравьиная цепочка страдальцев с правого берега. Сюда, на левый, их вела жажда, которая здесь утолялась ежедневно с 14.00. А на правом такого оазиса не было. Место паломничества, место страсти, место скорби, опасное место...

* Чипок – сельский магазин, дешёвый магазин, дешёвая рюмочная. Здесь: маленький вино-водочный магазин.

Точнее, опасна-то была не сама избушка, а дорога к ней – по льду. Помню, среди бела дня, выйдя посмотреть, не тронулся ли лёд, невольно присоединилась к группе наблюдателей, стоящих у самой воды (забереги уже образовались). Всмотрелась в далёкое чёрное пятнышко метрах в десяти от правого берега. Оно двигалось суетливо, но как-то всё на одном месте. Поняла: там же человек, а движется так странно, потому что он не на льду... а в воде! Спокойствию наблюдателей не удивилась: пытаться добежать с нашей точки до тонущего – немыслимо. Во-первых, лёд может провалиться под тобой в любом месте, а дорога «наискосок» – слишком длинная, чтобы её можно было преодолеть за короткое время. Во-вторых, на правом берегу, недалеко от чёрной точки на льду, были какие-то люди. Если кто и мог бы успеть на помощь, то только они. Но помощь не понадобилась. Поворочавшись ещё чуть-чуть в полынье, человек подтянулся на руках, уцепившись за какие-то невидимые бугорки на льду, вылез из воды, потом «ужиком» прополз ещё несколько метров до более надёжного места, поднялся на четвереньки, зачем-то похлопал себя по внутренним карманам на груди и начал карабкаться вверх по берегу. К нему протянулись руки «спасателей», но он не взялся за них, а, выпрямившись, достал что-то из-под тёплой куртки и бережно передал в протянутые руки. Я не успела ещё сообразить, что там произошло, как над моим плечом раздался довольный «кряк» одного из наблюдателей.

– Донёс-таки! Мужик! – одобрительно бормотнул высокий, костлявый, донкихотистый с виду персонаж, выбросил в потемневший снег докуренную до смятой гильзы вонючую беломорину и, не оглядываясь, пошёл наверх, на дорогу. Остальные зрители, удовлетворённые просмотренной драмой со счастливым финалом, тоже потянулись по домам. На противоположном берегу уже никого не было. Промокшего в воде экстремала товарищи наверняка повели куда-нибудь в тепло: «греть» изнутри и снаружи. Зеваки разошлись.

Чипок ещё долго стоял на своём посту, на высоком левом берегу. Был он неприметен, мал и неказист. И ещё удивительно равнодушен. И к тем, кто дошёл до него, а потом вернулся домой с трофеями. И к тем, кому не повезло, кто не справился с холодной водой, с ранящими осколками льда, с пятижильным течением. В конце концов, не чипок в ответе за человеческий выбор. Не ему и слёзы лить по неудачникам.

ЛАВОЧКА НА БЕРЕГУ

Самое важное часто начинается совсем не впечатляюще. И выглядит со стороны, как заурядный факт.

В тот день на улице было не просто жарко: кажется, камни на берегу раскалились от зноя и могли обжечь босые ноги. Пахло сухой пыльной травой, хотя лето не шло к концу, а только разгоралось. На некрашеной деревянной лавочке на высоком речном берегу, в тени разросшегося куста черёмухи сидел человек. Не первый день сидел. Ходить по такой жаре ему было явно тяжело, некуда, да и ноги старые утратили прежнюю лёгкость. В старенькой пиджачной паре, в кепочке какой-то замусоленной, в несгибаемых ботинках эпохи развитого социализма он появлялся на этой лавочке часов в де-

сять утра и уходил ближе к вечеру. Недалеко уходил: дом его стоял у него за спиной, только подняться чуть-чуть по склону, дорогу перейти – и вот он, дворик, в котором спал на цепи пёс, такой же старый, как его хозяин. На лавочке было уютно. Ветки прикрывали дедушку со спины – от дороги, сверху – от солнца, а перед ним, внизу, была только река, от которой струились спящее сияние и спасительная прохлада. Что дед видел на широкой водной глади или дальше, в зелени сопки, толпящихся на пологом противоположном берегу, неизвестно. Очки его, со стёклами такой толщины, что глаз не видно, делали его похожим на стрекозу из детской книжки. А может, он и не пытался что-нибудь рассмотреть впереди. Может, перебирал в памяти то, что оставил позади, в ушедших зимах и летах. Иногда с дороги был виден лёгкий дымок, поднимающийся из куста черёмухи: дед курился, как маленький набережный вулканчик.

За это лето он, казалось, сросся со своей лавочкой. Пассажиры рейсового автобуса, который делал в этом месте крутую дугу вместе с дорогой, привычно отмечали глазом обитаемый куст. Самого деда-лесовика можно было увидеть, лишь спустившись с проезжей части по отвесному берегу шагов на пять. Да и снизу, от воды, проблеск дедовых очков сквозь листву едва виднелся. Но его присутствие ощущалось как нечто обязательное и вечное.

Автобусы проезжали мимо лавочки каждый час в одну сторону и с такой же периодичностью обратно. Других машин было мало. Пару раз пронеслась, правда, туда-обратно, выделывая какие-то странные зигзаги, синяя бойкая «шестьёрочка», но и она не нарушила сонного покоя городка, плавающего под палящим якутским солнцем.

Молодая мама с двумя детьми, кудрявой девочкой и глазастым мальчиком, появилась на берегу, у самой воды, когда дед ещё не покинул свой пост. Видимо, троица направлялась на остановку, но до приезда автобуса было ещё минут пятнадцать, и семейство осторожно спустилось с дороги по горячим камням, чтобы поплескаться в прохладной воде. В тот момент, когда они стали медленно подниматься вверх, пробираясь наискосок, ориентируясь на лавочку, потому что именно за ней была остановка, слева на дороге показалась та самая бойкая «шестёрка».

...И вдруг время остановилось. Машина явно не вписывалась в поворот, её выносило прямо на смертельную диагональ: край дороги – лавочка – трое на склоне. Она доoooooooo летела за край, потом плаааавно скрылась за кустом черёмухи и долгоoooooooo не показывалась оттуда. Трудно было предположить, куда она дальше направит своё неудержимое движение: прямо, чуть левее, чуть правее? Женщина застыла, не двигаясь. За её левую руку держался худенький мальчик, за правую – курносая девочка в красной шапочке. Было очень тихо. Только два маленьких сердечка испуганно частили. Сердце матери молчало. Не слышно было и сердца старика.

...Тишина лопнула неожиданно. Стали слышны будничные, нестрашные звуки: с рёвом шла мимо тяжело гружённая моторная лодка, посыпались мелкие камешки из-под чьих-то ног, хлопнула где-то недалеко калитка, прошлёпали по дороге торопливые шаги кого-то невидимого. Из-за поворота показался горячий автобус, из него стали выходить чуть примятые пассажиры, оглядываясь на край дороги. Там, сразу за большим кустом черёмухи, ниже проезжей части шагов на

пять, лежала на крыше хулиганистая синяя машинка. Одно колесо продолжало по инерции весело крутиться. Рядом с машиной уже собрались люди, у них были хмурые лица. Подъехала «Скорая».

Кудрявая девочка и глазастый мальчик не могли видеть того, что происходило на берегу в ближайшие полчаса, потому что уже ехали в автобусе, везущем их в прохладу и уют дома. Они не разговаривали, не улыбались, сидели с прямыми спинками и держались за мамины руки. Мальчик – за левую, девочка – за правую. Женщина почувствовала, как в её груди стало больно раскачиваться, как будто переминаясь с ноги на ногу, онемевшее сердце. Потом оно пошло. Осторожными маленькими шажками. Тогда по маминым щекам потекли медленные тихие слёзы.

А к детям в их ночные сны с того жаркого дня стал иногда захаживать маленький сухонький ангел. В старенькой пиджачной паре, в кепочке какой-то замусоленной, в несгибаемых ботинках эпохи развитого социализма. Он садился на край постели то к девочке, то к мальчику и молча смотрел сквозь свои стрекозьи очки куда-то далеко. Иногда он курился, как маленький вулканчик. Но это не мешало детям спать и видеть счастливые детские сны.

Когда Соня увидела третьего таракана, хотя на часах не было ещё и двух дня, она поняла, что пора бежать. Она ненавидела этих тварей и каждый раз, когда видела их, прижимала руки к груди и испуганно следила за юрким насекомым, бегающим по её вещам. «Бей его тапком, не давай убежать, а то у вас их там столько разведётся, – учила по телефону мама, когда Соня звонила и жаловалась на жизнь в общежитии – они и в кружки будут залезать, и в кровать, и в нос», – после последних слов Соня просила мать замолчать и переводила разговор. Она не находила в себе сил пришлѣпнуть эту мерзость, и не из жалости, а потому что одна мысль о том, что придется отскрести раздавленного таракана с подошвы, доводила её чуть ли не до истерики. Соня не выносила любых насекомых, включая бабочек, что уж говорить о менее приятных существах, и поэтому жизнь в общежитии постепенно превратилась для неё в кошмар. Она скучала по тем временам, когда снимала комнату недалеко от метро, но вскоре родители поняли, что это слишком дорогое удовольствие, и Соне пришлось переехать. И теперь она всё надеется скопить денег и снова съехать на квартиру, но деньги без работы что-то не копят-ся, а работать Соне что-то не хочется.

«Ты хоть сегодня собираешься куда-нибудь идти?» – всплыли в голове слова соседки, которая в девять утра уже стояла на пороге и застѣгивала пальто. Соня виновато улыбнулась и накрылась одеялом. «Разве я тебе что-то должна? Иди на свои занятия, а меня не трогай, ботанша», – подумала она, когда соседка хлопнула дверью и вышла. Она, как назло, утром делала всё невероятно громко, и Соня просыпалась вместе с ней и ворочалась, пока та не уйдет. «Да, сегодня я собираюсь куда-то идти», – Соня нашла в интернете нужный номер, выдохнула и позвонила. Её поприветствовали и сказали, что слушают. «Мне нужен билет до Камчатки на сегодня. Нет, не Петропавловск-Камчатский, а Камчатка. А, так это она и есть... Только ночью, ну ладно. Сколько? Я вам перезвоню». Такой цены Соня не ожидала, значит, нужно

• Шумилова Анастасия родилась в 1995 г. в г. Дубне Московской области. Окончила Литературный институт им. М. Горького по специальности «литературное творчество». Впервые рассказы опубликованы в журнале «Изящная словесность».

выбрать что-то другое. Она вспомнила про забытую подругу, с которой они не общались уже больше года, но она жила в Иркутске и как-то давно звала её на Байкал. Не выгонит же она её, если появиться вдруг на пороге и попросить переночевать. А там и до Камчатки уже ближе и дешевле. Почему именно Камчатка Соня и сама толком не могла ответить, это почти край света и так далеко от Москвы, насколько это возможно. В Иркутск билеты были намного дешевле, но на сегодня они закончились. А Соне было нужно именно сегодня, ни за что не завтра. Она умоляла услужливый голос помочь ей, уверяя, что от этого зависит её жизнь, и в итоге ей согласились перезвонить, если билет вдруг освободится, такое бывает довольно часто, так что «не расстраивайтесь заранее».

Половина дела была сделана, теперь нужно было попрощаться. Соня набила рюкзак непонятными вещами, не сказать, что самыми необходимыми, скорее даже наоборот, но носить тяжёлые сумки она ненавидела, поэтому решила, что справится как-нибудь так. Сюда она больше не собиралась возвращаться никогда. Она закрыла дверь, пешком спустилась по лестнице и вышла на улицу. Тёплый ветерок приносил сладкий запах недавно открывшихся почек, на душе у Сони было легко и весело от собственной решимости и весны.

На пару Соня опоздала, она села назад и осмотрела аудиторию: его не было. В нескольких рядах перед Соней сидела его девушка и старательно писала конспект. Соня поморщилась и вздохнула, зря она сюда пришла. Выслушивать лингвистические термины было невероятно скучно, и Соне хотелось разрыдаться, настолько всё это угнетало её. Кабинет был тёмной душной коробкой, по которой разносился старческий вибрирующий голос. Она не выдержала, взяла рюкзак и встала, пришлось соврать преподавателю, что она плохо себя чувствует, хотя в его глазах Соню это всё равно мало оправдывало, и он сказал, что не потерпит хождений во время своей лекции. Правда, последних слов она уже не слышала.

Соня села на скамейку в сквере возле института и подумала, что же ей делать дальше. Вся радость её миг испарилась, и она сидела и пыталась понять, почему же ей так паршиво. Видимо, сами эти стены, студенты и преподаватели навевали на неё тоску. Она вспомнила огромных тараканов, соседку и то, что билетов в Иркутск не осталось. Куда же ей идти сегодня, если телефон не зазвонит? Соня подняла глаза и увидела его, – высокого и светлого – стоящего на взбухшем от корней деревьев асфальте. Она залюбовалась им, как это обычно делала во время занятий: смотрела на него, не отрываясь, пока он, почувствовав взгляд, не оборачивался к ней, тогда она поспешно опускала глаза и делала вид, что читает. До недавних пор она даже не знала, как его зовут, а когда узнала, попыталась забыть. К чему ей было имя и всё остальное, если единственное, что ей от него было нужно – это красота. И он давал её с лихвой. Даже в тоненькой девочке, когда она сидела рядом с ним, Соня видела красоту, и в том, как он целовал её – тоже.

– Не подкажешь, сколько времени? – Соня подпрыгнула на месте, когда он заговорил с ней и улыбнулся, она никогда не видела его так близко, и это надавило на неё. – Я телефон дома забыл, – пояснил он, заметив, как она смутилась.

Соне снова стало тесно и душно, и она почувствовала, как тошнота подбирается к горлу.

– Я не знаю, – она встала, обошла его и быстрым шагом направилась к выходу с территории института.

«Нет, неправильно, – подумала Соня, не заметив, что перешла практически на бег. – Он не должен был говорить со мной». Она чувствовала, что что-то сломалось и исказилось. Этот мальчик должен был оставаться в другом мире и не соприкасаться с её. Он разорвал нить, перешагнув черту, оказался в маленькой чёрной комнате, в которой ей одной было тесно, а с ним вместе – просто невозможно.

Соня тряслась в метро и старалась не смотреть на пассажиров, но всё равно смотрела, разглядывала лица, и ей становилось всё хуже, и вскоре она поняла, что слово «тошно» вот-вот откинет своё переносное значение и примет вполне прямое и настоящее. Она вышла из вагона и встала на ступень эскалатора. На улице она пошла прямо от метро и вскоре дошла до многоэтажки из красного кирпича. «Подойдет», – подумала она и направилась к подъезду.

– Девушка, вас проводить?

Соня сделала вид, что не слышит этого парня в кричащей красной куртке, который курил прямо у входа в подъезд. Она дёрнула за ручку двери, и та поддалась: домофон не работал. «Где-то я читала о том, что в такие моменты всё складывается... как специально...». В лифте стены были исписаны названиями русских и зарубежных групп. Соня не нашла своего любимого исполнителя и подумала, что нужно его записать, но она никогда не писала на стенах. На самом верхнем этаже она вышла в подъезд, открыла люк и поднялась на крышу. Ветер тут был куда сильнее. Соня сначала пыталась кутаться в пальто, а затем ухмыльнулась и подошла к самому краю крыши. Глядя вниз, на парк и детскую площадку, Соня жалела себя и ненавидела людей. Она говорила себе, что вот шаг – и она свободна. Наверное, будет больно, но совсем недолго, а потом будут петь птицы и журчать ручей, а ещё лучше, если не будет ничего – пустота. Она зажмурила глаза, сильный порыв ветра схватил её за плечи и хотел вознести, но Соня вскрикнула, открыла глаза, попыталась за что-то ухватиться, а затем сделала один верный шаг назад и упала на холодную крышу. Она ошарашенно смотрела на землю и хватала ртом воздух, а затем прижала руки к груди и подумала: «Я же могла умереть».

– Что ты тут делаешь? – Соня испуганно обернулась и увидела красную куртку.

– Ничего, – голос её прозвучал хрипло и затравленно, и в следующую секунду она поняла, что в слезах уже всё её лицо, она всхлипывает и учащённо дышит, размазывает тушь и помаду, пытается заткнуть рот рукой, но это не помогает. Он опустился рядом и обнял её, и Соня спрятала лицо на его груди, продолжая всхлипать, как ребёнок.

– Что у тебя?

– У меня ничего. Мне двадцать два, и я одна. Половина моего класса уже замужем или женаты, успели развестись, у них дети. А я боюсь и детей и свадеб. Я даже перестала общаться со своей подругой, потому что её муж и ребенок доводят меня до истерики, стоит мне только услышать о них.

Он молча слушал и крепче сжимал её плечи.

– А ещё я никуда не езжу. Я торчу в этом мерзком городе. В моём возрасте родители объехали всю страну, на третьей полке спали, с поезда прыгали. Я тоже хочу. Меня всё достало.

Она подняла на него заплаканное лицо, не думая о том, на что оно сейчас похоже. Парень посмотрел ей в глаза, поджал губы и понимающе качнул головой.

– Пойдем ко мне. Я живу в этом доме. Тебе нужно умыться и выпить горячего чая.

Соня наморщила лоб и по-новому взглянула на него. С её глаз словно спала пелена: ему было явно за тридцать, морщинки говорили об этом, а ещё у него был какой-то вытянутый тонкий нос, который Соне совсем не понравился.

– Убери свои лапы, – процедила она сквозь зубы и дёрнулась в его руках.

– Ты чего, – удивился парень.

– Отвали от меня! – крикнула она и обеими руками с силой ударила его в грудь, отчего ему пришлось отставить ладонь назад и упереться ею в крышу, чтобы не упасть на спину.

Соня вскочила и подбежала к люку, спустилась в подъезд и, не дожидаясь лифта, побежала со всех ног вниз по ступенькам.

– Эй, я же ничего такого, – через какое-то время крикнул ей парень с лестничного пролета. Соня подняла голову и увидела его красную куртку и озабоченное лицо, она подвернула ногу и, вцепившись в перила, сломала ноготь и едва не упала. Она стала хромать, но на шаг не перешла, хоть парень за ней и не гнался.

На улице было уже темно, а Соня всё бродила, не зная, куда себя деть. Щиколотка болела, и Соня волочила правую ногу, стараясь на неё особо не наступать. Было холодно, и изо рта шёл пар. Соня несколько раз моргнула, когда увидела таксофон. Давно она не натыкалась на эти вещи из прошлого. Она подошла к телефону и попыталась разглядеть инструкцию по применению, но было так темно, что пришлось светить экраном мобильного. Соня нашла отверстие для монет и кинула, сколько требуется, слушая каждый раз, как с сухим звуком ударяется металл о дно таксофона. Она не верила, но слышались протяжные гудки, а затем уставший голос:

– Алло, – и тут Соня поняла, как соскучилась по маме. Они не говорили с ней целый месяц, и Соня толком уже не могла вспомнить причину их ссоры, но извиняться не собиралась.

Улыбаясь, она повесила трубку и пошла в сторону метро. Когда Соня была уже около общежития, ей позвонили на мобильный. Она взглянула на незнакомый номер и поняла, что это звонят от железнодорожной компании. Освободился билет, её зовут в Иркутск, на Байкал. Соня сбросила звонок и отключила телефон, она знала, что будут звонить ещё.

– О, ты ходила в институт, – соседка подняла лицо от книги и удивлённо посмотрела на Соню.

– Да, ходила.

Ольга
ПЕРЕВЕРЗЕВА

СТИХИ

* * *

Я трудно уходила. Как зима.
Шатаюсь на ветрах последней стужи.
И болью неостывшего клейма
Звучало: мне никто теперь не нужен.
Я больно уходила. На пути
Слова легли солёными шипами.
И мне босой по ним теперь идти.
И – в никуда. Идти – за немечтами.
Я гордо уходила. Вопреки
Традициям злословия и быта.
Мы всё равно – вода одной реки...
Я буду позабыта – не испита!

* * *

В узоре веера китайского соломкой,
В тени под шторой, от дневного света ломкой,
И в ссоре тихой паучков на нити тонкой –
Зачем меня придумывать? Я есть.
В ресницах трав под утро тёплыми слезами,
В дожде – рассыпанным драже – оконной раме,
И в одноглазом лунном небе вечерами –
Зачем меня придумывать? Я есть.
Я есть в горошинах душистых у мимозы,
И в первом мутном соке плачущей берёзы,
И в детском страхе, когда в небе бродят грозы, –
Зачем меня придумывать? Я есть.
В последней новости сороки на каштане,
В булавке маленькой – от сглаза – на кармане,
И в чётных розах – на могиле моей маме –
Зачем меня придумывать? Я есть.

• **Ольга Переверзева** родилась в 1969 г. в Беларуси. Окончила МГПИ им. М. Горького по специальности «Психология и педагогика». Сотрудничала с республиканскими СМИ. Автор короткой прозы и поэтических подборок во многих белорусских и российских литературных изданиях. Соавтор антологии «Современная русская поэзия Беларуси» и книги поэзии молодых литераторов Беларуси «Мы – молодые». Автор восьми книг. Член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России.

В глазах стрекоз – остекленевшим перламутром,
 В рисунках детских – где всё просто о премудром,
 И в аромате кофе с пенкой ранним утром –
 Зачем меня придумывать? Я есть.
 Я есть в огне зажжённых свечек поминальных,
 В изюме булочек украшенных пасхальных,
 В витринах города, холодных и зеркальных –
 Зачем меня придумывать? Я есть.
 Я есть во всём. И, к сожалению, в обмане.
 В заветах Библии, советами в Коране,
 Я есть в придуманной мне жизни на экране,
 Я есть в придуманной мне вере на аркане,
 И в капле яда, растворённого в стакане, –
 Меня зачем придумывать? Я есть.

* * *

Он в углу. Он еле дышит.
 Плохо видит. Слабо слышит.
 Был хранить меня обязан
 Ангел мой – и тем наказан.
 Он в углу. Он моет крылья.
 Вязкой сажей, липкой пылью.
 Он меня стыдится – ниже
 Он не падал – он унижен.
 Он обижен переделом –
 Я досталась грешным телом,
 Языком, не всем понятным,
 И дыханием невнятным,
 Неопрятным швом души,
 Сердцем мятым, но большим,
 Вкусом мяты и полыни
 И гадюкой злой гордыни.
 Он в углу. Он не подходит.
 Он усталые отводит
 Солью полные глаза –
 Он уже мне всё сказал.
 Он беречь меня устал
 От самой себя – и стал
 Вместо Ангела крещёным –
 Человеком непрощённым.
 И теперь по немощёным,
 Как он думал – упрощённым,
 По людским земным дорогам
 Ищет угол...
 Полубогом

За спиной не удержала.
И теперь, как будто жало,
Будто горло пережало –
Он в углу был – я дышала...
За спиною был – жила...

* * *

Спаси его, разлука,
Пусть лёгкой будет ноша,
И поезда без стука,
И день любой – хороший.
Помилуй нас, жестоких,
Его храни, мой Боже,
Он не из одиноких,
Я знаю, он – не сможет.
Прости ему обиду,
Она без злого яда,
Он крепкий только с виду,
Побудь с ним просто рядом.
Дай, Боже, что попросит,
Я отдала, что было.
И, видно, он не спросит,
Но ты скажи: «Любила».

* * *

Придорожной забегаловкой – душа.
Откровеньем незнакомца – разговор.
Жизнь – тонюсенькая стенка шалаша.
Сквозь неё в глаза мне смотрит время-вор.
Хрупким венам – одиночества капель.
И безродным пилигримом – вера в рай.
Мой Господь – слепой охрипший менестрель –
Для чего-то мне надрезал сердца край.

* * *

Игры. Судьбы.
Тени. Боги.
Окна. Души.
Дом. Берлоги.
Берег. Дно.
Две жизни. Даты.
Храм. Обрез.
Любовь. Солдаты.

Вера. Призрак.
Лавры. Тленье.
Божий дар.
Медяк. Забвенье.
Оскар. Пир.
Чума. Монмартр.
Новый век.
Абсурд. Театр.

* * *

Позвольте мне пока сказать Вам «нет».
Позвольте мне остаться незнакомкой,
Таинственной мелодией негромкой,
Которую поёт летящий снег.
И свет, ещё не сказанного, чист,
И след – багряный месяц на бокале –
Лишь след. Вы этих губ не целовали,
Как Муза целовала белый лист
Во сне, который ангел подсмотрел,
Взмахнув над нами нежными крылами,
Осыпав белоснежными цветами.
Позвольте уберечь Вас этих стрел,
Огнём Вас не обжечь последних фраз.
Позвольте мне остаться незнакомкой,
Таинственной мелодией негромкой,
Сказавшей «нет». Но так любившей Вас...

* * *

Твоя непостижима суть.
И свет, как даль, недостижимы.
Но всё же хочется дерзнуть
И всё узнать.

Неудержимо

Склоняют стрелки к смене дат.
Кто виноват? Зачем родился?
Зачем у Каина был брат?
И на младенцев Ирод злился?
И сколько крови утекло
По разным поводам и венам?
И сколько Пушкиных легло
У Чёрных речек?..

Неизменна,

Непререкаемо проста
Земная суть души Вселенной:
Любви цветение куста
И увяданье жизни тленной...

* * *

Светлеет небо, сохнет тротуар,
Теплеют взгляды будничных прохожих.
Я просто рада беспричинности, похоже,
Своей улыбки и тому, что мир не стар.
И всё – не важно. Начат новый день!
Мы, слава богу, для чего-то живы.
Смешны обиды прошлогоднего пошива.
Под солнцем новым снова брезжит светотень.
И жизнь, как тайну чистого листа,
Рябиновой душой согреет осень.
Любви и света – это всё о чем мы просим.
И новый день всё расставляет на места.

* * *

Мгла обняла фонари вдоль аллеи.
Я не жалею себя. Сожалею
О неслучившемся и неизбывном,
Непрожитом, но решительно дивном.
Я не жалею себя. Всё как надо:
Речи наотмашь – венки за оградой.
Мгла обняла фонари вдоль аллеи...
Бог хоть когда-то о чём-то жалеет?

* * *

Осколки мыслей в брызгах слов.
Любовь? Была. А как иначе.
Но ничего уже не значат
Осколки мыслей в брызгах слов.
Обломки жизней в свете дат.
Кто виноват? Никто. Ну что же...
И грош цена теперь, похоже,
Обломкам жизней в свете дат.
Обноска душ в обёртке тел,
Остатки дел в мирке из быта,
Любовь испита и избита
В обносках душ обёрткой тел.

* * *

Дай согреться теплом огня,
Дай напиться рассветной мудрости,
Не брани, не гони меня.
Я пришла из своей безлюдности,

Бесприютности, вопреки
Смыслу здравому, по наитию.
На запястье левой руки
Шрам запёкся бурыми нитями.
Сонм сомнений не отвергай,
Просто выслушай сердце грешное.
Не прошусь я ни в ад, ни в рай.
Я везде не своя, нездешняя.
Сердце злее день ото дня,
Но ещё бежит от понурости.
Дай согреться теплом огня,
Дай терпимости, Бог, как мудрости.

* * *

Если ещё мы когда-нибудь встретимся
В дымных углах растворившейся вечности,
Мы, безусловно, с тобой рассекретимся,
Мы станем близкими до безупречности.
Всё, что мечталось, то, верно, забудется:
Жесты, движенья и слов интонации.
Даже любовь в лабиринтах заблудится,
Веря в печальные инсинуации.
Если мы всё-таки, всё-таки встретимся
Там, в коридоре из света и пламени,
Мы вновь зажжёмся с тобой и засветимся
Новыми звёздами. Просто узнай меня...

РАССКАЗЫ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Ты и я» называлась его картина маслом. Классика жанра.
– Я нарисовал её на первом курсе, – сказал Антон и поцеловал меня где-то в макушку.

Антон окончил училище живописи и работал в фирме своего одноклассника техническим директором, но время от времени выставлял картины.

«Оборотень», – сказала о нём Ирка Никитина – топовый дизайнер и одна из моих двух лучших подруг.

– Я эту девушку увидел зимой в трамвае. Она смотрела на вечерний город через маленькую проталинку замёрзшего окна и время от времени дышала на неё, чтобы та не уменьшалась. Через остановку вышла, а проталинку передала мне. И я влюбился. Я ходил по городу и искал эту девочку, а весной встретил Агнию.

Агния сегодня жена Антона.

Девчонка на картине была удивительно похожа на ту старшеклассницу, которой была я, когда мы на большой перемене играли в ручеёк. И когда Генка выбирал меня, моё сердце так громко колотилось, что я боялась, как бы оно не выдало меня.

Затем Генка окончил школу, и они с мамой уехали из нашего села. Первые годы вспоминала его часто, а потом всё как-то реже и реже. То ли дела, то ли память загрузилась другими событиями.

Генку, после стольких лет, случайно встретила в этом году. До чего ж мы зависим от случайностей. Или это не случайности вовсе.

На работу иногда хожу пешком. Выхожу со двора через арку и, перейдя улицу, оказываюсь перед строгим зданием с голубыми елями и ухоженной клумбой у входа, а дальше иду дворами. Дворы мне не нравятся, поэтому добираюсь в обход. Это мимо фонтана, через небольшую площадь, на которой с утра на скамейках сидит разный люд.

Вот и в тот раз отправилась на своих двоих. Майское утро обещало солнечный день.

«Хорошо-то как!» – подумала я и тут увидела Генку. Генка вышел из серебристой машины и почему-то улыбнулся (я даже увидела мою любимую щербинку между крупными зубами), затем неторопливо отправился в строгое здание. Генка всегда

ходил вот так вальяжно. Вразвалочку. Генка раздался в плечах, покрупнел, но он никогда и не был хляком. Моё сердце, как вспугнутая птица, трепыхнуло от неожиданности или ещё от чего-то. Генку не решилась окликнуть, но номер машины запомнила.

После этого стало происходить что-то странное. Это что-то притаилось за шторами, ходило за мной по пятам, мешало жить, и я уже больше не могла выносить это. Одиночество?

Без ложной скромности, я довольно симпатичная. Достаточно, не до фанатизма, ухоженная. Люблю себя. Нынче так принято. Одним словом, обычная современная женщина уже по ту сторону тридцати. Если водительские права международного образца что-то могут сказать об их владелице, то и они у меня есть.

Вот только всё реже мгновения уединённости и спокойствия. Наверное, от этого и случаются приливы тоски. А тоскую я по своему детству. В такие минуты забираюсь в кресло, выключаю свет и возвращаюсь памятью домой. Дом наш стоит на набережной, и, если перейти одностороннюю улицу, то можно, петляя между кустами, спуститься к реке.

В родительском доме с голубыми ставнями и потемневшей от времени черепицей который уж год живёт семья брата.

Моя нынешняя квартира – зона моего комфорта. В воскресенье, проснувшись, иду в ванну, затем на кухню. Тёплую и уютную – мне не нужно, как когда-то маме, топить печь. Мне не нужно, как когда-то в детстве, натягивать шерстяные носки, прежде чем сунуть ноги в тапочки.

На кухне пью кофе и возвращаюсь в постель. Читаю, смотрю фильмы, сплю. Проснувшись, вновь тащусь на кухню, съедаю бутерброд с куском холодного мяса, намазав его горчицей. Я не боюсь выходных дней, я люблю их. Я счастлива в воскресенье.

В понедельник моя жизнь вновь возвращается на круги своя: пять дней в неделю генерирую идеи и реализовываю их на благо агентства, арт-директором которого являюсь. Чего-нибудь для души в моей работе мало, а вот денег и возможности для самореализации пока хватает.

В пятницу вечером встречаемся с девчонками, в субботу – тренажёрка, сауна и бассейн. Так устроена моя жизнь, и в ней уже трудно что-то изменить. Да и как-то лень.

В студенческие годы у нас была хорошая компания, но время оставило мне только двух подруг: Никитину Ирку и Ирочку.

Никитина – баскетболистка, красавица и «дура я сентиментальная». Ирка Никитина в свои тридцать пять верила в душещипательную историю: «и жили они долго и счастливо, и умерли в один день», но иногда бывала решительной и непреклонной.

«Времени потраченного жаль», – сказала Ирка Никитина, когда застала своего мужа с красавицей из соседнего подъезда. Подала на развод, разделила совместно нажитое (сын достался ей) и навсегда удалила мужа из жизни и телефона.

Ирочка хрупкая, искренне весёлая, но никого, кроме мужа, местного олигарха Иннокентия Сергеевича, у неё нет.

«Хороший муж – это лотерея», – говорила моя мама.

В этой лотерее заветный билетик выпал тихоне Ирочке.

Вот уж десяток лет мы дружим втроем. Ни годы, ни житейские трудности не разрушили монолит нашей дружбы.

– Что-то неладно у тебя с душевным состоянием, – первая заметила моё настроение Никитина.

– У неё нет личной жизни, – поставила диагноз моему душевному состоянию Ирочка.

У меня нет личной жизни, а я этого просто не знала и была довольна. А теперь?

Надо что-то менять. Работа мне нравится, дом свой люблю, с подругами дружу. Осталась личная жизнь. Вот её-то неприкаемую и начну менять.

– Ир, найди мне мужчину на машине... – и я назвала номер Генкиной машины.

Как могла Ирочка найти и вернуть мне школьную любовь? Не было у неё никаких связей с высшими силами, а вот у её мужа...

Иннокентий Сергеевич организовал в загородном доме небольшой «коктейль-пати» Пригласил гостей, чтобы истинная цель вечеринки затерялась в запахе шашлыка и пьяных тостах.

Генка оказался Антоном. Я поняла это, как только увидела его поближе. И ещё поняла – мне нравятся такие мужчины.

Какие всё-таки изощрённые ходы придумывает судьба, чтобы свести двух незнакомых людей в одной постели.

Но в конце концов каждый строит эту жизнь сам.

– Я хочу знать о тебе всё, – сказал мне Антон в первый же день нашего свидания. – Хочу знать, что ты делала всё это время?

Что я могла рассказать о себе? То, как меняя свою жизнь, вышла в одиночество?

И я рассказала Антону о своём доме, о том, как мы с ребятами любили посидеть вечером на берегу у костра, на бревне.

Я же не решалась ни о чём расспрашивать Антона, боясь выдать своё желание знать о нём всё. А что я знаю об этом мужчине? Рукава рубашки любит закатывать выше локтя. Вот и всё, но «в голове вертит и кружит».

Я могла узнать больше, но я хотела знать только то, что мне Антон сам расскажет. Это было вполне честно.

– Я люблю тебя, – сказал он на втором свидании. Я не просила его об этом.

«Агния – шикарная женщина», – словно о каком-то постороннем человеке сказал как-то Антон о своей жене.

Ещё у него были две дочери. Семья. Они не знали о моем существовании, но я невольно влияла на их жизнь.

Как дальше сложится моя – не представляла. Я понимала, что всё равно не могла бы ничего изменить, но я и не хотела ничего менять.

Время шло. Каждый раз, думая о нас с Антоном, я внутренне съёживалась, рисуя варианты развязки.

Всё оказалось проще.

На стыке сентября и октября, когда рябинки под моим балконом меланхолично роняли листву, меня с коллегой отправили в командировку.

Вернулись мы через неделю в уже продрогший хмурый город. Противно моросил мелкий дождь и, судя по лицам прохожих, не первый день.

Решили согреться. Зашли в первое подвернувшееся кафе.

В пустом зале сидела только одна пара. Женщина с рыжими, слегка выющимися волосами источала покой и негу. Перед ней стоял бокал красного вина. Её рука, с изящным браслетом на тонком запястье, изредка вспархивала вверх, осторожно поправляла волосы и опять возвращалась на белую скатерть, иногда опускалась на руку спутника.

Ненавязчиво струилась музыка. Мужчина и женщина никуда не спешили.

Мужчина сидел к нам спиной, но мне и не нужно было видеть его лицо.

Так вот какая у тебя жена. На самом деле она очень красивая. И ты мне об этом говорил.

И да, у тебя жена, и ты спишь с ней, едешь за город, ходишь в кафе и на родительские собрания в школу. Это твоя жизнь. Мне там нет места. То есть сюрпризов никаких. Но отчего же так больно?

Агния, не обращая внимания на мою коллегу, окинула меня невозмутимо-спокойным взглядом. В её красивых губах затаилась усмешка.

Всё вдруг стало таким пошлым и нелепым: любовник, жена.

Муж возвращается из командировки домой, а там... Нет, наоборот, любовница возвращается из командировки, а там – жена.

Когда мы вышли из кафе, ветер гонял по тротуару тёмные грязные листья.

Всё исчезло – этот день, уверенность, смысл происходящего. Мир рассыпался.

Я шла и шла, и не могла ни остановиться, ни повернуть назад. В голове гудела пустота. На меня оглядывались. Было нестерпимо. Хотелось, чтобы скорее это закончилось. Не было ни желания, ни сил продолжать. Я оказалась на мосту, пошла к перилам и посмотрела вниз. Там, под мостом, ровно текла река.

«Время должно что-то изменить. Оно всё уносит», – сказала незнакомая женщина, появившаяся возле меня. Женщина попыталась взять меня за руку. Я убрала руку: я не хотела никаких контактов с этим миром.

«Ступайте домой», – сказала мне женщина, и я послушно побрела по серым улицам.

В городе снова пошёл дождь. В опустевшем дворе на лавочке сидел мужчина, у его ног лежал старый пес. Редкие прохожие ускоряли шаг или вовсе старались обойти эту парочку. Пёс равнодушно смотрел на них. Хозяин пса не потерял интереса к миру, поэтому смотрел на него с укором и обидой.

Мужчина и собака даже не покосились в мою сторону, как будто это не я прошла, а так, прошелестел пакет, подхваченный порывами ветра.

Дома наливаю кофе, забираюсь в кресло и ныряю в свои воспоминания, но не выдерживаю – не хватает дыхания. В сумочке долго звонит телефон.

За окном садится солнце, и ветер стучит ветками по крыше.

«Ничего, – говорю я в тёмнеющее окно, – время всё унесёт».

Закрываю глаза и вижу лёгкую тропинку, спускающуюся между низкорослыми кустами к реке. Мысленно иду по ней. В сомкнутые ладони набираю ледяную воду, а затем окунаю в неё лицо. Мне хорошо и спокойно...

Ночь. В домах слева ещё кое-где светятся окна. Справа... река.

Шурша гравием, подъехала серебристая машина и затихла. Из неё вышел мужчина, подошёл к краю берега.

Где-то внизу мерцает река. Лунная дорожка спускается к воде и расплещивается по ней вместе с волнами. Над всем этим рассыпано огромное звёздное небо.

Полумрак пространства разрывает одинокий фонарь, застрявший между мирами.

Под лампой мечутся мошки...

Мужчина осторожно, задевая рукой кусты, спускается по еле заметной дорожке.

В ночной тишине настойчиво плещет река.

НУ ВОТ СКАЖИ, МАКСИМОВ...

Я в эту любовь вошла как-то неожиданно. В понедельник утром.

К тому времени я уже месяц работала в школе. Преподавала математику. И уже месяц мечтала сбежать из этого ада. Дотянуть бы только до лета.

Хозяевами моей однушки были Владимир и Инночка Семёновы. Не знаю, почему высокую, с плечами пловчихи девушку звали Инночкой, а её светленького худосочного мужа, которого хотелось назвать Вовочкой, – Владимиром.

Максимов был Инночкиным соседом по даче. А Инночка дочерью владельца нескольких магазинов, и дача их была приличным загородным домом, с бассейном и сауной, поэтому я никогда не отказывалась от предложения Семёновых пошашлычить на выходные за городом. Желающих всегда была толпа.

«В тебя наш Макс влюбился», – сообщила мне Инночка в понедельник. Я тут же сделала попытку вычленив их Макса из этой толпы, очень надеясь, что уверенный здоровяк у барбекюшницы, заинтересованно посматривавший в мою сторону, это и есть он.

Во вторник у школы меня ждал незнакомый улыбающийся парень. Улыбка у парня была хорошая. И сам он был светлым и голубоглазым. А мне нравились брутальные и смуглые.

То, что Максимов влюбился в меня с первого взгляда, меня не удивило, меня немного раздражала, нет, не настойчивость, с какой он добивался наших встреч. Раздражала его, приземистого, рано начавшего лысеть парня, уверенность, что красивая современная девушка, то есть я, непременно должна ответить ему взаимностью.

То, что он Гоша, Максимов сказал на третий день нашего знакомства. А Макс – это производное от фамилии.

Первой, что мы не подходим друг другу, сказала мне Верка-биологичка.

«Странный выбор», – сказала директриса Жанна Ивановна, когда встретила нас с Максимовым в кафешке.

А что странного-то?

У меня было такое ощущение, что всё главное, значимое и настоящее ещё впереди, но с Максом всё равно классно.

Максимов хорошо рисовал. Здорово играл на гитаре. Но главным у него был талант общения. Как сказали бы специалисты по нашей психике, умел создать пространство для общения.

В общем, Максимов был очень и очень мужик.

Через неделю нашего знакомства Максимов предложил мне выйти за него замуж.

– А что так поздно, почему не сразу на второй день?

Это я изо всех сил старалась скрыть свою растерянность.

– Да я и на второй день уже готов был, но как-то неудобно было, – спокойно сказал он.

– Ну кто ж осенью объясняется в любви? В любви объясняются весной, – неуклюже переводила я его предложение в шутку.

Макс промолчал. Больше к этой теме мы не возвращались. Но меня задело, даже немного обидело, что после моего отказа Максимов ничуть не выглядел удручённым. И даже хоть сколько-то расстроеным.

Теплая осень затянулась.

Мы всё ещё собирались на даче у Семёновых по выходным. В одну из таких вылазок за город Макс исчез. Мне стало скучно. Я послонялась, послонялась среди многочисленных Инночкиных друзей и пошла на дачу к Максиму. Кстати, он никогда к себе не приглашал. Интересненько.

Дверь в дом была распахнута. Ветер, как парус, пузырил белую ткань дверных штор. Я подумала и решила войти, не обозначаясь. Не объясню, почему так сделала. Мне кажется, я где-то понимала, что ненормально мало знаю о Максимове. Ну, служил на флоте (это он сам сказал) и, кажется, подводником. Это уже Инночка добавила. Сейчас работает, заочно учится. У его отца давно другая семья в этом же городе.

Выходит, я хотела заглянуть в жизнь Макса, но так, чтобы он и не заметил. Скажи честно, ты так же, как и эта мымра-биологичка, считала Максимова не парой себе?

Когда я вошла, то опешила. Отовсюду на меня смотрела я. Вот я смеюсь, вот я ем яблоко, вот я щурюсь. А вот я сплю в своём любимом кресле. Всюду, как в художественной галерее, висели мои портреты. Среди них попадались и другие рисунки, но мало. Не скажу, что это было так уж приятно.

Я попятилась, собираясь выскользнуть из собственного мавзолея, но где-то из глубины дома послышался женский голос. Приятный, про такой говорят – грудной. И тут же басыщий мужской. Макс что-то отвечал, нет, я бы сказала, Макс кого-то уговаривал.

Я тихо пошла на голоса и оказалась перед открытой дверью. В дверной проём просматривалась небольшая комната. От тени дерева за окном в комнате был полумрак.

Напротив, на приподнятых подушках лежала женщина. Её бледное широковатое лицо было повернуто, и она увидела меня. Мы даже встретились с ней глазами, и они на миг стали ледяными. Перед ней на стуле сидел Макс. И, кажется, гладил её руку. Я тут же, отшатнувшись, замерла, прислушиваясь. Сердце испуганно заколотилось, и я расслышала только несколько раз слово «мама».

Когда спускалась с крыльца, увидела на другой его стороне инвалидную коляску. В коляске лежало несколько больших красных яблок.

Инночка нашла меня на лавочке в углу своего сада.

– Что-то случилось? – встревоженно спросила она и обняла меня за плечи.

Мне не нравится, когда до меня дотрагиваются чужие люди, и я отстранилась.

– Нет, вроде.

– Макс говорит, в марте поженитесь.

– Да ну! – засмеялась я и вспомнила свои слова, что в любви объясняются весной, и тут же высчитала, что март – это и есть весна.

– Да он уже и деньги на медовый месяц собирает. Говорит, если ты согласишься, в Амстердам поедете.

Мне почему-то показалось, что в голосе Инночки прозвучала зависть. Откуда?

Но тут появился дрыщ Владимир, безраздельно владеющий сокровищем-Инночкой, и мы отправились в компанию, которая уже всю пела под гитару Макса.

Дома весь вечер перед глазами – бескровное женское лицо из-за спины Макса.

И ещё – как быть с Максимовым, который собирается в марте погулять меня по старинным кварталам Амстердама?

На следующий день Максимов не появился. Просто не пришёл и всё. Я позвонила ему, но телефон был отключен. Это выглядело странно.

И я испугалась. Мне стало жутко, что с ним что-то случилось.

Была уже ночь, и Семёновы на мой звонок тоже не ответили. К счастью, я вспомнила, что когда-то Максимов записал номер домашнего телефона на каком-то учебнике. Я перебрала все книжные полки, выцветшие циферки обнаружались на форзаце учебника Атаханова «Системы начального обучения».

Смешанное чувство надежды и страха сделалось неконтролируемым. И я до утра прослонялась по квартире. А чуть свет позвонила.

Знакомый голос его мамы сказал, что Гоши нет дома. Голос был грудной и сонный, значит, ничего не случилось.

Мне захотелось Макса убить. А потом стало смешно, и я хохотала.

«А что ж всё-таки случилось? Нужно перезвонить», – подумала я, отсмеявшись.

Сейчас я не уверена, что это была мысль адекватного человека.

И Гошина мама, затягивая паузы, поведала мне, что вчера у них (пауза) была Инночка (пауза) и «раскрыла Гошику глаза».

Оказывается, я проболталась Инночке, что встречаюсь с Максимовым только до весны, а там уж найду кого-нибудь получше...

Наконец-то пришла зима.

От Семёновых я съехала. Верка-биологичка нашла мне другую квартиру и помогла перевезти в неё вещи. Вечером мы с ней напились на кухне и рыдали в два голоса, рассказывая друг другу истории страшных предательств, пока соседи снизу не постучали по батарее.

«Так, без слез и соплей», – сказала я себе утром и пошла в школу, преподавать этим кровопийцам математику.

А когда в феврале встретила Макса с девушкой, я опять рыдала на кухне, но соседи мужественно выдержали мои причитания и жалобы на проклятую жизнь.

Но про жизнь, скажем так, это я сгустила краски, чтобы выглядело трагичнее. Не из-за одного же Максимова мне реветь.

В марте наступила весна. По календарю. Снег и ветер накрыли город. Все вокруг бежали, бежали. Пытались согреться. Или спрятаться?

День за днём проходила и моя жизнь. Я передвигалась по ней хнычущим розовощёким оксюморонам. В днях чего-то не хватало.

И вдруг меня, как откровение, накрыла мысль: нужно уезжать в деревню к маме. И из школы я уходить не буду. Не боги горшки обжигают. Деревенские дети они другие, они добрее и проще. И так мне стало легко, как будто я узнала пароль от тайной двери.

Уеду, и с Максимовым наконец-то всё решится.

Когда Жанна Ивановна узнала, куда я уезжаю, она мне даже отработку не назначила. «Правильно, езжай, деточка, к маме», – сказала директриса и тут же подписала заявление.

Уезжала я в понедельник. До отправления моего поезда оставалось немного времени. Все дела сделаны. Вещи отправлены. На посошок ещё вчера выпито. И я решила зайти в школу, попрощаться.

– Ну что? Молодой человек нашёл тебя?

Встретила меня в фойе дежурная тётя Глаша.

– Какой? – спросила я, и сердце моё так дёрнулось, что я присела на скамейку.

– Ну, этот... Такой лысоватый. Он так расстроился. Чуть не заплакал, когда узнал, что ты уехала.

Ах, тётя Глаша, тётя Глаша!

Дежурная ещё что-то говорила, что-то хорошее про лысоватого парня, про его обходительность, но я не слышала. Я еле сдерживалась, чтобы опять не разреветься.

Ну вот скажи, Максимов, ты нормальный?

Через два часа я уехала из этого города навсегда.

Не всё можно объяснить словами.

Максим
КОРЕПАНОВ

СТИХИ

ВЕСЁЛОЕ ВРЕМЯ ГОДА

В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

За окном тишина,
А в душе – вдохновение.
Эта песня проста,
Словно ангелов пение.

Воздух тонок и чист,
Свет звезды, ночь, околица.
И глядит кротко Бог,
Как волхвы над Ним молятся.

* * *

Весёлый ветер,
взгляд жены,
пасхальный вкус вина.
У этой жизни цели есть,
а паче тем –
цена.

Нехитрый быт и чистый смех,
и голоса детей,
и всё собой объявший Свет –
зови
судьбой
своей.

* * *

Практикую дзен –
подметаю сад,
Не сумою нищ,
не умом богат.

У меня есть дом,
дочь, жена и сын –
Я люблю их всех.
Я как перст один.

• **Максим Корепанов** родился в 1984 г. Окончил филологический факультет Удмуртского госуниверситета. Автор двух сборников стихотворений. Печатался в литературных журналах «Луч», «Инвожо», «Италмас», коллективных сборниках. Член Союза журналистов России. Живет в пос. Игра Удмуртской Республики.

А вокруг летит
будних дней листва –
Ничего здесь нет,
лишь метёт метла.

* * *

Рисуй меня, пока я тут живой
Хожу, брожу, вдыхаю атмосферу,
Держу за руку маленькую Веру,
Гляжу с надеждой в синь над головой.

Пройдут года, и в эти вот глаза,
Искусно прорисованные серым,
Посмотрит наша маленькая Вера

И всё поймёт,
что мучило
отца.

* * *

Пропахла Русь извечной Костромой:
Оврагами, усобицами, щами,
Раскольничьими хмурыми лесами,
Тамбовской окровавленной травой,

Курганами, царьградами, литвой,
Дажьбогами, баскаками, церквями,
Дорогами, острогами, сенями,
Картофельной горящею ботвой,

Берёзами, бараками, золой,
Кандальниками, тифом и лаптями...
Весенними апрельскими цветами
И первой, из-под пара, бороздой.

Пропахла Русь извечной Костромой...

* * *

Бывают дни особой тишины:
Светлеет мир, и всё вокруг иначе,
Душа в груди живая тихо плачет,
И снова мы про детство видим сны.

Там тёплый ветер дует нам в виски,
И всё в цветах вдаль поле от порога,
И так легко, так много всюду Бога!

И нет ещё неверья и тоски...

* * *

По улицам ижевским и пустым...

Ирина Кадочникова

Пойдём по улицам, покуда мир стоит,
Пусть наши имена в нём мало значат,
И жизнь навряд ли проживёшь иначе,
Но ангел над тобой

не зря летит.

Пойдём по улицам, пусть нас никто не ждёт,
Вина не наливает, чай не ставит.
Нам ничего в прошедшем не исправить...

И только ангел знает нас

куда ведёт.

* * *

Королева скидывает туфли,
Она так устала после бала!
Алмазны глаза её потухли,
И прижалось к телу одеяло.

Королеву утром ждут заботы:
1С, отчётность и зарплаты.
А пока – ей снятся звездочёты
И виконтов рыцарские латы.

Веселы жонглёры и ваганты,
И слагают песни менестрели,
И глядят вслед преданные гранды!..

И пищит будильник у постели.

* * *

Мимолётность всего и вся,
Перелески да сквозняки,
Облака над водой висят
Безымянной лесной реки.

Вековечный родной тупик,
Неприкаянность, тишь да глушь:
Просветляется тёмный лик,
Да сереет всё больше душ.

* * *

Немного надо мне – в горах
Стоял бы домик твой,
И хоть бы изредка туда
Я узкой шёл тропой.

И чай мне наливали б там,
Шиповник густо цвёл,
И шёл бы май по склонам гор
В медовом гуде пчёл.

Шумела рядом бы река
(Арагви, Терек ли),
И чтобы пошлость, грубость, зло
Тот домик не нашли...

* * *

Пусть будет вечер долгим
И в грушевый твой сад
Сентиментально льётся
Сентябрьский закат.

Браслеты с рук снимая
(Как тонко серебро!),
Быть может, ты припомнишь
Печального Пьеро.
Но, впрочем, — всё пустое,
Всё в прошлом много лет...

Льёт вечер над тобою
Спокойный, ровный
Свет.

* * *

Летит весёлый ветер
Куда поманит даль,
Он молод и беспечен,
Ничто ему не жаль.

Пока не станет взрослым,
Пока повсюду свет,
Бежит за ним мальчишка
Голубоглазых лет.

Надуло солнце парус
На детстве-корабле,
Летит июньский ветер
Наперерез судьбе...

* * *

Пусто. Тоскливо. Смертно.
Вечер. Девятый час.
Кроме луны и ветра
Дело кому до нас,
Пьяных поэтов, парий,
Лодырей всех мастей?
...Ветер за дверью бара
К ночи подул сильнее.
Можно ещё по кружке,
Ну а потом – куда?!
Сиро, тоскливо, смертно
Смотрит с небес луна.

* * *

Плохо дело, кончилось вино,
Жизнь как будто мимо пролетела,
И идёт корабликом на дно
В омут смерти сломанное тело.
И душе, бесхозной и пустой,
В этот мир уже не возвратиться.
Отмелькались
годы, люди, лица.
Всё ушло.
Осталось быть землёй.

* * *

Смотри вокруг, мой мальчик: февраль, закат и свет;
Всё это повторится, и только папка – нет.

Но я тебе желаю: когда пройдут года,
Взяв маленького сына, опять прийти сюда.

И пусть малыш, увидев, запомнит навсегда,
Как в золоте вечернем горят вокруг снега.

Зачем всё это надо, ты сам поймёшь, дай срок.
Гляди ж, гляди покуда на этот свет, сынок!

* * *

Всё замерло. Бескрайний синий день,
Реки рукав и клёны палисадов,
Благая тишь над крышами посадов –
Уездный ясный древнерусский дзен.

И так же было много лет назад,
И кто-то тоже сочинял про это...
Горело солнце. Уходило лето.
И мёдом пах
репьем заросший сад.

* * *

Дождик серый, осенний
тянет с юго-востока,
Я сегодня с работы
отпросился до срока,
По бульварам картинным
до знакомой таверны,
Где родные пьянчуги
пьют с полудня, наверно,
Шёл, и мир становился
чутче, ближе, дороже,
Мне казался знакомым
каждый встречный прохожий,
И листва опадала,
но душе не грустилось,
И летела над миром
тихо Божия милость...

Леонид
КАРПОВ

ЕСТЬ ЖЕНЩИНА

Венок сонетов

1.

Я не хочу жалеть о том, чем жил,
Рискуя измениться понемногу,
А если быть собой не хватит сил –
За всё отвечу совести да Богу.

Листает время дряхлый календарь,
Юдоль людскую убажая снами.
Боюсь, что мне пришла пора, как встарь,
Исчезнуть за чужими именами.

Ласкает взор потёртая сума.
Висеть в кладовке ей осточертело.
Ещё есть шанс, на миг сойдя с ума,
Сжечь все мосты и растревожить тело,

Наивно полагая, что аскета
У бездны греет даже лучик света.

2.

У бездны греет даже лучик света
того, кто мёрз в кромешной темноте.
Я знал, что есть миры другие где-то,
но мне казалось – все они не те,

где я смогу найти душе опору,
где вечных истин смысл обрету,
и день за днём тащил, как камень в гору,
в чужую жизнь заветную мечту.

А небо, заштормив, куда-то звало,
качая в тучах журавлиный клин.
Быть может, выжить – вовсе и немало,
чтоб не стыдиться шрамов и седин.

И пусть я кубок свой до дна испил –
мне не страшны немые рты могил.

• Леонид Карпов родился в 1966 г. в пос. Кестеньга в Карелии, где сейчас и проживает. Работает монтером пути в ОАО «Российские железные дороги». Публикации в районной газете «Приполярье», журнале «Север» и др. Автор двух поэтических сборников.

3.

Мне не страшны немые рты могил.
Смерть, как ничто, полна сакральной тайны.
Когда ты не допел, не долюбил,
то эти факты вовсе не случайны.

Возможно, что на счастье есть лимит,
растерзанный на маленькие части,
и потому, порой теряя стыд,
мы так всецело отдаёмся страсти.

Я, как и все, готов платить оброк
за каждую возможность верить в чудо
и нежно выжигать орнамент строк
огнём, что вдруг возник из ниоткуда,

забыв о том, как беспощадны Лета
и слава, очернившая поэта.

4.

И слава, очернившая поэта –
тяжёлый, но вполне посильный крест,
пока ещё полна моя планета
от лишних глаз сокрытых нами мест.

Там только ты, не встреченная мною,
плывая в ладье, колышешь лунный след,
делясь своей печалью с тишиною
и сокрушаясь, что меня всё нет.

Но я вернусь – не завтра, так чуть позже,
ты только верь и терпеливо жди,
поскольку нет мгновения дороже,
чем то, когда прижмусь к твоей груди

и там, где что-то бьётся и болит,
растает лёд сомнений и обид.

5.

Растает лёд сомнений и обид,
мешающий нам быть немного ближе,
и позовёт, отплакавшись навзрыд,
то небо, что вчера казалось ниже.

Пожарища покроются травой,
рассеется завеса дымовая,
и я пойму, что всё ещё живой,
и ты опять поверишь, что живая.

Всё так и будет, или же зачем,
прилюдно сам себя лишая кожи,
я выбрал эту долю, став никем –
мелькнувшим за твоим окном прохожим?

Пусть любящим воздастся по заслугам,
а неприятель обернётся другом.

6.

А неприятель обернётся другом,
который постеснялся дать совет
тому, кто перепутал север с югом
и в чьём уставшем сердце места нет

ни вере, ни надежде, ни отваге,
способным в нём убить больное «я».
Он прикипел душой к листу бумаги,
где очень просто всё начать с нуля;

где нестерпимо хочется меняться
на самом деле, а не на словах;
где он увековечил, словно в святцах,
свой каждый день, что превратится в прах;

где, даже несмотря на жалкий вид,
юродивым грустить не надлежит.

7.

Юродивым грустить не надлежит.
Блаженному всё – радость и отрада,
и потому спешит испить пиит
ту чашу, что полна тоски и яда

бессчетных расставаний и потерь,
любовных козней и мирского лиха.
Он верит, что ещё откроет дверь
в пристанище, где и светло, и тихо,

и можно будет, сбросив этот груз,
который на себя взвалил когда-то,
сбежать от почитателей и муз
и, радуясь забытым ароматам,

гулять вдоль поля, вспаханного плугом,
бросая хлеб слетевшимся пичугам.

8.

Бросая хлеб слетевшимся пичугам,
есть время поразмыслить – почему
считаем мы не счастьем, а недугом,
те чувства, что ни сердцу, ни уму

не властны вовсе, но необходимы
и в старости, и в самом цвете лет.
Не потому ль бездомны пилигримы,
что не решились свой оставить след

на землях, что нисколько не похожи
на миражи, позвавшие их в путь?
Не потому ль и я блуждаю тоже
в трёх соснах, но не смею отдохнуть,

поскольку, взяв оплату за постой,
едва ли кто-то крикнет мне: «Постой!»

9.

Едва ли кто-то крикнет мне: «Постой!
Не нужно обязательств! Быть собою –
уже, по сути, выбор непростой
для нас, не избалованных судьбою!

Останься! Я отвыкла от чудес
в обычном доме с прудиком и садом!
На что мне глубина и ширь небес,
когда ты далеко, когда не рядом?!

Мелодия вечерней тишины
заставит нас задуматься о малом,
и мы с тобой разделим наши сны,
обнявшись под лоскутным одеялом!

Иди ко мне! К чертям – вино и ужин!
За дверью дождь, а ты насквозь простужен!»

10.

«За дверью дождь, а ты насквозь простужен...»

И что с того, ведь я давно привык
к росе, упавшей тысячью жемчужин
на травы и разросшийся тростник

вдоль озера, где над крутым обрывом
стоит мой, словно вросший в землю, скит;
и равнодушен к яростным порывам
ветров, живущих в зарослях раки;

и не страшны мне дикие метели;
и веселит грозы безумный пыл,
ведь мы с тобою всё-таки успели
друг другу подарить по паре крыл,
а тем, кто был испытан высотой,
теперь не важно, что там, за чертой.

11.

Теперь не важно, что там, за чертой –
бескрайний космос, рай или геенна.
Тебя я знал и грешной, и святой.
Сдавался в рабство и сбегал из плена.

Мы расставались, выхватив мечи,
и пряли нить, что нас опять связала,
и каждый думал: «Только не молчи...
Услышать голос твой – не так уж мало!»

Там, на обратной стороне Луны,
а может – до смешного где-то рядом,
куда из заколдованной страны,
объятай бесконечным снегопадом,

ищу я путь, что круглый год завьюжен –
есть Женщина, которой стал я нужен!

12.

Есть Женщина, которой стал я нужен
как друг, а не лирический герой,
и пусть всего лишь пару-тройку дюжин
мы месяцев знакомы и порой

не понимаем, для чего нам эта,
совсем необязательная связь –
я разлюбил весну – предтечу лета,
поскольку без тебя в ней – только грязь

и слякоть, и промозглые туманы,
и череда пустых ночей и дней.
Я знаю, что мои поступки странны,
а паузы меж писем всё длинней,

но я всегда – твой верный визави
без права отказаться от любви.

13.

Без права отказаться от любви,
я много лет искал тебя по свету
и умолял судьбу: «Благослови
меня не потерять возможность эту –

оставить на потом и нежность слов,
и искренность рифмованного слога,
когда я, обошедший сто миров,
остановлюсь у главного порога

и выйдет на крыльцо, не пряча глаз,
та, что заждалась этой встречи тоже!»
Прошу – не прогоняй меня сейчас
и, если я – наркотик тот, что может

в любой момент разжечь огонь в крови –
я буду рядом – только позови!

14.

Я буду рядом – только позови –
и в радости, и в безутешном горе,
и если даже скажешь: «C'est la vie
mon cher!» и навсегда исчезнешь вскоре –

я прошепчу чуть слышно: «В добрый час...»
Нет повода грустить, ведь очень скоро
мне о тебе напомнят много раз
костры рябин и синие озёра,

и вдоль ущелья белой пумы след,
и диск Луны, что потихоньку тает.
Да, ты права – конечно, смерти нет!
Мы встретимся! Чуть позже. Так бывает...

Бесхитростных убежищ старожил –
я не хочу жалеть о том, чем жил!

15.

Я не хочу жалеть о том, чем жил!
У бездны греет даже лучик света.
Мне не страшны немые рты могил
И слава, очернившая поэта.

Растает лёд сомнений и обид,
А неприятель обернётся другом.
Юродивым грустить не надлежит,
Бросая хлеб слетевшимся пичугам.

Едва ли кто-то крикнет мне: «Постой!
За дверью дождь, а ты насквозь простужен!»
Теперь не важно, что там, за чертой –
Есть Женщина, которой стал я нужен!

Без права отказаться от любви,
Я буду рядом – только позови!

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ №1 (35) • 2018
Литературно-художественный журнал

Учредитель *С. А. Склейнис*

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ78-01360 от 27.05.2013 г. выдано Управлением федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному федеральному округу.

Адрес редакции: 191119, Санкт-Петербург, Звенигородская, д. 22, лит. В.
Тел. (812) 404-63-08, +79213249184.

Почтовый адрес: 197372, Санкт-Петербург, ул. Гаккелевская 20, корп. 3-12.

E-mail: skleynis@ou.ru

Сайт журнала: <http://neisri.narod.ru/is/index.htm>

Оформить подписку и приобрести отдельные номера журнала можно в редакции.

Заказ по электронной почте: E-mail: skleynis@ou.ru

•

Розничная продажа в Санкт-Петербурге:

магазин «Порядок слов» (Набережная реки Фонтанки, 15)
книжный салон «У Ахматовой» (Литейный пр., 51)

•

Корректор *С. Вершинина*
Технический редактор *К. Новикова*
Компьютерная верстка *С. Ефимовой*
Фото на обложке *Е. Сапожникова*

•

Подписано в печать 12.12.2018 г. Гарнитура Букварная. Формат 70×100/16.
Усл-печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,68. Печать ризография. Тираж 300. Заказ 183. Цена свободная.

Отпечатано в типогр. Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого:
195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. Тел. (812) 702-77-18.